наперекор

Журнал - катализатор умственного брожения

МОСКВА

N6 ЛЕТО 1997

злой номер

АЛБАНИЯ: «ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ» НАОБОРОТ

Произошло то, чего никто не ждал. В самый разгар всемирного наступления «неолиберального» капитала на права и завоевания трудящихся классовому врагу был дан массовый вооруженный отпор. В маленькой горной стране на богом забытой окраине Балкан вспыхнуло восстание против последствий рыночных реформ. Пока мазохистски настроенные толпы в Югославии и Болгарии по соседству требовали «больше капитализма», на берегу голубой Адриатики разгорался костер свободы. Весенние цветы и залитые солнцем улицы и площади южноалбанских городов знаменовали собой новую надежду для мятущегося и потерявшего перспективу человечества.

Все начиналось незаметно для внешнего мира. Албания, где еще живы древние общинные традиции, после падения сталинистского режима управлялась авторитарным режимом «демократов» во главе президентом Беришей - бывшим личным врачом диктатора Энвера Ходжи, а ныне ярым «антикоммунистом». Страну считали образцовым детищем Международного валютного фонда и Всемирного банка, чьим рыночным рецептам новые власти следовали неукоснительно. Результаты, как и повсюду, оказались катастрофическими: крах промышленности, колоссальный рост безработицы, сравнимая с Африкой нищета подавляющего большинства трудящихся и вызывающая роскошь «новых албанцев», тесно связанных с итальянской мафией, повсеместная коррупция. Бериша правил Албанией, не церемонясь с меньшинствами и политическими противниками. Ему ничего не стоило, скажем, подтасовать выборы в мае - июне 1996 г., игнорируя протесты наблюдателей и силой подавив возмущение. Западные капиталисты и правительства были неизменно благосклонны к своему ученику: правитель Албании - безусловно, сукин сын, но это был их сукин сын.

Недовольство нарастало исподволь. Недоставало только повода, чтобы произошел взрыв. Но и он быстро нашелся. В январе 1997 г. рухнули финансовые компании, строившиеся по принципу «пирамиды». Российскому читателю эта схема хорошо знакома на примере печально

известного треста «МММ»: предприимчивые авантюристы, обещая сверхвысокий процент доходов, приглашают граждан «доверить» им деньги, затем деньгами последующих вкладчиков расплачиваются с предыдущими, некоторое время поддерживая иллюзию устойчивости компании, а под конец, нахапав достаточно средств, преспокойно исчезают, оставив доверчивых людей в дураках. В Албании эти махинации приобрели совершенно невиданные масштабы. Жители страны, привыкшие к жесткому сталинистскому нормированию, не имели ни малейшего представления о том, как действует рыночная экономика. Они наивно верили, что частный капитализм, частные компании и фирмы принесут им благосостояние. Власти и СМИ активно рекламировали новшество. Свои жалкие сбережения вложили в «пирамиды» 60% албанцев. Суммарные потери жителей страны составили, по разным подсчетам, от 1 до 2 миллиардов долларов. Эти деньги попали в руки лиц, тесно связанных с режимом Бериши, в карманы албанской и итальянской мафии.

Все это, впрочем, не исключение в «новых рыночных демократиях». Вот только - в отличие от трудящихся соседних стран или республик бывшего «Союза» - албанцы не стали молча терпеть «ограбление века», а взбунтовались. 15 января жители Тираны вышли на улицы и подожгли бюро одной из мошеннических компаний. 24 января в южном городе Саранда начались демонстрации граждан, обворованных «новыми албанцами» с молчаливого согласия и при соучастии властей. Протесты переросли в бунт. Режим бросает против демонстрантов полицию, происходят первые аресты. 9 февраля, когда 200 тысяч человек со всего региона выходят на улицы Влеры, жандармы открывают огонь. 2 человека убиты, свыше 100 ранены. Но это уже не может остановить вспыхнувший взрыв массового недовольства. Весь февраль манифестации продолжаются с неослабевающей силой. Люди требуют от властей вернуть им украденные деньги. Правительство запрещает деятельность «пирамид», но отказывается компенсировать потери населения. Албания твердо следует «режиму жесткой экономии» - местному варианту «гайдарономики», включать печатный станок запрещает МВФ, а трогать прибыли новобогачей власти не собираются. В ответ все больше людей требуют отставки диктатора Бериши. К 1 марта демонстрации на Юге превращаются в восстание. Режим вводит военное положение и бросает в мятежные города войска, но те отказываются открывать огонь: «Мы не можем стрелять по своим!». Семьи многих солдат так же ограблены, как и те, кто протестует.

Режим не намерен отступать. Как обычно, он пытается разыграть шовинистическую карту. Президент обвиняет в организации протестов заграничных агентов - намек на греческое меньшинство. Но это уже не действует. «В пламени восстания», - пишет греческая газета «Элендитис», - «исчезли национальные предрассудки отдельных групп населения: албанцев и греков, мусульман и христиан».

Последняя ставка Бериши - тайная полиция. Во Влере ее агенты врываются в университет, где проводят голодовку студенты и заседает стачком. Люди преграждают им дорогу, жандармы открывают огонь и их линчуют на месте. Чтобы защититься от гебешников, жители захватывают арсеналы и вооружаются. Солдаты присоединяются к ним и открывают им ворота оружейных складов и военных баз. В руки народа попадают тысячи автоматов, пулеметов, пушки, бронетехника и даже военные суда и самолеты. Вспыхивает вооруженное восстание, которое стремительно охватывает весь Юг страны. К середине марта восставшие уже находятся на подступах к столице страны - Тиране.

Албанское восстание многим напоминает Февральскую революцию 1917 г. в России. Оба движения вспыхнули стихийно. Вопреки утверждениям СМИ о царящем в стране всеобщем хаосе, население проявило очень высокую степень самоорганизации. Положение и в самом деле оказалось близко к анархии, только не в том облике полного развала, какой охотно рисуют правящие классы и продажные журналисты, а так, как это представляем себе мы, анархисты. Во всех освобожденных городах и селах были избраны органы народного самоуправления - «комитеты сопротивления», «комитеты общественного спасения» и т. д. Все их члены пользовались равными правами и должны были регулярно отчитываться перед общими собраниями жителей, которые обсуждали и решали все основные вопросы, формулировали требования и др. «Мы не бандиты», - заявляли восставшие. - «Мы - вооруженный народ». Население объявляло свои города и деревни автономными регионами и восстанавливало там нормальную повседневную жизнь. Позже был создан «национальный» Комитет спасения, включивший делегатов от полутора десятков местных комитетов. Объединенный орган самоуправления восставшего Юга не отдавал им приказы, а всего лишь координировал их деятельность в том, что касалось работы транспорта, энергоснабжения и т. д.

И все-таки, в Албании нет анархии. К сожалению - нет. Потому что анархия - это не только организационная форма всеобщей самоорганизации и самоуправления. Это еще и социальная революция, экспроприация государственной и частной собственности и переход средств производства и предметов потребления в руки самоуправляющихся объединений трудящихся. Но именно этого в Албании и не произошло.

Албанское восстание имеет отчетливую антикапиталистическую, антирыночную направленность. Ее сразу можно почувствовать, слушая, о чем говорят люди на собраниях и на площадях свободных городов и селений: «У нас нет работы, нет хлеба. Мы голодаем. Мы не хотим убивать никого, кроме правительства!». «Мы сожалеем не о временах Энвера Ходжи, а о том, что мы все еще бедны и потому несчастны. Мой последний новорожденный ребенок умер этой зимой из-за отсутствия лекарств...». На вопрос журналиста, что же все-таки происходит в Албании, один старик ответил: *«Просто мы им устроили шоковую терапию наоборот!».*

По телевидению можно было видеть кадры, показывающие, как вооруженные люди останавливали роскошные машины новых богачей и выволакивали их оттуда. Беженцы, запечатленные в порту Дурреса, были почти все одеты в меха и кожу и тащили с собой туго набитые чемоданы. Эти явно не голодали.

В ходе восстания население стихийно упраздняло «священную» частную собственность. Оно разбирало продукты и товары из роскошных магазинов, на которые им прежде не хватало денег, захватывало денежные средства в банках, чтобы возместить ущерб, нанесенный им финансовыми махинациями пирамид. В восставшей Саранде «комитет спасения» организовал распределение продуктов питания, сформированные в городских кварталах вооруженные отряды жителей боролись со спекуляцией и «черным рынком». Греческий репортер, наблюдавший за распределением продуктов в Гирокастре, отмечал, что местный комитет вполне справляется с этой задачей, благодаря хорошей организации никто не голодает. Во Влере, судя по телевизионным кадрам, раздача хлеба происходила спокойно и бесплатно...

И все-таки у восставших нет ни конструктивной социально-экономической программы, ни осознанно анархистской идеи, той самой «идеи-силы», без которой невозможна подлинная социальная революция. По всей видимости, не было попыток отобрать у капиталистов предприятия и магазины и организовать работу на основе самоуправления. В комитеты попало немало местных политических и военных лидеров, заявления их беспартийных членов (по крайней мере те, которые известны) поражают своей наивностью. Политические требования сводятся к лозунгу отставки Бериши и достижения «единства всех политических и социальных сил» с целью вывести страну из кризиса. Комитеты обещают «сложить оружие», как только эта задача будет выполнена! Даже о возвращении денег речь больше не идет. Значит ли это, что лидеры восстания смирились с «неолиберальной», капиталистической логикой «шоковой терапии»?

Характерно интервью, которое удалось взять итальянской анархистской газете «Уманита нова» у рабочего - члена комитета спасения из Саранды. Тот категорически отказался осудить планы западной интервенции и империалистическую линию итальянского правительства, повторяя лишь, что «верит в дружбу между итальянским и албанским народами». Более того, он благодарил власти Италии за их обращение с голодающими албанцами и с уважением говорил о политиках своей страны.

Члены многих комитетов не желают видеть тучи, сгущающиеся над завоеванной свободой. А они становятся все чернее. Бериша остается на посту, сохраняя свои полномочия. Он поручил лидерам бывших сталинистов из «Соцпартии» (что-то в роде КПРФ) сформировать правительство «национального примирения». ***Старая, «коммунистическая» и новая, «демократическая» правящие касты сомкнулись в единый фронт против вооруженного народа.*** Оправившись от первого шока, власти раздали оружие своим сторонникам на Севере Албании и молодым буржуйчикам Тираны. Так им удалось приостановить дальнейшее расширение восстания. В апреле на территории страны началась высадка западных интервентов, якобы для охраны доставки «гуманитарной помощи». Часть восставших пообещала организовать сопротивление, но похоже, что большинство комитетов по-прежнему наивно верит в «мирный» характер этой миссии. Как будто не было ни Сомали, ни Югославии! А между тем, представители западных стран уже заверили Беришу, что не признают новые органы самоуправления на Юге и не будут с ними считаться.

Сегодня трудно сказать, чем закончатся события в Албании. Скорее всего, без четкой социально-экономической альтернативы и без опоры на анархо-коммунистические идеи революция в стране захлебнется. Но значение албанского восстания от этого не становится меньше. На исходе XX века классическая революция столь же возможна, как и сто лет назад. Албанские трудящиеся стали первыми, восставшими против рыночных деформ. ***Они осмелились!*** В тяжкое время всеобщей реакции и удушливого, затхлого спокойствия они показали, что революция жива, что человек достоин свободы и способен бороться за нее, что не все еще заплыли жиром проклятого, парализующего все высокие помыслы и чувства «реализма», не все еще цепенеют от страха. И за это с ними навечно останется благодарность сознательных пролетариев всего мира. Слава тем борется, позор тем, кто терпит! Терпит так, как терпим мы...

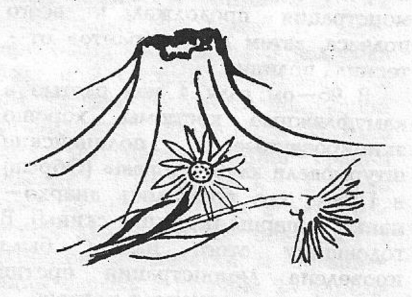
В Албании весна. Весна революции. Сделаем Албанию повсюду!

В. Дамье

СОЛИДАРНОСТЬ С АЛБАНСКИМ ПРОЛЕТАРИАТОМ В ЕГО БОРЬБЕ ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ!

SOLIDARITET ME PROLETARË SHQIPTARË NË LUFTË PËR VETADMNINISTRIMIN!

ХРОНИКА

ЧЕХИЯ

ПИШИТЕ ПРОТЕСТЫ В ПОСОЛЬСТВО!

7 июля чешский анархистский активист Вацлав Еж был арестован в городе Бранско (Моравия). Его обвиняют в двух покушениях на убийство и в незаконном хранении оружия.

Накануне, 6 июля, Вацлав стирал антианархистские надписи на стенах, сделанные местными фациками. В это время на него напали 2 наци-скина и начали избивать его. Ему пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. Вацлав стал отстреливаться и ранил одного из фашистов в плечо. Менты схатили Вацлава.

Год назад Вацлаву Ежу уже дали 2 года условно за отказ от альтернативной службы. А в 1995 г. "Специальная полиция по борбе с экстремизмом" арестовапа его на Первомайской демонстрации; за словесное оскорбление полиции ему пришлось провести 5 месяцев в тюрме. Тогда Вацлава освободили после международной кампании солидарности. Теперь ему предстоит 5-й процесс и угрожает "чрезвычайное наказание" в 25 лет тюрмы.

Чешский анархисты просят всех посылать письма протеста в чешские посольства.

****

27 марта в посольстве Перу в Праге взорвалась бомба. Никто не взял на себя ответственность за этот взрыв, но при этом на стене посольства было обнаружено граффити — "Сам ты террорист — Фухимори".

****

4 апреля группа из 30 — 40 чешских анархистов устроила демонстрацию против визита в Чехию Папы. Участники акции распространяли листовки антиклерикального содержания. Демонстрация продолжалась всего полчаса, затем демонстрантов оттеснила полиция.

В 96-ом году 4 мая одетые в камуфляжные костюмы, хорошо экипированные полицейские штурмовали клуб «Propast» (Обрыв) в Праге, где тусовались анархопанки и шарпы (красные скины). В годовщину этого налета была проведена демонстрация против полицейского насилия, в которой приняло участие 200 чешских анархистов.

****

Последний анархо-сквотт в Праге был захвачен в этом году полицией. Это произошло 15 февраля. Сквотт Сохора был основан в 1992 году активистами ЧАФ и другими анархо- группами. 19 февраля 1997г. около 70 анархов провели демонстрацию за сквотт. А 28 февраля муниципалитет Праги продал здание другого сквотта — Ладронка — за копейки.

****

Протестами против политики неолиберализма хотят отметить чешские анархисты и автономы 20летие Хартии-77 — основного базисного документа чешских диссидентов и правозащитников.

****

На 4 конгрессе ЧАФ (чешской федерации анархистов) прошедшем в конце апреля заявили о своем вступлении в федерацию словацкие анархисты. Теперь федерация будет называться чехословацкой. Хорошо! На хрена нужно это идиотское разделение страны на две части?

ФАШИКИ НЕ ЛЮБЯТ ЧИТАТЬ

15 февраля фашики наклеили свои листовки на книжном магазине "Ле Плюм Нуар" (Черное Перо) и на региональном штабе Федерации Анархистов в Лионе. Ничего подобного в этом районе Лиона никогда раньше не происходило, так как он традиционно считался левым. На следующий день в 5 утра фашики подожгли магазин. Пожар распространился на жилой дом, населенный преимущественно иммигрантами, в котором и находился магазин. Фашики, таким образом, стремились извлечь из своей акции двойной эффект: убить иммигрантов и продемонстрировать всем остальным, что небезопасно иметь анархистов у себя под боком. Однако, пожарные сумели всех спасти. 22 февраля в Лионе состоялась большая демонстрация, которая объединила всех левых против фашистов. Анархисты со всей Франции и со всего мира помогли собрать деньги, что бы вновь открыть магазин. Вообще, во Франции уже давно наблюдается рост ультраправого движения. По видимому, и его успех на недавних парламентских выборах (около 15% голосов избирателей были отданы Национальному Фронту Жан-Мари Ле Пена) вдохновит ультраправых на дальнейшие действия.

---

18 МАЯ в Кливленде (США) были арестованы участники антирасистской демонстрации. Они устроили митинг против бывшего члена Ку-клукс-клана, а ныне — видного и вполне респектабельного политика, члена республиканской партии Дэвида Дьюка. Арестованных обвинили в том, что они "устроили криминальный бунт", а так же в том, что они оказывали сопротивление полиции при аресте и избили ментя (хотя сами арестованные были тяжело избиты полицейскими, в частности у одного из них сломан нос). Сумма залога была установлена судом в 100.000. баксов за каждого арестованного, цифра совершенно немыслимая, обычно такие требования предъявляют только к убийцам. В США и Канаде начата компания поддержки арестованных.

УЛИЧНЫЕ БОИ В ЛОНДОНЕ

В субботу 12 апреля 20 тысяч человек приняли участие в "марше за социальную справедливость", возглавленном уволенными ливерпульскими докерами, "Женщинами Уотерфронта", мусорщиками из Хиллингдона, бастующими работниками Мэгнета и другими участниками социальных конфликтов. Это было началом уикэнда сопротивления, организованного вдохновленной анархистами группы прямого действия "Reclaim the Streets!" (RTS). Многие пришли именно по этой причине, RTS в прошлом активно поддерживала докеров, и те защищали ее от нападок со стороны Лейбористской партии и профсоюзной бюрократии.

Марш оказался очень живым, а атмосфера — чрезвычайно хорошей. Маршрут вел из Кеннингтонского парка в центр Лондона. Полиция была не слишком заметна, троцкисты отсутствовали. Анархисты, напротив, сочли это важным связующим пунктом борьбы и съехались со всей страны.

Полицейские радио зачирикали только тогда, когда заметное количество анархистов, ближе к

концу марша, направилась к Уайтхоллу. Их попытались остановить сигнальными машинами за пределами Даунинг стрит (правительственного квартала), и толпа стала громко протестовать перед пустыми правительственными зданиями. Напротив, за воротами министерства обороны суетились ОМОНовцы. У людей зачесались руки. Полетела дымовая шашка, несколько человек вскарабкались на ворота Даунинг стрит. Ничего серьезного, но ворота министерства обороны отворились, и оттуда вылетела конная полиция.

Менты оказались зажаты между двумя группами демонстрантов, и толпа стала чморить их. День был хороший, солнечный, народу много, а полицейские испортили все удовольствие. Их отогнали градом плакатов, бутылок, струями краски. Самолюбие ментов было уязвлено, и они решили показать, кто тут хозяин. С помощью обычных толчков и тычков они смогли прорвать толпу демонстрантов. Большинство участников марша уже достигло Трафальгарской площади, но некоторые вернулись в Уайтхолл, чтобы посмотреть, что происходит. Около 800 человек в течении четверти часа противостояли полицейским линиям, пока менты не сдались и не убрались назад в министерство обороны.

Тем временем полиция уже начала окружать машинами Трафальгарскую площадь, где начался митинг с участием многих тысяч демонстрантов. Объектом был выбран Департамент по делам окружающей среды, но менты были наготове и расставили у оффиса вооруженную охрану. Вдоль полицейских цепей появились машины с сигналками. Полиция перекрыла входы на площадь и никого больше не впускала.

В послеобеденные часы количество участников стало медленно убывать, а напряженность росла. Наконец, ОМОНовцы ринулись в бой. Их встретило ожесточенное сопротивление людей, отстаивавших свободу демонстраций. Противостояние длилось до раннего вечера, а праздник тем временем продолжался. Полиция задерживала водителей и пассажиров по обвинению в попытке убийства полицейского. Позднее это абсурдное обвинение было оставлено и заменено на поиск наркотиков. Люди расходились по домам и сквоттам, оставляя полицейским площадь, усеянную древками флагов. Множество человек были отправлены в больницы, произведены аресты.

(«Black Flag», № 211).

БРАЗИЛИЯ: ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ – ЗАХВАТ ЗЕМЛИ

7 сентября 1979 г. около сотни мужчин и женщин впервые без всякого разрешения захватили неиспользуемые земли на юге Бразилии. Так появилось Движение безземельных крестьян и – вместе с ним – стратегия захвата земли.

Пока переговоры о законной экспроприации необрабатываемых земель проваливаются, крестьяне переходят к действиям: несколько десятков или сотен человек ночью располагаются на пустующем участке. За несколько часов они сооружают лагерь, в котором селятся под носом и на глазах у властей. В 1995 г. 140 тысяч семей поселились на 7 миллионах гектаров. Конечно, такие захваты – дело рискованное. Так, 17 апреля 1996 г. 19 крестьян были убиты военной полицией в штате Пара. 16 января 1997 г. частные охранники убили двоих других крестьян в Рио Бонито, в последующие дни еще пятеро были убиты в штате Пара. Тысячи крестьян провели в столице демонстрацию, требуя наказать ответственных за насилие.

(Le Combat Syndicaliste, # 155, mai–juin 1997)

****

БРАЗИЛИЯ: ПОЛИЦИЯ УБИВАЕТ СКВОТЕРОВ

Хорошо вооруженные полицейские и спецназовцы напали 20 мая на группу сквоттеров, убив по меньшей мере трех человек.

Полиции было приказано выселить несколько сотен сквоттеров, которые 3 мая захватили теккриторию стройки в поселке Сан-Матеус в восточном предместье Сан-Паулу. Вначале 140 ментов пошли на штурм забора, воздвигнутого сквоттерами, но были встречены градом палок и камней. Тогда они открыли огонь.

Один из бездомных, Эдуарду Апаресиду Гонсалвис сообщил в интервью радио CBN, что он сам видел, как полицейские стреляли в спину его другу Сиприану Жозе да Силва. "Я был с моим другом Сиприану, когда появилась полиция. Мы с сыном отошли подальше, а Сиприану пошел к ним, чтобы поговорить. Через несколько секунд он направился назад, но вдруг к нему подбежал полицейский и трижды выстрелил ему в спину и один раз в шею", – заявил Гонсалвис. Полиция отрицает, что что-либо подобное имело место. Подполковник Жуан Боскати, командовавший операцией, объявил: "Мы открывали огонь только для самозащиты. На нас напали с камнями и палками и стреляли из пистолетов". Гонсалвис отрицал, что у бездомных было огнестрельное оружие "только палки и камни".

В нескольких телерепортажах были показаны три тела, лежавшие на площадке.

После сообщений о гибели людей в ходе рейда в дело вмешался судья, прекративший процедуру выселения. Менты оставались на стройплощадке до глубокой ночи. Но вели себя тихо и с линии фронта отошли. Сквоттеры тоже.

Выселения людей стали в Бразилии почти повседневным явлением. Арендная плата непомерно высока, а нищета – вещь широко распространенная. Но обычно выселения происходят без серьезного насилия.

Остается добавить, что правозащитные организации неоднократно осуждали бразильскую полицию как одну из самых жестоких и преступных в мире.

В начале апреля независимый видеорепортер сумел заснять, как группа пролицейских из Риу-ди-Жанейру выбивала дань в бедняцком квартале. Ментыизбивали и пытали тех, кто был не способен уплатить побор, и даже некоторых из тех, кто заплатил. Один человек был при этом убит. Пленка была показана по местному телевидению и вызвала серьезный скандал.

(По материалам сквоттерской компьютерной информационной службы Squatlink; перевод М. Шувалова)

****

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ АНАРХИСТОВ В ИТАЛИИ

В июне 1997 г. итальянское государство продолжало идущее уже много месяцев наступление на анархистов. 12 июня во Флоренции и Турине прошли массовые обыски на квартирах подозреваемых в участии в "подрывном объединении" и в призывах к "преступным действиям". В Пескаре были арестованы 3 человека (брат и 2 сестры), обвиненные в том, что они состоят в "подрывной организации". 20 июня в Милане была арестована Мария-Грация Кадедду ("Патриция"), которая более 20 лет участвует в анархистском движении. Ее обвиняют в хранении взрывчатки и организации взрыва в Милане 25 апреля. Патриция отвергает обвинение.

Одновременно с арестом анархистки в Милане полиция захватила помещение сквотта, в котором размещалась "Анархистская лаборатория". Ее активисты начали пикеты протеста перед зданием. К сожалению, другие миланские группы и центры (сквотты, социальные центры, коллективы и т.д.) не проявляют солидарности с ними.

Массовые обыски прошли 20 июня во многих итальянских городах.

****

АРЕСТЫ АНАРХИСТОВ В ИСПАНИИ И ВО ФРАНЦИИ

В конце прошлого и начале нынешнего года в Испании и во Франции были проведены аресты анархистов, обвиненных в причастности к международному движению "революционных анархистов-повстанцев" (ОРАИ)

В конце 1996 г. после перестрелки в Кордове (Испания) были арестованы 4 анархистов. По сообщениям печати, 18 декабря они совершили нападение на центральную контору "Банка Сантандер" и экспроприировали несколько десятков миллионов песет. Прикрывая отход, они захватили частного охранника банка. В перестрелке с преследовавшей их полицией двое полицейских были убиты, а заложники и трое экспроприаторов ранены. Один из нападавших на банк сумел скрыться, но позже был арестован.

О нападавших известно следующее: Клаудио Лавацца 46 лет. Он уже 20 лет находится в подполье. Вначале он был ленинистом и участвовал в партизанском движении в Италии, со временем стал анархистом. Он ранен в левую руку. Вероятно, подвергся пыткам. Его выдачи требуют Франция и Италия. Джованни Барча уже 6 лет находится в подполье — с тех пор, как его обвинили в похищении Силоччи (суд в первой инстанции оправдал его, суд во второй инстанции приговорил к пожизненному заключению, 18 декабря кассационный суд вернул дело на пересмотр). Он тяжело ранен 3 пулями. Хорхе Эдуардо Родригес — испанец аргентинского происхождения. Он единственный из всех неизвестен как анархист. В результате ранения он парализован. Микеле Бонтолилло — самый младший из обвиняемых. Ему 26 лет, известен в Италии как отказник от воинской службы и сквоттер; женат и имеет двоих детей. Его арестовали безоружным у бара вблизи банка. Микеле много дней держали в камере голым, избивали и душили пластиковым мешком, надетым на голову. Всех четверых подозревают также в совершении эксов в Саламанке, Альбасете и Саморе; двое или трое обвиняются и в нападении на итальянское консульство в Малаге в знак протеста против фальсификации "дела ОРАИ".

В начале 1997 г. в Марселе был арестован Сальваторе Кондре, а в Париже — Массимо Пассамани. Итальянская юстиция требует их выдачи по подозрению в принадлежности к "ОРАИ".

****

ПРИГОВОРЫ АНТИФАШИСТАМ В ПОЛЬШЕ

20 февраля 1997 г. суд в Пиотркове Трыбунальскем вынес приговоры 13 из 17 антифашистов, арестованных в 1996 г. за участие в столкновении с наци-скинхедами. Столкновению предшествовала длительная кампания террора и нападений со стороны наци-скинхедов при полном попустительстве полиции. Один из нациков в ходе столкновения был убит.

Томаш Вилкошевский был приговорен к 15 годам тюрьмы, Гжегож Пасак и Рафал Соха — к 3,5 годам, Анджей Щешневский и Мариуш Зых к 3 годам. Другие 8 человек были приговорены к 2 — 2,5 годам заключения и отпущены на свободу с учетом срока предварительного заключения. Защита подсудимых была тяжелым делом для родственников и друзей арестованных. Они, а также 5 товарищей, остающихся в заключении, нуждаются в помощи. Письма и финансовую помощь просьба присылать по адресу: Michal Swiderski, PO BOX 8, 21-400 Lukow, Poland

("Black Flag", #211, "Podaj Dalej", 1997, #7).

****

ПОЛЬСКИЕ НАЦИКИ ЛЮБЯТ ЯНА ПАВЛА

30 мая польские анархисты собрались во Вроцлаве, чтобы соответствующим образом приветствовать Папу. Состаялась конференция на которой анархофеминстки устроили какой-то хепенинг.31го анархисты собрались было провести уличную оранжевую акцию, но об этом узнали местные скины (а они во Вроцлаве крутые) и решили сделать контрдемонстрацию.В результате, когда на место акции пришли анархисты в количестве 30 человек, они обнаружили там около 300 скинхедов. В виду столь явного неравенства в силах анархисты вынуждены были уйти. Но, с другой стороны, пдумали анархисты, м.б. ситуация, когда сотни нациков приветствуют Папу криками Зиг Хайль, выглядит сама по себе оранжево (мягко говоря).

---

28 июня в Москве перед индонезийским посольством прошел пикет протеста против последней волны репрессий в Индонезии и в Восточном Тиморе. В акции приняли участие члены секций Международной ассоциации трудящихся из С.Н.Г. и Франции, Индустриальных рабочих мира и "Социалистической солидарности". Протестующие требовали прекратить репрессии, немедленно освободить из тюрем арестованных борцов против индонезийской оккупации Восточного Тимора и социальных оппозиционеров в Индонезии, вывести индонезийские войска из Восточного Тимора и не допустить продажи российского оружия диктаторскому режиму президента Сухарто. Пикет был приурочен к визиту в Москву одного из министров диктатуры, который вел переговоры о поставке хунте военных самолетов из России.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТИВ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В АЛБАНИИ

17 мая в Анконе анархисты организовали демонстрацию против военной интервенции в Албанию. В ней приняли участие многие анархистские группы со всей страны и анархо-синдикалисты из Итальянского синдикального союза, а также — в индивидуальном порядке — некоторые члены «Партии коммунистического возрождения», комсомола и т.д. и ряд активистов базисного профсоюзного движения. Демонстрация завершилась митингом и концертом.

(Уманита Нова, 25 мая 1997).

****

ЕВРОСТОП: ОЧЕРЕДНЫЕ ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

14-15 июня в Амстердаме были организованы демонстрации против проходившего там Евро-саммита. В то время как архитекторы нового европейского порядка вносили очередные поправки в

Маастрихтский договор, левые активисты из Голландии и других европейских стран организовали крупные акции протеста на улицах города. Не для кого не является секретом, что в рамках «евроинтеграции» планируются существенные сокращения различных социальных программ и бюджетных ассигнований, снижение заработной платы различных категорий трудящихся и т.д. Борьба против евроинтеграции ведется и на местном уровне и на уровне региональном.

В Амстердамские акции протеста собрали больше участников, чем ожидалось около 50000 человек. Полиция в свою очередь прибегла к превентивным мерам, зная, что ожидается множество иностранных гостей. Полицейские приходили домой к местным активистам и угрожали им различными санкциями, в случае если те примут у себя иностранцев. Но, конечно, это мало на что повлияло. Интересно получилось с большой группой итальянских левых радикалов (из Милана). Они появились на вокзале Милана в таком количестве, что мест на поезде до Амстердама для многих из них просто не оказалось. Тогда итальянцы оккупировали поезд и, кроме того, потребовали, что бы им предоставили еще один поезд! В конце концов железнодорожники согласились. Но уже в дороге выяснилось, что билеты никто не покупал и не собирается. Более того. На границе с Голландией итальянцы отказались предъявлять свои паспорта, заявив, что они «граждане мира». В Амстердаме полиция окружила поезд, но большинство итальянцев сумели попасть в город. Тем не менее 130 человек было арестовано и депортировано обратно в Италию.

На демонстрацию вышло около 50000 человек под лозунгами типа «Нет боссам Европы, Нет рабскому труду». Во время демонстрации группа из двухсот леворадикальных активистов попыталась взять штурмом голландский центральный банк. Полиция арестовала сотни людей, причем аресты продолжались несколько дней. Некоторые активисты, а так же случайные прохожие были арестованы за то что нарушили некий указ о «чрезвычайном положении».

Массовые акции протеста против евроинтеграции и неолиберализма продолжаются. Тем временем, следующий крупный евросаммит (встреча стран участников блока НАТО)состоится в июле...

1 МАЯ 1997 Г. В ГЕРМАНИИ

1 мая 1997 г., в 10-ю годовщину «майского восстания» автономов в Кройцберге, в Берлине состоялись две «революционные первомайские демонстрации». Одна из них проходила по призыву сталинистских, маоистских и «автономно-коммунистических» групп в Кройцберге и собрала от 1 до 1,5 тысяч участников. Вторую организовали автономные группы и берлинское Антифашистское действие. Кроме них состоялось традиционное профсоюзное шествие (не более 5 тысяч человек). Автономная демонстрация объединила более 10 тысяч активистов. Колонны собирались в восточно-берлинском районе Пренцлауэр Берг и двигались в центр города, где на площади Розенталер Плац был проведен заключительный митинг. Первоначально часть организаторов (Антифашистское действие и др.) настаивала на том, чтобы повторить прошлогодний маршрут и сделать митинг в Пренцлауэр Берге, но автономные группы этого района при поддержке «Революционного восточного блока», «Антиолимпийского комитета», редакции журнала «Интерим» (неофициального органа автономов Берлина) и ряда других объединений настояли на переносе трассы, опасаясь, что возможные столкновения помешают их повседневной работе. Характерно, что в этом году стремление отделиться от демонстрации сталинистов и маоистов было еще сильнее, чем в прошлом: на сей раз никто даже не заикался о возможности совместного митинга.

Полиция явно планировала провокации и готовилась к повторению прошлогодних уличных боев. Но шествия прошли сравнительно спокойно, не считая небольших столкновений в Пренцлауэр Берге, Фридрихсхайне и Кройцберге. Там возвели баррикады, поджигали машины и били стекла универмагов. Местные ОМОНовцы отыгрались, напав на уличный праздник в Кройцберге, организованный самой что ни на есть мирной публикой — «Партией демократического социализма», «зелеными» и прочими левыми группами. Применив водометы и дубинки, полиция гоняла людей по всему Кройцбергу. В ментов летели камни и прочие тяжелые предметы. Позднее неизвестные лица в масках атаковали группу телевизионщиков. В итоге всего было задержано 325 человек, 12 должны быть отданы под суд.

В демонстрации 1997 г. приняли участие меньше людей, чем год назад. Такой результат ожидался, тем более что многие антифашистские группы собирали активистов в Лейпциг, чтобы сорвать намеченный там на 1 мая марш неофашистов.

Фашистское шествие в Лейпциге, впрочем, не состоялось. Суд в последнюю минуту запретил его, боясь жестоких столкновений между нациками и антифашистами, которые собирались приехать со всей Германии. На подъездах к городу полицейские остановили и завернули назад 270 фашистов и 110 леваков. В течение дня в самом городе были задержаны около 150 антифашистов и 50 ультраправых.

«Национал-демократическая партия» и «Молодые национал-демократы» решили заменить демонстрацию в Лейпциге серией децентрализованных акций. В Гримме (Саксония) около 200 ультраправых маршировали по городу, пока их не выдворила подоспевшая из Лейпцига полиция. В Дортмунде полицейские ненадолго задержали 46 сторонников НДП, в Ростоке — 60 нацискинов, в Альсфельде (Гессен) помешали шествию из 80 фашистов. В городах Коттбус, Халле, Ашшафенбург и Бад Херсфельд машины с нациками были остановлены у городских ворот.

Наиболее крупное скопление фашистов наблюдалось в этот день в Ганноверш-Мюндене под Гёттингеном. Около 300 ультраправых со знаменами и барабанами прошли по городу, заняли площадь, на которой намечался профсоюзный митинг, и начали там свое сборище. Они выпивали, приставали к прохожим, ломали заборы и швыряли пивные бутылки в витрины. Профсоюзники робко сбежали в клуб, проводить свой митинг под крышей. Полиция подтягивала силы и выжидала. Тут подоспели от 80 до 90 антифашистов из Гёттингена, которые услышали о происходящем по радио или от профсоюзных активистов. Только тогда полицейские решились атаковать нацистов, попытавшись одновременно разъединить их и антифашистов. Вспыхнули столкновения, продолжавшиеся около часа. Антифашисты отразили атаку скинов, вооруженных дубинками, избили и разогнали еще одну группу нациков. Множество полицейских и фашистов были ранены. Полиция задержала 119 ультраправых и 5 контрдемонстрантов, позднее все они (кроме одного приезжего нациста) были отпущены. Под охраной «сил порядка» коричневые спешно покидали город...

Группа «автономных антифа (М)» из Гёттингена оценила происшедшее в Ганноверш-Мюндене «как успех с антифашистской точки зрения». Нацисты не смогли провести свой марш и вынуждены были «ясно почувствовать, что такое антифашистская самопомощь». Ещё раз было доказано: «чтобы иметь успех, антифашизм должен быть воинствующим».

В итоге, несмотря на то, что антифашистские службы предупреждения на сей раз дали сбой, ни одна из организованных нацистами децентрализованных демонстраций не удалась. Во всех случаях им удалось помешать. Вместо тысяч сторонников, которых ультраправые обещали провести по Лейпцигу, НДП удалось собрать всего несколько сот человек.

(По материалам Interim, 8.Mai 1997, Junge Welt, 3–4.Mai 1997, ak №402, май 1997).

ПЕРВОМАЙСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В МИРЕ

Цюрих. Как и в прошлом году здесь произошли бои между тысячью активистами автономных групп и полицией. Столкновениям предшествовал митинг с участием 4,5 тысяч человек, на который был приглашен европейский представитель перуанского повстанческого движения им. Тупака Амару Исаак Веласко. Власти запретили ему выступать, но он солировал «под фонограмму».

Стамбул. Около 100 тысяч человек вышли на улицы, протестуя против политики турецкого правительства. Около 3 тысяч ультралевых вступили в бой с силами безопасности.

Сеул. Более 10 тысяч рабочих и студентов провели первомайскую демонстрацию. Они потребовали ареста сына президента, замешанного в скандалы с коррупцией. В полицейских полетели коктейли Молотова, те ответили слезоточивым газом. 2 человека были тяжело ранены. В городе Тэгу также прошли демонстрации протеста и столкновения, около 100 человек были арестованы.

Париж. Неофашистский «Национальный фронт» намеревался собрать на свое шествие рекордное число сторонников. Но пришли не более 8 тысяч человек. Марш левых «За рабочие места и против расизма» объединил более 60 тысяч...

(Junge Welt, 3–4. Mai 1997).

ВЕНДЛАНД СОПРОТИВЛЯЕТСЯ!

С 28 февраля по 5 марта 1997 г. продолжались протесты против захоронения радиоактивных отходов в районе северогерманского местечка Горлебен, который местные жители и антиатомные активисты уже много лет назад объявили «Республикой Свободный Вендланд». Участники выступлений поставили перед собой цель максимально затруднить перевозку третьего транспорта с отходами, получившего название «Кастор» и сделать финансовые и политические издержки этой операции настолько высокими, чтобы отбить у атомной мафии и государства дальнейшую охоту возить и зарывать смертоносные грузы.

Предотвратить захоронение не удалось и на сей раз, но на это могли рассчитывать только уж самые неисправимые оптимисты. Цели-минимум были, безусловно, достигнуты. Несмотря на массированную кампанию политиков и СМИ, несмотря на запреты демонстраций вдоль трассы следования «Кастора», кампанию лжи и запугивания, противники атомной энергетики со всей страны и из других государств дали подлинный бой государству.

Акции протеста и сопротивления были самыми разнообразными. 1 марта в Люнебурге демонстрировали 15 тысяч человек. На следующий день в Данненберге состоялся «парад 500 тракторов», в котором участвовали 10 тысяч человек. В Люнебурге были захвачены рельсы. Вдоль всей трассы совершалась масса актов саботажа: люди выводили из строя шпалы, блокировали дороги, жгли шины, приковывались к рельсам, деревьям и т.д. Передвижение «Кастора» было задержано на много часов.

Активное участие в протестах принимало местное население. Вечером 2-го марта крестьяне перегородили дорогу своими тракторами и сковали их вместе. Под их защитой люди перерыли дорогу, так что транспорт пришлось отправлять по другому маршруту. Месть полиции, высадившейся в деревне с вертолетов и начавшей ломать и разбивать трактора, вызвала только еще больший гнев. Даже местные власти симпатизировали протестующим. Они отказались запретить демонстрации, предоставили в их пользование общественные здания, отказывали полиции в сотрудничестве, не давали ей воду для водометов.

Утром 3 марта протестующие блокировали дорогу, по которой должен был направляться смертоносный груз. Несмотря на ночную минусовую температуру, они продержались два дня и две ночи, поддерживая свое настроение песнями, театральными и цирковыми представлениями. Крестьяне окрестных деревень подтаскивали дрова для постоянно горевших костров. Заключительная сидячая блокада, в которой приняло участие от 7 до 9 тысяч человек, была самой большой за всю историю ФРГ и продолжалась 9 часов. Полиция пробивалась маленькими шагами, буквально оттаскивая демонстрантов в сторону, затем пустив в ход дубинки и водометы. Небольшие группы протестующих оказывали даже насильственное сопротивление, строили баррикады, пытались перерыть дорогу. Множество людей были арестованы.

Борьба не окончена. «Несмотря на массированную угрозу применения полицейских репрессий, число демонстрантов в целом вновь увеличилось — и это позволяет говорить об успехе вендландского сопротивления», — говорится, в частности, в заявлении коалиции «На 1000 гамбуржцев больше в Вендланде». — «Мы тоже внесли свой вклад в то, что политическая цена, которую приходится заплатить противной стороне, ощутимо возросла. Шумиха вокруг новых дебатов об энергетике, намерение хоронить в Северной Германии только местные ядерные отходы, зондаж возможности использования промежуточных хранилищ в Южной Германии (в Ахаузе, где ожидается более слабое сопротивление, — прим. перевод.) — все это указывает на то, что государство не сможет просто так без проблем отправить 4-й «Кастор». Опросы общественного мнения... показывали, что 54% опрошенных выражали свое понимание акциям блокады в Вендланде. Общественности трудно объяснить, зачем для таких транспортов нужно собирать 30 тысяч полицейских и выбрасывать на ветер более 100 миллионов марок, в то время как во многих сферах идет полный социальный демонтаж. Вендландскому сопротивлению удалось сделать четвертый транспорт «Кастор» еще более безосновательным. Шанс, что Горлебен сможет получить мирную передышку, сегодня возрос...».

(По материалам «ак», №401, апрель 1997).

ЗЮГАНОВ ТАК И НЕ ПОКРАСНЕЛ

22-го апреля нынешний босс российских коммунистов традиционно пришел на поклон к мумии босса бывшего. Официальное мероприятие предполагало возложение цветов и прочие ритуально-процедурные моменты в застойном духе. Однако случилось нечто незапланированное: группа молодежи забросала Зюганова помидорами. Акция была организована молодыми большевиками из комсомола Павла Былевского при участии лимоновских фашистов. Они справедливо решили, что ностальгирующий по православию и самодержавию Зюганов полностью утратил изначально присущий коммунистам красный цвет, и попытались поправить дело при помощи вышеназванных помидоров.

К сожалению, приходится констатировать два весьма досадных обстоятельства. Во-первых, ни один из брошенных помидоров так и не достиг своей цели. Во-вторых, в этой внутрикоммунистической разборке самое активное и непосредственное участие приняли молодые люди из московской анархической и околоанархической среды, которые, собственно, и составляли основную массовку метателей. Невозможно приветствовать участие наших товарищей в выяснении отношений среди старых и новых фашиствующих большевиков и большевиствующих фашистов.

События 22 апреля на Красной Площади имели некоторое продолжение. Пятеро молодых людей (из них четверо, связанных с анархической тусовкой Москвы) были задержаны милицией, и возникла серьезная опасность возбуждения против них уголовного дела по статье за хулиганство. Как стало известно, начальник зюгановской охраны звонил в отделение милиции и требовал уголовной расправы над незадачливыми помидоро-бросателями.

25 апреля группа московских анархистов провела около Государственной Думы пикет в защиту своих товарищей. Шестеро участников пикета были задержаны милицией и осуждены судом на различные штрафы (которые, разумеется, если кто из них и собирается выплачивать властям, то лишь « на том свете угольками » — по выражению одного из задержанных). В тот же день участники акции 22 апреля были , наконец, освобождены, а комсомольцы на пышной пресс-конференции с присущей им скромностью и правдивостью поведали миру о своих подвигах и собрали все лавры и дивиденды от проведенного руками анархистов шоу.

Петр Рябов

ПЕРВОЕ МАЯ – ДОСТОЙНАЯ ВСТРЕЧА 850-ЛЕТИЯ МОСКВЫ

Первого мая в этом году день выдался на редкость солнечный и жаркий. Еще более жарким он был для московской милиции. Пассажиры метро, оказавшиеся утром на станции «Белорусская-кольцевая», убеждались в этом мгновенно. Пара десятков субъектов в форме и с матюгальниками, проявляя завидную настойчивость, прытко перемещались по платформе, сгоняя людей с насиженных скамеек, разве что не пинками подталкивая их к выходу, рассеивая любые группки больше двух-трех человек. Начало дня пролетарской солидарности предвещало мало хорошего. «Граждане! Не стойте на платформе! Все встречи — наверху!» — надрывались милиционеры.

Наверху граждан ожидала встреча с формирующейся в начале Тверской улицы колонной Федерации Независимых Профсоюзов России. Странное дело! Даже на фоне традиционного холуйства и лизоблюдства, характерного для мероприятий ФНПР, первомайская колонна смотрелась стерильно приглаженной и образцово благодушной. От профсоюзных активистов исходили мощные флюиды законопослушности и столь присущего советским людям чувства глубокого удовлетворения собственной участью. Ни одного красного флага — только голубые. Ни одного протестующего плаката. Тексты лозунгов возвращали стороннего наблюдателя в золотое застойное детство. Преобладали два вида призывов: «Слава ветеранам войны и труда!» и «850-летию Москвы — достойную встречу!».

Поистине, самые подходящие лозунги для первомайского шествия организаций трудящихся в стране с нищим и полуголодным населением! Для окончательной полноты картины не хватало только соответствующего шумового оформления. Но за ним дело не стало: когда колонна двинулась по Тверской, оркестр заиграл мелодию песни крокодила Гены: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам».

Началось народное гуляние, возглавленное профбоссами и мэром Москвы Юрием Лужковым — большим другом трудящихся (особенно — трудящихся префектур и муниципалитетов).

Однако в этот безоблачный день идиллию всеобщего единения, умиления и консенсуса все же попыталось нарушить небольшое черно-красное облачко, набежавшее на голубой небосклон профсоюзного неба. Жалкая кучка отщепенцев-экстремистов попыталась смутить невинность профсоюзного актива и омрачить праздник граждан, бодро машущих шариками в центре столицы. Отщепенцами были два десятка анархистов, которые появились в хвосте колонны и, подняв свои черно-красные флаги, развернули почти во всю ширь улицы здоровенные транспаранты: «Вернем свою зарплату силой!» и «Смерть государству и капиталу!». По мнению анархистов, данные призывы имели некоторое отношение как к истории Первомая, так и к нынешнему положению трудового народа России.

В ликующей симфонии праздника возник явный диссонанс, но опытная рука дирижера быстро устранила помехи.

Профдама, не пожелавшая представиться, окруженная толпой блюстителей порядка, вынудила анархистов покинуть почтенное шествие, после чего милиция умело и быстро оттеснила возмутителей спокойствия ко входу в станцию метро «Маяковская». Затем милиционеры бросились на анархистов и начали вырывать у них флаги и транспаранты, бить и задерживать сопротивляющихся. Двух наиболее непокорных анархистов — Григория Воробьева и Ларису Щипцову, спецназовцы затащили в милицейскую машину и начали со знанием дела лупить чем попало и куда попало. «Скорая помощь» отвезла избитых анархистов в Боткинскую больницу, причем выяснилось, что у Ларисы в результате побоев лужковских опричников произошло сотрясение мозга. Еще трое анархистов были отвезены в 108 отделение милиции, однако тамошние менты вскоре отпустили их, взяв с задержанных небольшой выкуп в свою пользу. ФНПРовская колонна продолжала свое неуклонное шествие, пока не достигла долгожданного полного консенсуса с московским мэром.

Анархисты же провели в этот день свой митинг у входа в Парк Культуры имени Горького. Место,

назначенное мэрией, было на редкость неудачным, и горстка митингующих на фоне крутящейся карусели и толп праздно-шатающихся гуляк смотрелась довольно глупо. Хрипел неисправный мегафон, раздавались листовки, а анархисты возмущенно обсуждали случившееся утром злодеяние.

Так в этот день отмечался Международный День Солидарности Трудящихся, переименованный в День Весны и Труда. Профбоссы отмечали его, борясь за свое место под номенклатурным солнцем и солидаризируясь с Лужковым на митинге в центре Москвы и, вероятно, с облегчением и самодовольством вспоминали умело проведенную операцию по устранению возмутителей порядка. Как в выражении верноподданнических чувств по отношению к власть имущим, так и во взаимодействии с полицией, фэнэпэровцы достигли новых, ранее недоступных им вершин. Нет пределов совершенству!

Отмечали Первое Мая милиционеры в 108-ом отделении, получившие в результате анархической вылазки по 10 тысяч рублей с каждого задержанного, — пустяк, но приятно!

Отмечали и спецназовцы, воевавшие в Чечне, и начавшие было утрачивать свою профессиональную квалификацию по совершению злодейств над безоружными людьми — в этот день они смогли повторить некоторые из полузабытых уроков!

Отмечал Праздник Весны и Труда и Всенародноизбранный в Кремле: интеграция с Белоруссией стала приносить свои первые, скромные, но ощутимые плоды — полиция России явно начала перенимать опыт работы с оппозицией у своих минских коллег (осталось только и московским радикалам поучиться аналогичному опыту у белорусских демонстрантов).

Двое избитых анархистов, как говорилось, отмечали Первое Мая в Боткинской больнице.

Отмечали Первомай и почтенные служители острого пера и голубого экрана, умудрившиеся в упор не заметить случившегося в самом центре Москвы избиения, проигнорировать все поступившие к ним звонки и факсы и политически грамотно осветить происшествия этого дня.

Все возвращается на круги своя — к первоистокам. «Все идет по плану». Рабы безмолвствуют, единицы еле слышно протестуют, полиция дерется, газетчики лгут. На то и Первомай.

Над Москвой первого мая было безоблачное небо и светило яркое летнее солнце.

Петр Рябов

ОТПОР СКИНАМ В МОСКВЕ

Уже не первый год 20 апреля, в день рождения Гитлера, скины проводят на Арбате свой марш. Марш их заключается в следующем: несколько десятков (до сотни) скинов топают в три шеренги поперек Арбата. Периодически от них отделяются по несколько человек, которые выхватывают из числа прохожих — кавказцев, евреев и неформалов, тащат и запихивают в шеренгу, где их избивают и затаптывают. Марш по обыкновению проходит от метро «Смоленская» до «Арбатской».

В этом году группа товарищей из Московского Клуба Анархистов решила воспрепятствовать проведению скиновского марша. Дать отпор шествию фашистского охвостья собралось около 15 человек: юношей и девушек. Проигрыш в численности решили компенсировать техническим превосходством. По первоначальному плану предполагалось напасть на колонну скинов из засады и, расстроив ее, быстро разбежаться. Анархисты разделились на авангард, основную группу и группу прикрытия и около 19.30 вышли в начало Арбата (по предварительным данным, марш должен был пройти около 20.00).

Уже в начале улицы нам встретилась группка скинов человек из семи. Она была подвергнута различным оскорблениям, но скины, из каких-то соображений решили «на провокации не поддаваться». Враждебные группировки, постояв на расстоянии около 20 метров, разошлись в разные стороны.

По ходу дальнейшего следования анархисты выяснили от арбатских тусовщиков, что скиновский марш уже прошел, состоявшись раньше намеченного, в четвертом часу (видимо, потому, что день был довольно холодный). Также выяснилось, что поздним вечером предполагается общегородская вакханалия скинов в парке Горького.

Затем, проследовав до Смоленской, анархисты скинов больше не встретили. С таким же результатом вернулись назад по Новому Арбату. У входа в метро «Арбатская» была обнаружена та самая группка скинов, которую встретили в начале экспедиции. Было решено дать им бой.

Несколько человек, подойдя к скинам, вручили им антифашистские листовки — карикатуры, привезенные от немецких автономов, и подвергли их оскорблениям. Затем в перешедших было в драку скинов полетел самодельный снаряд оглушительно-шумового и термического действия. Пока снаряд шипел и вертелся на асфальте, перепуганные скины отбежали в другое место, но другой такой же снаряд накрыл их там. После этого скинов как ветром сдуло. Кроме того, применение метательных снарядов вызвало панику среди праздно-гуляющих обывателей, которые толпой ломанулись в метро. В суматохе несколько разбегавшихся скинов крепко получили по морде. Были применены также некоторые другие технические достижения анархической мысли.

Анархисты, отступив в метро, подсчитали свои силы и убедились, что все на месте. Затем, прошествовав мимо начавших проявлять беспокойство ментов, погрузились в вагон и отправились пить чай.

Так в Москве был подан пример успешного организованного противодействия скинам. Война, товарищи, должна быть современной!

Василий Азов

Костюмированный бал 9 мая, или: дело сюрреализма живет и побеждает

9 мая 1997 года в центре Москвы состоялось шествие оппозиции посвященное 52-ой годовщине победы над фашизмом. Участвовали в нем несколько десятков тысяч человек. Доминировали, несомненно, сторонники КПРФ, составлявшие не менее 90 % всех участников шествия. Однако представители зюгановской компартии были здесь, разумеется, далеко не единственными, присутствовали активисты и симпатизанты других партий и движений различной ориентации. Не стану всех перечислять, постараюсь лишь восстановить общую картину происходящего. Шествие открывали шеренги людей, затянутых в военную форму с неопределенными погонами или без оных, следом за ними — «головная» группа коммунистов. Вождь КПРФ — Геннадий Зюганов улыбался народу вымученной улыбкой, в левой руке он держал букет цветов, правой рукой механически помахивал в приветственном жесте a la Brezhnev. За

основной массой его соратников потянулись под истерические крики В. Анпилова — трудороссы, за ними все остальные. Я видел курдов с флагами ПКК, их передвижение сопровождали звуки какого-то экзотического музыкального инструмента, напоминавшие жужжание раздраженной осы. Сзади курдов подпирала группа активистов «Русской партии» с огромным транспарантом — «Русские идут». Расстояние между обеими партиями вряд ли превышало десяток метров и выглядело это так, что вот идут русские и гонят несчастных курдов к чертовой матери, а то и подальше. Но на самом деле, конечно, все было иначе, просто митингующие находились в разных виртуальных измерениях и друг друга не замечали.

Прошагала еще одна зюгановская колонна, за ней обозначилась группа лимоновцев со своеобычным, серпасто-молоткастым флагом стилизованным под свастику (молодые ребята, человек 20, похожие скорее на панков чем на скинов). Снова комуняки (уже не помню из какой партии), антифашисты из «Союза Интернационалистов» и других левых партий и объединений (в общей сложности человек 20), негромко скандировавшие — «Но пас саран», ветераны войны — увешанные орденами, какие-то молодые нацисты несшие красный флаг с белым кругом, в центре круга — скрещенные стрелы, группа старух с лозунгом — Гитлер-Троцкий-Ельцин — жидо-массоны, наконец — активисты русского общенационального союза — флаги черно-желто-белые, лозунги: «Иудаизм это фашизм» и «Запретить НАТО», музыкальное сопровождение — колокольный звон. Замыкали шествие казаки, шедшие бодрым строевым шагом. Была тут, впрочем, одна странность, в суровых казацких рядах, то тут то там, наблюдались вкрапления в виде молоденьких (лет двенадцати) нимфеток в пионерской форме с ярко алыми лентами. Зрелище дополнялось огромным рекламным плакатом, натянутым «от здания к зданию» над Тверской улицей — «Поэт Юрий Антонов». И все таки для полноты картины, чего-то не хватало. Должна была быть в ней законченность, целостность, а ее то как раз и не было. Внезапно я понял, что это. Ну конечно же — не было настоящих, а не стилизованных свастик, криков «Зиг Хайль!» и штурмовиков в коричневых рубашках.

С праздником вас, дорогие товарищи!

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ

День восьмого мая 1997 года прошел в Москве почти никем из леворадикальной среды незамеченным и никем не отмеченным. А между тем в этот день исполнилось ровно 10 лет со дня создания историко-политического клуба «Община», положившего начало новейшему анархическому движению в Москве, а, во многом, и в России. 8 мая 1987 года два или три десятка девушек и юношей, в основном из Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В.И.Ленина провозгласили создание ИПК «Община» (позднее — историко-политическое объединение «Община», со временем трансформировавшееся в московскую организацию Конфедерации анархо-синдикалистов).

Тогда ключевым лозунгом для нас были знаменитые слова Бакунина: «Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, социализм без свободы — это рабство и скотство». Мы хорошо знали тогда на опыте, что такое «социализм без свободы», но едва догадывались, что на очереди у нашей страны — «свобода без социализма».

Все было новым для нас: полуподпольная романтика, жадное ознакомление с работами Бакунина и мучительное изживание марксизма, первый самиздат, первые листовки, первые разгоны митингов, чувство братства с товарищами по борьбе и неповторимое чувство внутреннего освобождения.

В конце 80-ых годов «Община» была одной из самых известных и активных неформальных групп, сыгравших видную, хотя и неоднозначную, роль в истории общественного движения. Быстро выйдя за рамки родного института, «общинники» начали выпуск одноименного журнала (сентябрь 1987 — осень 1993 года, вышло 49 номеров, не считая спецвыпусков), многих других изданий, организовали лекторий и несколько кружков, активно работали в рабочем, студенческом, экологическом движении, просвещали школьников, участвовали в демонстрациях, пытались перестраивать комсомол в демократическом духе, развили бурную деятельность по установлению связей с близкими им группами в других городах СССР и за пределами Советского Союза...

Для немалого числа людей со словом «Община» связано многое в их судьбе. Но десять лет — срок огромный, как для отдельного человека, так и для страны в целом.

Люди, стоявшие у истоков «Общины», давно и существенно преобразились. Иных уж нет, а те далече. Кто ушел в частную жизнь, кто эмигрировал, кто начал с «Общины» свое «хождение во власть». Из отцов — основателей «Общины», пожалуй, лишь один человек — Владлен Тупикин — сохранил верность анархическим убеждениям и продолжает участвовать в радикальном движении.

Вожди и организаторы «Общины», сыгравшие огромную роль в возрождении анархического движения в СССР, — Андрей Исаев, Владимир Гурболиков и Александр Шубин, сегодня, увы, весьма далеки от идеалов своей юности. Гурболиков превратился в убежденного клерикального охранительного публициста, а Исаев и Шубин стали высокопоставленными номенклатурными чиновниками, которые предпочли позабыть свой былой радикальный антибюрократический и антигосударственный пафос. Кто бы мог тогда, в 1987 году сказать, что судьба сложится столь причудливо?

И все же, предаваясь сегодня ностальгическим воспоминаниям, трезво оценивая свое «общинное» прошлое со всеми его иллюзиями, разочарованиями и промахами, помянем сегодня «Общину» добрым словом.

«Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были».

Петр Рябов

(член ИПО «Община» с марта 1988 года)

ПРОФСОЮЗЫ - ШКОЛА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

«...Все, как бурные, так и кроткие, оставили по себе благодарную память в сердцах сограждан, ибо все были градоначальники... Не знаешь, что более славословить: власть ли, в меру дерзающую, или сей виноград, в меру благодарящий?»

(М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города)

Грешен российский обыватель. Очень уж он любит начальников. И особенно тех, кто покруче. Недаром слагали песни про наиболее омерзительных и кровожадных — Ивана Грозного, Петра Первого да Иосифа Отца Родного. О нынешней власти, несмотря на впечатляющие масштабы ее дерзаний, пока вроде не поют. Зато за нее голосуют. Иное время, иные песни.

Профсоюзные бюрократы всегда отличались завидным начальстволюбием. Тем более, что они и сами некоторым образом — начальники. А уж себя не любить, это, простите, и вовсе последнее дело!

Длинный путь прошли официальные профсоюзы «Советской страны», длинный и бесславный. Начинали как школа большевистского псевдокоммунизма. Чему в ней учили — хорошо известно. Лакейству, покорности, послушанию, выполнению и перевыполнению норм. Вкалывай на дядю начальника, слушайся директора и мастера, верь в родной партком и в славный ЦК, как в господа бога — и все будет в порядке. За это в «школе коммунизма» ставили пятерки: давали путевки и повышали зарплату. Непокорных ждали репрессии, одним из их инструментов были профсоюзы.

«При большевистском режиме», — писала Эмма Гольдман еще в 1920 г., — «вообще неверно говорить о профсоюзах... Даже в своем консервативном варианте они служат ареной борьбы организованного труда за экономические улучшения... В России же они не представляют интересы работников ни в консервативном, ни тем более в революционном смысле. Они не более чем подчиненное и милитаризированное орудие большевистского государства... Они полностью поглощены государством, и вся их задача исчерпывается тем, чтобы выполнять для государства полицейскую службу».

Как и в фашистских странах, профсоюзы в «Советском Союзе» служили скорее корпорациями для наилучшего развития экономики в интересах власть имущих. В затянутой в черную рубашку Италии, в нацистской Германии и в франкистской Испании владельцы заводов и фирм входили в те же самые профессиональные объединения, что и их наемные рабы. В сталинистской России членами ВЦСПС были все — от голодного пролетария до преуспевающего директора фабрики и выше, вплоть до повелителей огромной страны.

Менялись вожди, перелицовывались режимы. Но не менялось мурло профсоюзного бюрократа. В месткомы выбирали «за характер очень говнистый». Затем в профсоюзе можно было сделать карьеру и уйти на повышение, в партийную или государственную номенклатуру. Наконец, структура ВЦСПС служила и местом ссылки для проигравших борьбу за власть (к примеру, туда был «брошен» неудачливый шеф КГБ Шелепин).

Сегодня над страной снова веет царское знамя. Государственный «коммунизм» нынче не в моде. Но зачем же отказываться от такого удобного, прекрасно работающего механизма, как бюрократические профсоюзы? Достаточно почистить его от «нелояльных», дать дорогу новым, молодым, да ранним кадрам, в меру разбавив их бывшими «неформалами», и старую школу можно переименовывать и вводить новую учебную программу. Точнее, учат там все тому же, вот только предметы называются по-иному. Но содержание неизменно («твое дело горбатить!») и пятерки ставят за то же самое — за начальстволюбие, покорность и терпение.

На протяжении всех лет правления ельцинистского режима старые, корпоративные профсоюзы, называющиеся теперь ФНПР, превратились в едва ли не основной инструмент, позволяющий властям предотвращать социальный взрыв. Организовать сопротивление против реформ профбоссы не смогли бы, даже если бы хотели. Для этого ФНПР и ее подразделения — слишком окостеневшая и формальная структура. На словах у них десятки миллионов членов, но в чем реально выражается участие этих миллионов в профработе? В уплате взносов? Кто из тех, кто работает или работал на заводе или в учреждении, может припомнить, чем занимается «его» или «ее» профсоюз? А когда в сентябре 1993 г. тогдашние лидеры профобъединения сгоряча объявили было «всеобщую забастовку», на нее никто не вышел. Позор был заглушен только грохотом пушек, расстрелявших строптивый парламент.

Но ФНПР и не собирается организовывать настоящие забастовки. Вместо этого она предпочитает их срывать. Ее официальный лозунг — «социальное партнерство». И это не только слова, но и дела. Она лоббирует, упрашивает власти, заседает в «трехсторонней комиссии» вместе с правительственными чиновниками и предпринимателями, сотрудничает с директорами, снова упрашивает, проводит «конгрессы» с участием собственных бюрократов и местных властей, создает избирательные списки вместе с «патриотическими» капиталистами, приглашает на свои митинги главных авторов «великого ограбления» — Ельцина (1 мая 1996 г.), Лужкова (1 мая 1997 г.) и иже с ними.

Если кто-нибудь попытается вспомнить, как официальный профчинуша защитил его права, ему или ей придется очень сильно напрячь память. Скорее всего, это будет бесполезным занятием. Такие случаи можно пересчитать по пальцам, да и то заслуга принадлежит местным, не совсем еще потерявшим совесть деятелям. В большинстве же случаев собственное благополучие и карьера, сохранность наворованного у народа профимущества, желание директора и иного начальства, наконец, интересы «производства в целом» перевешивают. По КЗОТу профсоюзы до сих пор имеют право не допустить увольнения работников с предприятия или из учреждения. Как часто они этим правом пользуются?

Забастовкам, сорванным, дезорганизованным или проваленным официальными профсоюзами, а также

«удержанным ими в рамках законности» несть числа. В отличие от их западных коллег, наши профбоссы не осмеливаются даже на последовательную экономическую борьбу. Излюбленный метод — это «выпускание пара». Для этого используются такие способы, как ничего не меняющие, но внешне массовые уличные шествия, «предупредительные» и символические однодневные забастовки, призывы «отложить» стачку, пока не «забастуют все» (после чего забастовка срывается вовсе), назначение выступлений на время или сезон, не удобный для трудящихся, либо наносящий властям и предпринимателям наименьший ущерб, наконец, внезапное и парализующее бастующих прекращение уже объявленной забастовки. Всеми этими махинациями вожди ФНПР и их отраслевых союзов овладели в совершенстве.

Сейчас, после Первого мая самое время подвести итог «зимне–весеннему наступлению», с большой помпой провозглашенному ФНПР прошлой осенью, после митингов 5 ноября 1996 г. Очень не хотелось жирным профбюрократам отрывать свои задницы от удобных кресел! Но ведь и положение сложилось нешуточное. Происходило то, чего не видывали и при самом «диком» капитализме. Строй наемного рабства тем и отличается от обыкновенного рабовладения, что работник получает хоть какую–то зарплату. А тут и ее не платили по 7–8 месяцев! Общая задолженность по зарплате составляла в начале января 48 триллионов рублей. Стало ясно: терпение людей на исходе. Наконец–то на исходе, после стольких лет позорного долготерпения. То тут, то там вспыхивали забастовки, угрожавшие перерасти в бунты. В Кемеровской области появились «комитеты спасения». В котле уже вовсю бурлил пар. И здесь режим открыл последний клапан. Им стало пресловутое «зимне–весеннее наступление».

Мы не знаем, действовали ли шмаковы и исаевы по сговору с правительством, или же, исходя из чувства самосохранения. Но одно им было ясно: если протесты трудящихся выйдут из–под их контроля, прости–прощай роскошные кабинеты и завидное жалование. У нас нет выхода, признавались профкомычи в газетных интервью, мы вынуждены объявить забастовки, иначе протесты перерастут в бунт. Буржуазная печать верно почувствовала, сколь высока ставка: «политические требования профбоссам понадобились не столько затем, чтобы сохранить за собой лидерство в деле организации трудящихся, сколько для того, чтобы коллективный протест не трансформировался в гражданское неповиновение... Политические требования, которые, вероятно, вынуждены будут предъявлять функционеры ФНПР, не обязательно приведут к массовым беспорядкам... Дело в том, что именно официальные профсоюзы наиболее приспособлены к нейтрализации взрывоопасных настроений страдающего пролетариата» (газета «Сегодня»).

В ход пошел весь наработанный арсенал, весь имеющийся запас предательства.

3 декабря 1996 г. ФНПРовский профсоюз угольщиков объявляет всеобщую забастовку шахтеров. Иначе, как писали газеты, угольщики «все равно бы забастовали, но не под руководством профлидеров» («Сегодня», 15.12.1996). Требования: вернуть долги по зарплате в размере 2,6 триллионов руб., из которых 990 миллиардов приходятся на госбюджет. 12 декабря в обмен на пустые правительственные обещания профбоссы, не консультируясь с шахтерами, прекращают стачку. Десятки шахт в Ростовской и Тульской областях продолжают бастовать еще около месяца, но не получают никакой поддержки и обречены на поражение.

Январь 1997 г. Официальные профсоюзы проводят «всеобщую стачку» учителей. В действительности бастуют только в 25 из 88 регионов страны, да и то 5 дней. Результат: никакого.

Столь же плачевен итог следующей «всеобщей» забастовки работников сферы образования и воспитания с 17 по 23 февраля. Готовность людей бороться высока. Акции протеста проходят в 86 регионах. В Карелии учителя и врачи на 7 часов блокируют автодорогу Петербург — Мурманск. Стачки учителей начинаются в Приморье, Воронежской и Смоленской областях, во Владимире... К 19 февраля стачки охватывают уже 22 региона и 3289 учреждений (св. 170 тыс. человек). Около 1000 учреждений объявляют бессрочные забастовки, на Сахалине и в Амурской области идут голодовки. Но всеобщей акции протеста сферы образования не получается, в ряде регионов, в т.ч. в Москве и Московской области, стачек нет совсем, в других (например, в Твери) дело ограничивается символической одночасовой забастовкой. Организовавшие акцию официальные профсоюзы делают все, чтобы ограничить размах и масштабы протестов.

Всю зиму и начало весны страну сотрясают изолированные, не связанные между собой забастовки и голодовки угольщиков, учителей, медиков, машиностроителей, кораблестроителей, химиков и др. Преданные профсоюзами, они глохнут или заканчиваются неудачей.

27 марта 1997 г. Разрекламированный ФНПР «день протеста трудящихся» становится издевательской пародией на пролетарскую борьбу. Профбоссы снимают радикальные лозунги и отказываются организовать всеобщую стачку, хотя бы даже однодневную. Бастуют всего в нескольких регионах, да и то выборочно. Многотысячные марши на улицах с повторением ритуальных фраз и заклинаний никого не могут испугать.

1 мая 1997 г. ФНПР проводит митинги, не допуская на них никаких социально–экономических и политических лозунгов. Профбоссы делают еще один шаг к трогательному единодушию со сторожевыми псами системы. По их наводке ОМОНовцы задерживают группу анархистов, шедших в колонне с транспарантами против социального партнерства. 2 человека зверски избиты жандармами и с ранениями головы попадают в больницу. На улицах и площадях снова торжествует гармония единения волков и овец.

Таковы факты. Официальные профсоюзы превратились сейчас в основной инструмент предотвращения социального возмущения, в главное препятствие на пути к сопротивлению, к подлинно человеческой жизни, к достоинству и свободе. Профбоссы и вся контролируемая ими структура — не только верный союзник власть имущих, перекрасившихся номенклатурщиков и «новых русских». Сегодня они соучастники репрессий, «кровавые собаки». Благодаря их стараниям призрак бунта по–албански, некоторое время бродивший по умам и газетным страницам, развеялся, и власти смогли облегченно вздохнуть и продолжать свои людоедские эксприменты. Никаких иллюзий и колебаний быть уже не может. Пусть они сдохнут! Хороший профбосс — это мертвый профбосс!

Вадим ДАМЬЕ

Нам нужны новые, революционные профсоюзы — без освобожденных бюрократов и покорного начальстволюбия. Такие, в которых все решают их члены. Такие, которые способны бороться не только за частичные улучшения, но и за новый, свободный и справедливый мир. Короче такие, какие предлагаем мы, революционные анархо–синдикалисты!

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция «Наперекора», анархическая по своему составу, далека от формально-правового подхода при оценке ситуации в различных странах и регионах. Однако мы считаем полезным ознакомить читателя с «чисто правозащитной» статьей Станислава Маркелова (напечатанной с сокращениями), не разделяя некоторых содержащихся в ней оценок.

Станислав МАРКЕЛОВ

БЕЛАРУСЬ. В ПРЕДДВЕРИИ ГРАЖДАНСКОГО КОНФЛИКТА

Сегодняшняя ситуация в республике приводит к перерастанию политического противостояния в стадию прямого силового конфликта. Формальной основой столкновения является наличие двух центров власти, оспаривающих легитимность существования друг друга. Разогнанный парламент стал декларируемым знаменем оппозиции, показателем законности ее требований. С другой стороны, президентская власть, не чувствуя достаточной легитимности своего существования, все больше прибегает к авторитарным методам.

Общим правилом управления страной стало полное пренебрежение Конституцией и законами Беларуси. Регулирование правового положения определяется, в первую очередь, Декретами Президента. Содержание норм, зафиксированных в этих декретах, подчас полностью игнорирует законодательную базу страны и противоречит общепризнанным правам человека. Так, Декрет № 5 от 05.03.97, помимо крайне жестких условий проведения митингов и демонстраций, устанавливает систему штрафов за административные преступления, фактически приводящую к полной конфискации имущества. Декрет от 18.03.97 ограничивает и ставит под государственный цензовый контроль провоз печатной литературы через границу, что ставит под угрозу существование большинства независимых изданий. Статус безработного и пособие по безработице - по Указу Президента можно получить, только отработав определенное количество времени на общественных работах, что является, по сути, формой принудительного труда. Это одни из самых ярких примеров общей тенденции правового волюнтаризма.

Оппозиционные силы практически лишены возможности легально влиять на действия власти. Парламентская оппозиция отсутствует. Все звенья законодательной, исполнительной и судебной власти находятся под жестким контролем со стороны Президента. Оппозиционные выступления в печати полностью игнорируются. Попытки защитить свои права через иные институты гражданского общества (профсоюзы, общественные объединения), либо также игнорируются, либо вообще преследуются.

На этом фоне авторитарная концентрация власти становится очевидной. Официальные СМИ крайне ангажированы. Пропагандой насаждается некий «культ» Лукашенко при создании «образа врага» в отношении оппозиции. Ситуация усугубляется проводимой под компанию «по борьбе с коррупцией» чисткой государственного аппарата, правоохранительных органов и армии и возникновением влиятельного слоя недовольных политикой Лукашенко в силовых структурах.

Ликвидация легальных каналов воздействия на власть приводит к резкой радикализации оппозиции. Сегодня радикальные настроения в оппозиционной среде являются, очевидно, доминирующими. Появились и националистические тенденции. С другой стороны, силы, выступающие за Лукашенко, опираются на отчетливо имперскую идеологию. В столкновении двух крайних идейных течений какие-либо полутона становятся все менее заметны.

Радикализация наблюдается не только в настроениях общества, но и в реальной политической жизни. При отсутствии поля для цивилизованных социальных баталий силовые столкновения становятся главными и практически единственными политическими событиями в республике. Причем, это относится не только к столице, но уже и к периферии. Поляризация происходит и на уровне массового общественного сознания, где определились линии противостояния по социальному (интеллигенция и молодежь (оппозиция) - с одной стороны, обыватели и крестьянство (опора режима Лукашенко) - с другой и по региональному (столица и крупные города против периферии) признаку. Важно отметить при этом, что для обоих групп характерен своего рода солипсизм, т.е. каждый прибывает в убеждении, что оппозиции как таковой не существует. Безусловно, большинство населения на стороне президента Лукашенко, ведь в Белоруссии, в отличие от России регулярно платят зарплату, а процесс экономической поляризации не зашел так далеко. По этой причине у белорусского обывателя, крестьянина, чиновника, а также у части рабочих отношение к Лукашенко позитивное, а отношение к противостоящим ему силам скорее отрицательное, так что в повседневной жизни эти люди не сталкиваются с оппозиционными властям настроениями. Поэтому, с точки зрения этой группы населения, антилукашенковская оппозиция представляет из себя лишь жалкую кучку отщепенцев. С другой стороны, большинство интеллигенции, молодежь и некоторая часть рабочих настроены враждебно по отношению к режиму. Здесь важно отметить, что против Лукашенко выступила практически вся политическая элита Белоруссии. Политические противники президента выходят на улицы, где им противостоит лишь полиция, и не видят почти никого, кто публично защищал бы Лукашенко.

Центристские и умеренные силы в Белоруссии отсутствуют полностью. Ранее бывшие таковыми сейчас полностью радикализировались. Какое-либо разнообразие политических требований отсутствует. На обоих полюсах происходит концентрация и тенденция к единению с целью создания мощных блоков при прямом конфликте. О готовности к этому свидетельствует тот факт, что лидеры многих ведущих политических сил на вопрос о возможности перерастания конфликта в непосредственный и вооруженный, отвечают утвердительно. Нарастанию напряженности способствуют и массовые случаи нарушения гражданских и политических прав.

Под постоянной угрозой находится свободная пресса. Высылка журналиста НТВ А.Ступникова, обстрел неизвестными квартиры главного редактора газеты «Свобода» И.Герменчука, постоянные угрозы со стороны президента в адрес отечественных и зарубежных журналистов, судебные иски и многие другие факты делают положение независимой прессы крайне неустойчивым. Уже существуют факты прекращения финансирования ряда изданий («Наше слово», русскоязычный «Фокус»). Особое беспокойство вызывает объявленная президентом Лукашенко перерегистрация СМИ и переаккредитация иностранных журналистов, так как возможно закрытие неугодной властям периодики.

Прямым гонениям подвергаются и оппозиционные силы. Помимо постоянных нападок со стороны пропрезидентских СМИ, существуют и факты прямого гонения на активистов оппозиции. Учащиеся Вузов сталкиваются с угрозами исключения из институтов, причем, если раньше это подводилось под академическое основание, то теперь все чаще административные санкции применяются прямо по политическим мотивам. Есть факты непосредственных нападений или заведений уголовных дел на оппозиционных деятелей. Так, 28 сентября 1996 г. В Гомеле был до смерти избит сотрудниками милиции 16-летний К.Москвин. Последующее судебное разбирательство имело явно пристрастный и необъективный характер. По сфабрикованному обвинению ведется следствие против предпринимателя В.Н.Семенова (Могилев), в свое время отказавшего еще депутату Лукашенко в поддержке. Чем, вероятно, и объясняется личная заинтересованность президента в обвинительном приговоре по данному делу.

Широкомасштабный характер приняла кампания по преследованию лидеров оппозиционных сил. Судебным преследованиям подверглись: один из лидеров БНФ Ходыко, один из руководителей разогнанного парламента Карпенко, лидер оппозиционных коммунистов Новиков. Судебному преследованию вместе с «осадой» квартиры неизвестными людьми подвергается лидер БДП «Народная Громада» Статкевич. 2-го апреля был краткосрочно задержан председатель разогнанного парламента Шарецкий. Постоянная «охота» во время массовых акций ведется за одним из лидеров оппозиционных коммунистов Щукиным, который как 1-го, так и 2-го апреля, был жестоко избит.

Самые серьезные нарушения прав человека происходят в ходе проведения акций протеста. Избиения и массовые аресты со стороны милиции носят во время них массовый характер. Наиболее антиправовой характер имеет недавно возникшая практика «зачистки», когда сотрудниками правоохранительных органов оцепляется целый район и в нем производятся аресты, в том числе и лиц, никак не участвующих в акции. Вообще, случаи арестов лиц, не имеющих отношения к акциям протеста, являются обычными.

Помимо массовости, нарушения прав человека в ходе проведения акций протеста отличаются и своим характером. Все чаще аресты участников происходят не в ходе самих событий, а в удаленных местах. Это осложняет выяснение численности задержанных и оказание им какой-либо помощи. Распространены случаи арестов людей лицами в гражданской форме, отказы представиться при задержаниях, избиений в ходе их проведения.

При подавлении акций протеста жертвами действий милиции постоянно оказываются журналисты. Число арестованных и избитых среди них очень велико. Существуют многочисленные случаи воспрепятствования работе журналистов и сознательного оказания на них физического воздействия.

Антиправовые действия милиции сочетаются с насильственными и провокационными действиями самих оппозиционеров. Например, во время событий 2-го апреля демонстранты первыми стали кидать в сотрудников милиции камнями и различными предметами. Участники акций практически каждый раз отклоняются от официально разрешенного места проведения шествий и митингов. Силовое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов стало массовым явлением. Среди пострадавших во время столкновений оказываются и сотрудники милиции.

Следует особо отметить и наличие националистических моментов в выступлениях и лозунгах демонстрантов. В частности, одним из основных плакатов митингующих во время событий 2-го апреля стал лозунг: «Русские идут!»

Тотальное попрание гражданских и политических прав продолжается и при рассмотрении дел арестованных в суде. И подсудимые, и просто зрители на процессах повсеместно указывают на недобросовестность судей. Сами судьи в частных беседах жалуются на подчиненный характер своего положения. Очень часто единственными свидетелями становятся сотрудники милиции, производившие задержание. При этом распространены случаи, когда свидетель на суде не совпадает с лицом, производившим задержание или оформившим протокол задержания, либо один свидетель дает показания на лиц, арестованных в одно время в разных местах. Постоянным фактом становится признание того, что свидетели обвинения не разбираются в обстоятельствах дела, путая время, место, обстоятельства ареста. Все приговоры определяются еще до начала суда. Значительное усиление ответственности за несанкционированные политические акции в сочетании с недобросовестностью судопроизводства можно рассматривать как практику судебного преследования представителей оппозиции.

Плохими условиями характеризуется и содержание под стражей. Плохое кормление, недостаточное медицинское обеспечение, несоблюдение санитарных норм постоянно отмечаются вышедшими из заключения. Помимо неудовлетворительного качества еды, кормление происходит только один раз в сутки.

Подавлению подвергаются и все акты социального протеста. Помимо прямого подавления выступлений трудящихся (забастовка на минском метрополитене в 1995 г., когда были приглашены штрейкбрехеры, разогнанный милицией рабочий марш из Солигорска в октябре 1996 г.), существует постоянная практика давления на профсоюзных и трудовых активистов. Угрозы и факты увольнения по статье за профнепригодность, попытки администрации насильственно «слить» ячейки официальных и независимых профсоюзов, запрет на проведение собраний на предприятиях к отделениям независимых профсоюзов применяются постоянно. Особое распространение получили крайне долговременные задержки перечисления профсоюзных взносов на счета независимых профсоюзов. На ряде предприятий администрация отказывается заключать коллективные договоры с представителями ячеек этих профсоюзов. Вопиющим фактом произвола выглядит отказ в регистрации Белорусскому Конгрессу Демократических Профсоюзов, и процесс по этому делу, тянущийся уже длительное время. Вместе с тем, следует отметить, что в Белоруссии в отличие от России, несмотря на общую низкую заработную плату, нет значительных задержек по выплатам населению.

В целом, политическая ситуация в Белоруссии характеризуется разрушением институтов гражданского общества, постепенным ограничением гражданских прав и авторитарными методами управления страной. Ликвидация легальных возможностей воздействия на власть приводит к радикализации и концентрации оппозиции. Отсутствие и профанация институтов политического представительства создает почву для силовых конфликтов как единственного действенного способа проявления общественного недовольства. Резкая радикализация и поляризация настроений в обществе в сочетании с наличием двух формальных центров власти и постепенным ухудшением социального положения населения приводит к появлению основы для скорого силового гражданского конфликта в Белоруссии.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В МИНСКЕ В АПРЕЛЕ 1997 ГОДА

1 АПРЕЛЯ

Запланированная ранее акция "День смеха - объединения с Россией" и намечаемые "проводы" оппозицией представителей Беларуси на подписание договора с Россией не состоялись, так как большинство членов официальной делегации уехали в Москву еще 31 марта. Однако, значительное число журналистов и просто любопытствующих все-таки пришло вечером к скверику на улице Кирова. В течение дня в центральных районах города зафиксировано также значительное скопление милиции и ОМОНа.

Приблизительно без четверти семнадцать сквер на улице Кирова оцепила милиция и перекрыла пешеходное движение. Свои действия сотрудники правоохранительных органов объяснять отказывались или отвечали требованиями разойтись. Кстати, по свидетельству арестованных, часть из них задержаны именно из-за того, что они возмущались действиями милиции и необходимостью делать значительный

"крюк" из-за оцепления. Оцепление сопровождалось вещанием громкоговорителей с милицейской машины о "запрете массовых мероприятий", вызывавшим дружный свист у собравшихся. Это была единственная акция присутствующих, поскольку за весь вечер попыток поднятия флага, скандирования, призывов через мегафон зафиксировано не было.

Задержания п роизводились первоначально в отношении людей, отказывавшихся освободить лавочки в сквере, и лиц, настаивающих на проходе через милицейское оцепление. При арестах применялись и меры физического воздействия. Приблизительно через час милиция начала производить "зачистку" улицы Кирова в сторону привокзальной площади. Те, кто не успевал спрятаться в магазине или укрыться в проходящем автобусе, оказались арестованными.

Особенно жестокому обращению при аресте подвергся депутат Верховного Совета 13 созыва, корреспондент газеты "Товарищ" В.Щукин. Предварительно он предъявил журналистское удостоверение старшему в оцеплении и был задержан в момент взятия интервью. При этом он подвергся жестокому избиению как непосредственно при задержании, так и при доставке его в Октябрьский РОВД. Сотрудники милиции не скрывали того факта, что знали его лично и о его журналистской деятельности. Арестованные были подвергнуты принудительному фотографированию. Всего, по данным независимых источников, в этот день было задержано около сорока человек.

2 АПРЕЛЯ

На этот день планировался митинг сторонников объединения с Россией на 17 часов в Парке Горького и митинг оппозиции на пл.Парижской Коммуны в 18 часов. Однако, в городе были распространены листовки, призывающие противников союза тоже прийти к Парку Горького.

В назначенное время в Парке собрались представители пропрезидентской коммунистической партии, молодежного союза "Прямое действие" и Патриотического Союза Молодежи общей численностью около 200 человек. Рядом с ними начали прибывать представители оппозиции, отвечавшие свистом и выкриками на каждое выступление митингующих. Из-за того, что основные противостоящие силы были разделены оградой парка и оцеплением милиции, "выяснение отношений" не пошло дальше взаимных оскорблений.

Приблизительно через 20 минут оппозиционеры, подняв бело-красно-белое флаги начали несанкционированное шествие в сторону пл.Парижской Коммуны. Во время шествия велось скандирование: "Незалежность !" (Независимость) и "Жыве, Беларусь !" . На обращение милиции через мегафон о незаконности манифестации и персональной ответственности участников, демонстранты дружно реагировали криками "Ганьба!" (Позор). Во время шествия некоторые его участники кидали в милицию мелкие камешки и сподручные предметы.

Продвигаясь в сторону пл.Парижской Коммуны, демонстранты на некоторое время перекрыли улицу Янки Купалы. Происходили первые попытки задержания участников, но пока обходилось без силовых стоякновений. Митинг долгое время не начинался, и складывалось впечатление, что организаторы не ожидали беспрепятственного прохода колонны до места официально разрешенного митинга. Число участников колебалось около около 1 тысячи человек (с учетом стоящих вокруг зрителей - до 1,5 тысяч). Демостранты, помимо бело-красно-белых флагов и флагов Объединенной Гражданской Партии, поднимали лозунг "Русские идут !" Во время митинга наиболее радикальная часть демонстрантов под флагом молодежной фракции БНФ захотели организовать шествие в сторону российского посольства, но первая попытка им не удалась.

Вторая попытка оказалась успешной, и большинство митингующих двинулось в сторону российского посольства. Организованно не участвовали в данном шествии лишь представители ОГП. Приблизительно в 19 часов манифестанты перекрыли движение на ул.Богдановича. Почти сразу же вслед за ними начали высаживаться из автобусов и перемещаться отряды ОМОНа, которые напали на задние ряды демонстрантов. Сама колонна, столкнувшись с кордонами милиции у российского посольства, сначала пыталась передать им тыкву (древний символ отказа от сватовства). Затем в ряды милиции полетели камни, палки и сподручные предметы. Отряды милиции и спецназа начали без предупреждения "гнать" оппозиционеров вдоль улицы Коммунистической.

Часть демонстрантов пыталась укрыться во дворах и переулках. Другая, отбиваясь и сопротивляясь, уходила в сторону ул.Варвашени, на подступах к которой и распалась. Действия сил правопорядка отличались особой жестокостью. Избиению и арестам подвергались не только участники, но и зрители, случайно проходившие мимо люди. Так был задержан наблюдавший за происходящим гражданин Японии Сейто. Жестоким избиениям и задержаниям подвергались также женщины и престарелые. Милиция и спецназ не ограничивались действиями на улице, вылавливая и избивая демонстрантов во дворах.

Пострадали многие журналисты. Был снова зверски избит В.Щукин, за которым велась настоящая охота. Серьезно избиты корреспондент "Итогов" Татьяна Холина и ее отец Владимир (отбиты почки). Имелись случаи уничтожения журналистской аппаратуры. Нападение происходило и на иностранных журналистов. Попытка задержания была произведена к польскому журналисту Ц.Галиньскому ("Выборча", Варшава) (отбит демонстрантами). Преследованию подвергались и лица, ведущие киносъемку.

Имелись факты, когда милиция не обращала внимания на удостоверения-баджи. Так, был задержан и избит наблюдатель от Белорусского Хельсинского Комитета Д.В.Носов.

В целом, можно говорить о крайне жестоком характере действий сотрудников милиции. Особо следует отметить дело Белоцерковца Николая Николаевича. Инвалид второй группы с детства, состоящий на учете в психо-неврологическом диспансере, был арестован милицией, несмотря на имеющееся у него удостоверение об инвалидности. Удостоверение было отобрано в отделении милиции, а дело передано в суд, который присудил его к штрафу в 6 млн. 500 тыс. рублей. По возвращении домой 3 апреля на его теле обнаружены следы избиения.

Следует заметить, что демонстранты нередко весьма активно оказывали сопротивлдение работникам правоохранительных органов. Всего за время проведения акции восемь сотрудников милиции получили травмы различной степени тяжести, двое госпитализированы (у одного отбита селезенка). Особого внимания заслуживает примененная милицией практика "зачистки". Она заключается в оцеплении целого района и массовых арестов внутри его, в том числе и лиц, никак не связанных с происходящей акцией.

Распространены случаи арестов граждан лицами в гражданской форме без предъявления документов.

Непосредственные активные столкновения и аресты продолжались около часа. Последняя группа участников, состоявшая уже в основном из журналистов и свидетелей, оставалась, обмениваясь впечатлениями на углу ул.Коммунистической у кафе "Восход". Уже никаких лозунгов и флагов не подымалось, скандирования не производилось. Несмотря на это, около 20-25 человек с применением физической силы были арестованы. В процессе задержания ОМОН вбегал за пытавшимися укрыться даже в кафе.

Вообще, напряженная обстановка характерна не только для места и времени проведения акции. В течение всего дня в центре города находились мощные силы специальных подразделений милиции. На улице Янки Купалы в первой половине дня, задолго до начала акции зафиксирован арест неустановленного гражданина лицами без формальных знаков отличия. Несколько граждан были тяжело избиты ОМОНом на пр.Машерова в значительном отдалении от места событий.

В целом, по официальным данным задержано 107 демонстрантов, заведено 76 дел, трое из демонстрантов обратились в больницу. По неофициальным данным, число задержанных и пострадавших доходит до трехсот.

СТАНИСЛАВ МАРКЕЛОВ

СТРОИТЕЛЬСТВО РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА И ВОЗРАЩЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Карл — Хайнц Рот. В 60-е годы — активист леворадикального Союза немецких студентов в Гамбурге, затем стал одним из ведущих теоретиков "рабочей автономии" (эта концепция появилась в Италии в 60—е годы, а затем распространилась и в других странах). В1974 году выпустил главный труд: "Другое рабочее движение". Один из создателей журнала "Автономия". В настоящее время работает в созданном им "Гамбургском институте социальной истории 20—го века". Свыше 20 лет работает врачом. Участвует во многих леворадикальных инициативах и проектах.

О "возвращении пролетариата"

В 1993 г Карл — Хайнц Рот впервые изложил свои тезисы о "возвращении пролетариата". Тем самым Рот, который в предыдущие годы работал, прежде всего, как социал — революционный историк, вернулся к анализу нынешней ситуации. Текст обсуждался среди автономов и социал—революционеров, а также в традиционных социалистических течениях. Осенью 1994 г появилась книга, в которой были собраны критические и дискуссионные отклики и подробнейший ответ Рота на критику.

В "возвращении пролетариата" Рот констатировал "радикализацию капиталистических отношений во всем мире". Он выводит это из описания ситуации в Мексике, Италии, Франции и Германии (после воссоединения). Радикализация проявляется в наступлении на гарантированные тарифными соглашениями и трудовым законодательством нормальные трудовые отношения, в массовой безработице и бедности, в изменении структуры рабочего класса. Последние бастионы рабочих подточены, профсоюзы и социал—демократические партии, включая их левое крыло, не станут оказывать сопротивление процессу реорганизации трудовых отношений, а будут его соучастниками. Центральным в анализе Рота является понятие "тойотизма" (1) как новой системы трудовых отношений.

Рот заканчивает призывом к левым снова обратить первостепенное влияние на "социальный вопрос" и процессы пролетаризации. Только так можно будет побороть растущий расизм и национализм среди самих трудящихся, поскольку "любая антирасистская инициатива, игнорирующая социальный вопрос и отказывающаяся тем самым от стратегической возможности опереться в принципе на все слои пролетариата построена на песке". Поскольку сегодня ни у одного левого течения нет спасительных рецептов и ни один левый или леворадикальный проект не смог исторически подтвердить свою правоту, возможны открытые дискуссии среди различных левых течений — от автономных до базисно — профсоюзных.

Политическая традиция операизма

Карл—Хайнц Рот вышел из теоретической школы "операизма" и является одним из его ведущих теоретиков. Эта политическая и экономическая теория возникла в Италии в 60—е годы. Она исходит из того, что рабочие, вынужденные работать на фабрике, создают там новые формы сопротивления против несвободного труда, который они в принципе отвергают. Эти формы борьбы — стачка, хищение, саботаж , симуляция болезни и т. д. Согласно операистской теории кризисов, рабочие, уклоняясь от труда, требуя повышения зарплаты, вызывают кризис капитала. Капитал реагирует на сопротивление техническими нововведениями ("технологическое наступление на класс") и пытается использовать недовольство как мотор для новшеств. Центральный исследовательский метод операизма — "боевое исследование": рабочие опрашиваются действующими на фабрике активистами, чтобы получить информацию об их положении и понять его. Важным понятием является "классовая структура"; как строится рабочий класс, каким сознанием он обладает?

Анализ Рота и операистские теории можно критиковать или защищать. Но важно отметить, что в отличие от автономов и анархистов операизм пытается (и это достойно поддержки) исследовать сегодняшние классовые отношения, что является важным вкладом в осуществление выхода за пределы леворадикального гетто.

ИНТЕРВЬЮ С КАРЛОМ ХАЙНЦЕМ РОТОМ

Корпоративизм профсоюзов достиг апогея, когда они предложили план "Союз ради труда" (2). Можно ли обнаружить параллели между совместной заботой капитала, государства и представителей трудящихся об экономике Германии и идеологией "народного сообщества" в нацистском "Немецком Трудовом фронте"?

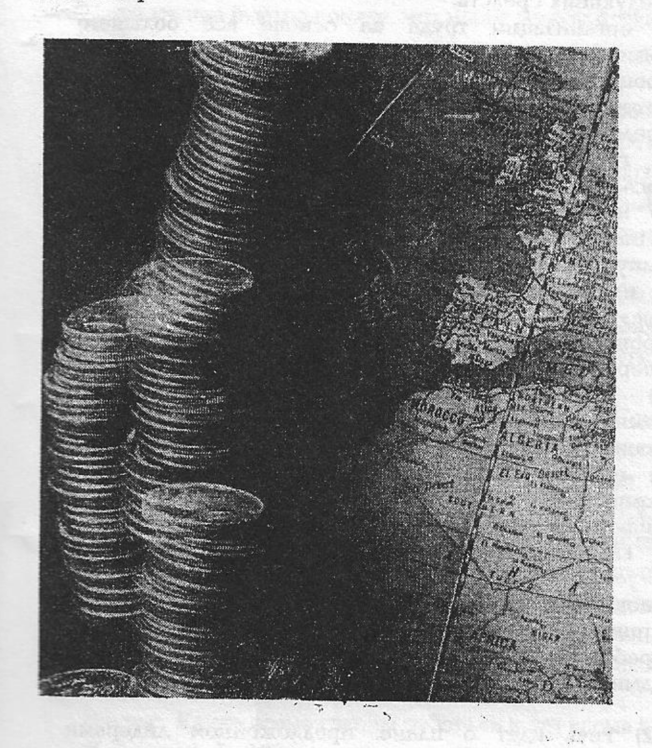
Только косвенные. Этот "союз" — скорее попытка реставрации идеологии и практики социального государства 50—х годов. Теперь, в ситуации, когда немецкая модель социального государства рушится окончательно, профсоюзное руководство пытается снова всеми способами вернуться к этой истории, которая стала уже легендой. Социальное государство всё больше демонтируется изнутри. В такой момент профсоюзы хотят еще раз мобилизовать все силы, чтобы сохранить связь со старым социальным партнерством. Профсоюзы стараются сохранить последние остатки послевоенной политики, чтобы задержать демонтаж социального государства. Профдвижению сегодня отступать больше некуда. Оно должно мобилизовать легенду, чтобы спасти хоть какие—то компромиссы 50—х—60—х годов.

Вообще, старое реформистское профсоюзное движение, с которым мы вели борьбу в 60—е—70—е годы, больше не существует. Возникла совершенно абсурдная ситуация. Многие отраслевые профсоюзы все еще действуют только потому, что в их аппарате сидят бывшие левые. А реформисты, которые отстаивали политику статус—кво с ориентацией на полную занятость — политику, противостоявшую позиции капитала — они в основном исчезли. В профсоюзном лагере идет процесс распада; в политических партиях мы можем наблюдать его уже несколько лет. Старые, традиционные фракции выделить уже невозможно.

Социальные реалии ФРГ полностью изменились с начала 80—х. Особенно радикальные перемены произошли в 90—е годы, после присоединения ГДР. Это присоединение было использовано для того, чтобы опробовать на Востоке эксперименты с разрушением социального государства. Затем они были импортированы обратно на Запад. Регулируемых трудовых отношений больше нет, даже если формально они все еще существуют. Время работы продлевается, интенсивность труда возрастает, реальные заработки сокращаются; гарантированных надолго рабочих мест, с точки зрения трудового законодательства, больше нет. Там где они еще сохраняются, в каких—либо индустриальных центрах, они увязываются с новой формой пролетарского крепостного права. Люди должны быть целиком привязаны к своему предприятию, преданы своему предприятию, если хотят сохранить прочные трудовые соглашения. От рабочего времени, зарплаты и правовых норм труда, характерных для капиталистического общества с ориентацией на полную запятость, в ФРГ уже мало что осталось, пусть даже фасад в значительной мере сохраняется.

Таков исходный пункт для понимания того что же случилось с профсоюзами. Они долгое время пытались сохранить компромисс социального

государства. Им это не удалось, значит, они прижаты к стенке. В отдельных отраслях, прежде всего там, где шли процессы массированной рационализации, в конце 80-х прокатились довольно боевые протесты трудящихся. Но это был протест рядовых членов профсоюзов, волна шла снизу. Сегодня профсоюзный аппарат, как и политические партии, больше не имеет массовой социальной базы. На прфсобрания ходят главным образом чиновники. Мне рассказывали об этом товарищи из многих профсоюзов. Профсоюзы стали фасадами, бюрократиями, которые анализируют ситуацию в своих институтах, но не имеют никакого отношения к реальному процессу. Их функционеры обнаруживают, что трудящиеся порой используют их в весьма ожесточенной классовой борьбе. Ими пользуются снова, поскольку столкнувшись с растущим правовым беспределом в трудовых отношениях, работники хватаются за любую соломинку. И потому используют профсоюзы. Лично я на основе собственного конкретного опыта и, конечно же, моих политических позиций считаю какую бы то ни было полемику с нынешним профсоюзным движением бессмысленной, поскольку оно больше не играет никакой роли.

В отличие от других стран, в ФРГ в профсоюзы организованно все еще от 25 до 30 % работников...

Это все мертвые души. Я поддерживаю контакты со многими профсоюзниками в разных регионах. В действительности остались только мертвые души — положение, которое повсюду пытаются скрыть. Между собой разговаривают мумии, и средства массовой информации трубят об этой болтовне мумий. Мы, левые, должны вести дискуссии на другом уровне. При этом мы сталкиваемся с двойной дилеммой. Во — первых, немецкие левые далеки от социальной действительности с ее растущей и все более четкой поляризацией в новом обличье классового общества со стратегической массовой безработицей, новой массовой бедностью, с отказом от полной занятости. Левые проспали этот процесс. Подавляющее большинство левых полностью распрощалось с пролетариатом и с реальными классовыми отношениями. С некоторым преувеличением можно сказать: если теперь снизу возникнет новое оппозиционное социальное движение, посящее освободительный характер, то оно возникнет вопреки левым.

Разве у левых не было оснований для того, чтобы держаться в стороне от этих конфликтов, в которых смешивались социальная борьба, социальная агрессия и расизм?

То, что в ФРГ, точно так же как во Франции и в Италии, имеется нечто вроде социального расизма — бесспорно. В начале 90-х годов, то есть после присоединения ГДР, нам пришлось испытать много горьких вещей. Но на самом деле такое перекладывание ответственности за экономический и социальный кризис на плечи тех, кто стоит ниже в эксплуататорской иерархии, как раз и связано с провалом левых, с их самоустранением, отрывом от рабочей культуры. Кроме того, новые правые в отличие от старых и даже новых левых, частично заостряли социальный вопрос. Это очень заметно во Франции. Мы сталкиваемся сегодня с тем, что, например, социал-демократические земельные правительства, осуществляют стратегию социального демонтажа, то есть попросту проводят правую, неолиберальную политику. А во Франции в начале 80-х годов во многих регионах, скажем, в Марселе, даже старые коммунистические рабочие бастионы склонились вправо. Там и проявилось, что новый правый экстремизм ставит социальный вопрос. Можно было наблюдать невероятную трагедию, когда бывшие итальянские эмигранты, бежавшие в 40-е годы во Францию от итальянского фашизма нападали на нынешних эмигрантов из Северной Африки.

Действительно ли главная основа проявлений такого расизма в экономической ситуации?

Да. Ее используют. Существует "народный расизм", который отражает реальные общественные противоречия внутри пролетариата. Я живу в Санкт-Паули (район Гамбурга — прим. Перевод.). Есть там гигантская стройка у Миллернторн. У меня много пациентов из всех социальных слоев этого коллектива строителей — от польских поденщиков до немецких квалифицированных рабочих. И это реальная проблема, когда с крупной стройки увольняют 50 немецких рабочих и через неделю нанимают 50 или 70 восточноевропейских рабочих с зарплатой размером в 1/3 или даже меньше. Наступает шок: люди, ставшие безработными, пробираются туда и видят, как на их месте работают за нищенскую плату польские рабочие. Если не будет классовой солидарности, движения, которое объяснит, что происходит, и выдвинет верные требования (например, требование гарантированной минимальной платы за один и тот же труд на одном и том же рабочем месте для всех, независимо от национальности), тогда появится возможность использовать элементарное отчаяние уволенных. Правые могут приходить и заявлять: "Ну вот, видите? Поляки вон!" И мы не можем прятаться за утверждения, что немецкий рабочий характер всегда имел тенденцию к отграничению от инородцев, к фашистскому менталитету. Я исхожу из того, что

исходные экономические моменты — массовое обнищание, ликвидация гарантированных трудовых отношений — ведут к разрушению последних остатков рабочей культуры, к новой индивидуализации и к появлению — можно смело сказать — асоциальных форм индивидуализма, в том числе и среди угнетенных. Они атомизируются. Одновременно меняется менталитет, полный перелом происходит в том, что мы называем общественным мнением, что, в конечном счете, отражается и в повседневной речи. Из нее исчезают все понятия, касающиеся социальных прав. Например, полная занятость, — этого термина больше нет. Или тарифная ставка зарплаты. Языковые структуры исчезают и заменяются новыми, в том числе и в дискуссиях среди левых. Существует связь между экономическими изменениями и тем, как выражаются люди, которые находятся под полным влиянием средств массовой информации и не имеют собственной субкультуры. Поэтому было бы абсолютно неверно вести речь только об экономическом процессе; это общесоциальный процесс, проникающий даже в сферу языка. Вот почему становится возможным, что некоторые образы приобретают расистскую форму. Неправильно также говорить, что расизм — это проблема идеологии и менталитета, а не экономики. Он и то, и другое. Расизм — это проецируемый механизм страха. Это попытка достичь стабильности за счет других. Расизм имеет отношение и к экономике и к языку, транслируется средствами массовой информации и формирует нормы повседневной жизни. Наша задача — атаковать эту структуру в комплексе. И здесь уже речь идет не только о проблеме гарантированной минимальной зарплаты, как на крупной стройке Миллернторн, но о новой левой контр-культуре, которая выражает идею равенства.

Где ты видишь в настоящее время элементы развития такой контр-культуры? До кого могут достучаться левые?

Объективно у левых сейчас такие шансы, каких не было еще никогда раньше. Если они изберут своей мишенью новые трудовые отношения, левые смогут начать очень широкое наступление. Этими новыми трудовыми отношениями затронуты сегодня все люди, вынужденные продавать свою рабочую силу.

Второе. Мы стоим сейчас перед невероятным фактом: реформизм исчез. Я не хочу сейчас вступать в спор о ПДС (3) — возможно, в новых землях имеет место процесс, который можно охарактеризовать как реформистский. Но для ФРГ в целом, как мне кажется, верно следующее: дееспособного реформизма нет. Нет его и на европейском уровне. Маастрихтские соглашения — это разрушение любой социал-демократической перспективы в Европе. Тем не менее, найти новые элементы безумно сложно. Поэтому, хотя потенциальные возможности велики, необходимо согласие по принципиальным моментам. К сожалению, сегодня очень трудно развивать дискуссии о новой эре, о новых классовых боях, о новых возможностях. С одной стороны, причина в нашей раздробленности. Другая причина заключается в совершенно особенном, ужасающем развале немецких левых.

Тебя критиковали за то, что ты попытался обрисовать новые сферы действия, но в своем анализе остался на уровне радикализации борьбы за перераспределение. Вопрос о новом обществе, о том, как оно может выглядеть, почти не затрагивался.

До сих пор мы говорили только о препятствиях. Что же предстоит сделать? Пункт первый: начать дискуссии о новой социалистической перспективе — на основе критики наших прежних стратегических ошибок и на основе оценки новой эры, нового капитализма со сверхрационализированными трудовыми отношениями, которые полностью изменяют сам капитализм. Пункт второй — это вопрос о конкретном политическом механизме и, тем самым, конечно, об определении точек приложения сил. Одна из них — это глобальный контекст социалистической перспективы. Первый ответ на это пришел из Чиапаса. Сапатисты потребовали теперь того, что я провозглашал в 1994 году — интернационального согласия, интернациональной ассоциации для борьбы со всем, что составляет эту новую эру. Они хотят провести международный конгресс против неолиберализма и говорят: кончайте со всей вашей прежней работой в области солидарности, займитесь вашей собственной ситуацией. Неолиберальной мировой программе, то есть теории, объясняющей нынешнюю ситуацию в мире с точки зрения капитала нужно противопоставить контр-теорию. Но речь идет, конечно же, о соединении с местными инициативами — в противном случае это было бы лишь созданием новой интернациональной секции неотроцкизма. Мировое сообщество 21-го века распадается на приблизительно 400-500 локальных центров — глобальных городов. Вместе с бурным исчезновением крестьян из мировой экономики происходит капитализация самого сельского хозяйства, ведущая к укреплению структуры крупного землевладения. Это влечет за собой формирование сельского пролетариата, принуждаемого к различным формам несвободного труда. С другой стороны идет массовая миграция обнищавших, лишившихся земли и пролетаризированных людей в новые "глобальные города". В них будет концентрироваться массовая бедность, и эти "глобальные города" станут центрами, в которых снова заполыхает классовая борьба. Поэтому я предложил создавать местные инициативы, создавать контр-силу, исходя из исследования региональных процессов поляризации общества.

На уровне борьбы за изменение трудовых отношений мы должны в известной мере вернуться к старым, славным формам революционной работы. Чем было 1 мая? Борьбой за 8-часовой рабочий день, за гарантированную минимальную зарплату. Одновременно мы должны вернуться к тем формам социализма, которые существовали еще до Маркса. Не для того, чтобы их копировать, а потому что сегодняшний капитализм примечательным образом превратился в "капитализм циркуляции", в котором торговый и транспортный капитал играют куда большую роль, чем раньше, в котором индивидуализированы трудовые отношения. В локальных инициативах мы должны, во-первых, вернуться к вопросу о трудовых отношениях, чтобы добиться осуществления минимальных прав. Во-вторых, надо соединить борьбу за эти минимальные права с восстановлением социальных гарантий на коммунальном уровне. Ведь системы социальных гарантий разрушены. В-третьих, это можно осуществить с помощью социалистического захвата земли (4) — также на коммунальном уровне. Всё это идет гораздо дальше, чем прежнее радикальное рабочее движение и, в то же время, имеет много общего с домарксистскими формами рабочего движения, хотя и лишено их утопического характера. Речь идет, таким образом, о политической

программе заново формулирующей глобальный контекст как антитезис капиталистической реальности и предлагающей коммунитарно–социалистическую перспективу, которой не было в традиционном рабочем движении. Минимальные гарантированные права в сфере трудовых отношений; захват земли и обеспечение воспроизводства. Когда всё начнется, разумеется, встанет и вопрос об альтернативных способах производства и воспроизводства. Я исхожу из того, что на основе анализа новой ситуации можно сформулировать новую перспективу, которая учитывает тот факт, что реформизма больше нет.

Проблема состоит в том, как можно привести локальные инициативы к локальной контр–перспективе. Вопрос стоит конкретно: как, например, в Гамбурге в таких сферах, как черный труд, нелегальная работа, работа, исключенная из системы социальных гарантий, создать инициативу с задачей добиться минимальной гарантированной платы во всем регионе, или, что еще важнее, инициативу с целью ограничения продолжительности рабочего дня. Проблема состоит в том, например, что идея возвращения земли наталкивается на непонимание даже в движении сквоттеров, хотя именно они реально практикуют захваты. Здесь очень ясно проявляется отсутствие общей идеи, общей утопии. Поэтому мы, левые, должны создавать новую совместную контр–культуру с помощью аналитического критического диалога. Необходима связь между сквоттерами, лево–профсоюзными низовыми инициативами, инициативами в поддержку нелегальных беженцев, или против принудительной работы для бедняков и т.д. И, конечно же, встает вопрос о захвате накопленного общественного богатства, в том числе и в его самой абстрактной форме — денег...

Однако возникает следующая проблема: всё это кажется достижимым только через государство. В Берлине существует социальный союз, который довольно близок к подобным идеям. Но содержательная сторона настолько размыта, что остается, всего–навсего, призыв к старой модели социального государства, которое совсем не случайно оказалось в кризисе.

То, о чем я говорил, находится полностью по ту сторону государственности. Я думаю, продуктивная полемика с идеями социального государства начнется тогда, когда мы сумеем доказать, что социальное государство больше не существует, что оно уже в основном демонтировано и восстанавливать эти руины бесперспективно. Можно, например, показать, что в результате приватизации общественного достояния налоговые возможности региональных правительств сходят на нет. Региональные режимы во Франкфурте, Гамбурге или Берлине разорились и в принципе не способны поддерживать на плаву институты социальной поддержки. Во–вторых, необходимо доказать собственную концепцию, которая должна быть жизнеспособной в региональном контексте. Социальное государство в прежней форме больше не существует ни на местном ни на региональном уровне. Следует предлагать для обсуждения совершенно иные альтернативы, чтобы выбраться из руин, предотвратить социальную катастрофу и наполнить новым содержанием лозунг "Социализм или варварство". Для этого необходима совершенно новая концепция социального присвоения и совершенно новое определение демократии, новая форма базисной демократии. Ведь более трети населения ФРГ — это беженцы, иностранцы, лишенные каких бы то ни было политических прав.

На европейском уровне это может выглядеть иначе. К примеру в Италии, если уровень массовой безработицы будет и дальше расти и превысит показатели эпохи мирового экономического кризиса конца 20–х годов, синьор Проди (5) вдруг встанет и скажет: нам нужен новый критерий для Маастрихтских соглашений — ни в одной стране ЕС безработица не должна превышать 10%. Но нам на этом уровне сказать нечего. Нам следует действовать только глобально — поскольку такие дискуссии теперь возникают — и локально.

АК N 391, 1. 06. 1996.

(1) Тойотизм — это новая форма производственной культуры как системы целей предприятия, программ и методов их достижения. Эта форма ориентирована на постоянное улучшение качества продукции, увеличение производительности труда при помощи следующих средств:

а) организации труда на основе всё большего вовлечения (участия) трудового коллектива в процессе принятия производственных решений, интеграция интересов коллектива и предприятия.

б) групповой организации труда и уменьшения числа уровней управления.

в) интеграции различных фаз производственной цепочки и гибкой перестройки производства на выпуск новых моделей продукции.

г) изменений в размещении оборудования внутри предприятия так, чтобы уменьшить путь продукта в производственном процессе и повысить операциональность оборудования.

д) постоянной экономии основных ресурсов, уменьшения потерь, брака, переделок в процессе производства.

е) постоянных контактов с покупателями через компьютерную сеть дилеров для получения информации об изменениях спроса.

По мнению Рота, на практике тойотизм приводит к усилению эксплуатации трудящихся посредством "нового крепостного права", т. е. фактического прикрепления работника к предприятию, требованием полной лояльности работника к администрации.

(2) Речь идет о плане, предложенном лидерами Объединения немецких профсоюзов правительству и предпринимателям ФРГ: профсоюзы отказываются от требований повышения зарплаты в обмен на сохранение рабочих мест.

(3) ПДС (СЕПГ) — партия демократического социализма, бывшая правящая партия в ГДР.

(4) Имеется в виду захват всей территориальной инфраструктуры (жилого комплекса, узлов связи, системы энергоснабжения и т.д.) и передаче ее в руки территориальных органов народного самоуправления.

(5) Проди — премьер министр Италии

БАЗИСНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

Коммунитарная организация в Южной Италии

Спеццано Альбанезе - небольшой городок с населением в 6 тысяч человек. Он расположен в Ла Сила, в Калабрии. В нем живут албанцы, которые еще говорят на своем языке и исповедуют православие. Албанское меньшинство обитает в Калабрии с Х1У века.

Двое товарищей из швейцарской группы «Черное знамя» были прошлым летом в Южной Италии и взяли интервью у Доменико Лигуоре, одного из ветеранов местного либертарного движения и автора книги об эксперименте в Спеццано Альбанезе... Это интервью дает представление об успехах группы местных анархистов в ее конфронтации с властями, о методах самоорганизации людей и принятия решений местным населением, объединенным в самоуправляющиеся коллективы. Опыт Спеццано позволяет предвосхитить некоторые «элементы» будущего либертарного общества.

Вопрос: Как возникла ваша Муниципальная базисная (т.е. низовая) федерация (МБФ)?

Д.Лигуоре: МБФ стала результатом деятельности местной анархистской группы на протяжении 1972 - 1992 гг. В своих действиях мы всегда ориентировались *на местные проблемы*, хотя не забывали и о национальных и международных проблемах. Скажем, различные мероприятия в Спеццано были посвящены теме смерти Франко и возрождения испанской CNT. В 70е годы, после убийства на Пьяцца Фонтана[1] в стране возникли мощные социальные движения. У нас это выразилось в появлении сильного движения студентов и безработных.

Наша группа быстро поняла, что мы не можем ограничиваться только идеологической работой. Наши принципы побуждали нас непосредственно участвовать в развернувшейся в это время борьбе. В группу тогда входили студенты, безработные, строительные рабочие.

В этой борьбе возникли первые комитеты безработных и рабочие комитеты, первые массовые структуры, стремившиеся обрести общенациональное влияние. Эти органы были созданы не только анархистами и сохраняли полную автономию по отношению к чисто анархистской группе. Здесь проявлялась двойная концепция организации - чисто анархистские группы и массовые организации, внутри которых эти группы работают. Эта работа продолжалась до 1977 г., когда местные анархисты в Спеццано стали центром притяжения для всего региона.

В то время анархо-синдикализм в Спеццано был организован в форме комитетов борьбы, покрывавших широкое географическое пространство и включавших анархистов, товарищей из внепарламентских групп, некоторых членов «Пролетарской демократии» и других марксистских группировок; большинство были рабочими, безработными и т.д.

В 1978 г. был создан Зональный Синдикальный Союз (ЗСС), который более 5 лет участвовал в борьбе рабочих, безработных и т.д.; оппозиция против местных властей начала расти. Из этого-то коммуналистского движения и выросла в 1992 г. МБФ. Поясню: ЗСС объединил на региональном уровне различные массовые структуры, занимавшиеся конкретной работой. Развитие шло от классического синдикализма к всесторонней деятельности, к соединению активности на рабочем месте с другими местными гражданскими инициативами. Мы начали следить за решениями местной администрации, которую открыто критиковали за «блат» коррупцию, вымогательство, дискриминаторскую политику и репрессии против недовольных. Развернулась борьба по проблемам здравоохранения, образования, коррупции местных властей. Наше отношение к местной администрации, пытавшейся прекратить наши митинги, было конфронтационным. К нам росли симпатии. В организации состояли 200 человек, в том числе 30 активистов.

Вопрос: Какие левые группы работали в это время в той же области?

Д.Лигуоре: В 1976 г. исчезла марксистская группа «Лотта континуа». В 1978 г. левые марксисты вроде «Пролетарской демократии» вернулись в парламентские институты. Оставались некоторые ленинисты и «Рабочая автономия», которая никогда особо не ссорилась с нами. Фактически уже в 1977 г. наша группа была единственной реальной оппозицией в округе.

Вопрос: Какая партия контролировала местную администрацию?

Д.Лигуоре: Мэр был членом компартии (ИКП), но он был еще хуже, чем христианские демократы. В наши задачи входило показать, что членство в политической партии не меняет существо дела. Здесь можно обнаружить проявление либертарной идеологии ЗСС, и мы решили пропагандировать эту идею, даже рискуя вызвать конфликт с рядовыми членами ИКП, чьи лидеры обрушились на нас с обвинениями. Было время, когда конфронтация приближалась к физической.

В 1992 г. мэр и группа членов совета были обвинены в совершении преступлений. Люди поняли, что все, о чем мы говорили с конца 70-х годов, не было ложью, и это вызвало еще больший интерес к нашим действиям. До 1983

[1] В 1972 г. итальянские фашисты взорвали бомбу на Пьяцца Фонтана в Милане; много человек было убито. В организации теракта были обвинены анархисты. Полиция арестовала анархистов Вальпреду и Пинелли, последний был выброшен из окна при допросе и погиб. Репрессии вызвали волну возмущения в Италии и во всем мире (прим. ред.)

? ? старо

г. мэр часто требовал от нас, чтобы мы доказали свои обвинения в судебном порядке, зная, что обращение в суд противоречит нашей этике. В 1983 г. несколько членов ЗСС, после долгих дискуссий и в чисто личном порядке, решили представить материал в суд. Через год, в результате следствия, в ИКП произошел раскол. Чтобы удержаться в кресле, мэр в 1984 г. пошел на предоставление мест в муниципальном совете Итальянскому социальному движению (фашистам). В ходе выборов 1985 г. у нас появилась возможность создать альтернативу. На нас было оказано сильное давление, чтобы мы выдвинули список кандидатов, несмотря на то, что мы долгие годы призывали к бойкоту выборов. В отношении общенациональных выборов это встречало понимание, но иллюзия, будто местные выборы могут что-то изменить, держалась крепко. Был выдвинут гражданский список кандидатов; мы отказались принять в нем участие. Косвенным образом список отражал либертарные надежды и частично использовал те методы, которые мы эффективно применяли в предшествующие годы. Со временем, однако, он повернул вспять, изменил свои цели и стал защищать интересы Системы. Когда гражданский список был выдвинут, мы сочли необходимым дать либертарный ответ. Таким ответом стала Муниципальная базисная федерация - альтернатива власти местной администрации. И в то время как другие люди работали в избирательной кампании, мы создали комитет за МБФ в надежде собрать вместе всех тех, с кем мы были знакомы по движению за самоорганизацию и прямое действие, всех тех, кто отказывался делегировать власть местной администрации. Учредительная ассамблея МБФ состоялась во время избирательной кампании. Новую администрацию сформировали гражданский список, социалисты, христианские демократы; ИКП ушла в оппозицию. Мэром стал член гражданского списка.

Вопрос: Какие отношения складывались между МБФ и местной администрацией?

Д.Лигуоре: Мы всегда стремились быть чем-то иным, нежели власть местной администрации. Отношения с местными властями складывались конфликтные. МБФ, опираясь на свой прежний опыт, предложила комплексную структуру - массовую организацию, которая не ограничивалась только проблемами хлеба с маслом, рабочих мест, безработицы и т.д. Она демонстрировала частичку того, каким должно быть будущее либертарное общество. В МБФ были либертарные профсоюзные структуры на рабочих местах, но она также объединила другие социальные группы в гражданский союз.

Вопрос: Что такое гражданский союз?

Д.Лигуоре: За свои права ведут борьбу не только рабочие, но и граждане, живущие на одной и той же территории. Все группы имеют право на представительство в гражданском союзе. Этот союз организует сеть социальных услуг в районе, например в области образования и здравоохранения, противостоит решениям местной администрации и открывает иной путь управления и принятия решений. Эта практика была логическим следствием наших действий в течение многих лет. Необходимо заметить, что наша концепция коммунализма отличается от той, которую выдвигает Букчин[2]. В Италии есть весьма разнообразная историческая традиция коммунализма. Одним из крупнейших агитаторов в рамках этой традиции был Бернери (итальянский анархист, - прим. ред.), и я думаю, что с Букчиным он бы не согласился наверняка.

Вопрос: А что предлагает Букчин?

Д.Лигуоре: Он предлагает анархистам выдвигаться на выборах в местные органы власти, чтобы придать импульс прямой, «базисной» демократии. Мы же считаем, что в избирательных играх утрачивается сущность анархизма. Анархисты отвергают делегирование власти. Они не могут создавать партию. *Идти во власть* и заявлять, что все действуют плохо, а мы будем действовать лучше, чтобы побудить не-анархистов к прямой демократии? Мы отвергаем эту логику и считаем, что все организации должны возникать и действовать снизу. Хочу напомнить, что муниципализм (или коммунализм) - не изобретение Букчина.

Муниципализм - часть исторической традиции анархизма. Букчин взял из нее какую-то часть и встроил в нее свои идеи, которые разделяются отнюдь не всеми, например, мы их не разделяем. Мы отвергаем аргумент, что анархисты должны выдвигать кандидатов на выборах, и давать им ***власть***. Муниципалистская стратегия должна исходить от базисных *низовых* движений, но анархисты должны сохранять возможность отстаивать свою альтернативу, иначе они будут не лучше других. Немногие, следуя логике Букчина, выдвигаются на муниципальных выборах, и они не воспринимаются как часть общего анархистского движения.

Вопрос: Как же вы определяете коммунализм?

Д.Лигуоре: Как соединение вместе всех интересов в округе. Действуя на муниципальном уровне, мы оказываемся вовлеченными не только в сферу труда, но и в жизнь общины. Каждый раз, когда местная администрация в Спеццано принимает какое-либо решение, МБФ выступает с контрпредложением, которое подается отнюдь не в муниципальный совет, но выносится на обсуждение в районе, чтобы побудить людей к активным действиям. И нравится ей это или нет, местная администрация вынуждена считаться с нашими предложениями. Например, мы предложили обсуждать тарифы и планы землепользования на общих собраниях. Мы вели и ведем борьбу против решений администрации, и, в то же время, предлагаем альтернативные решения, которые в ряде случаев осуществляем самостоятельно.

---

[2] Американский теоретик социальной экологии, сторонник возрождения территориального самоуправления на основе общих собраний жителей. Одновременно выступает за участие в местных выборах, рассчитывая, что это стимулирует движение за самоуправление (прим. ред.).

Вопрос: Мы читали в «Уманита нова» (газета Итальянской Анархистской федерации, - прим. ред.), что на одно из общих собраний пришли 4 мэра.

Д.Лигуоре: Мы установили связь с 4 округами, так как хотели, чтобы наш опыт распространился за пределы Спеццано. В действительности МБФ уже довольно хорошо известна, поскольку Спеццано - главный город кантона. Мы сочли, что должны сделать качественный скачок - способствовать созданию аналогичных структур в соседних районах, где уже выражалась симпатия к МБФ. В таких районах, как Терранова, Тарсия и т.д., было проведено исследование состояния системы социальных услуг и действий администрации. Мы посетили 4 района, где действовали временные тарифы, изучили положение. В ходе исследования был составлен документ, в котором мы разбивали меры властей и выдвигали контрпредложения на уровне департамента. Эти предложения касались услуг, здравоохранения, образования и городского планирования; они были адресованы не только Спеццано, но и Терранове, Тарсии и Сан Лоренцо. В завершении этой работы мы созвали общее собрание, на которое пригласили и мэров, чтобы они могли увидеть, как работает собрание и услышать критику с его стороны. Надо сказать, что сегодня ни один местный чиновник не рискнет отвергнуть с порога наши предложения из опасения протестов со стороны общественности. Такое положение вещей стало результатом борьбы, которую мы ведем уже 20 лет. Собрание имело положительный результат, создало условия для распространения либертарной активности на весь регион. После летних каникул мы продолжим работу этого типа.

Вопрос: Есть ли в Италии другой опыт подобного рода или другие люди, работающие над той же перспективой?

Д.Лигуоре: Однажды мы поместили в «Уманита нова» (крупнейшая газета итальянских анархистов - прим. редакции) сообщение, в котором говорилось о проекте создания МБФ, без объяснения, что это такое. Немедленно стали приходить письма с просьбой о дополнительных разъяснениях. Вскоре мы обнаружили, что и другие течения ведут агитацию по проблеме коммунализма. Мы установили контакт с сетью небольших групп с координацией в Болонье. Из такого рода контактов вырос первый конгресс - фестиваль самоорганизации. Товарищи из Милана, Турина и других мест выдвинули идею фестиваля и обратились ко всем, кто активно работает в области муниципализма, коммунализма или просто самоорганизации, вопреки логике господства. Первый фестиваль был проведен в Алессандрии, участие в нем приняли представители различных течений. Он собрал людей самых разных убеждений и был чрезвычайно важен для всех нас. Фестиваль отразил следующую постановку вопроса: радикальный базисный муниципализм либо муниципализм в духе Букчина.

Надо заметить, что усиленно поднимает вопрос федерализма и «Северная лига» (консерваторы, которые стремятся отделить Северную Италию). В Италии существует, с одной стороны, реакционный, расистский и консервативный федерализм, такой как у лиги, и с другой стороны, оппозиционный, либертарный федерализм. Обе эти традиции подкреплены историко-идейными корнями.

Вопрос: В своей книге ты пишешь о том, что анархисты заимствовали у марксистского движения язык и некоторые идеи. Ты считаешь это негативным фактором?

Д.Лигуоре: Я думаю, анархисты исторически имеют комплекс неполноценности по отношению к марксизму (в испанской революции из-за этого комплекса было допущено много ошибок). Примером может служить концепция класса и классовой борьбы. Мы во многом сохраняем марксистскую концепцию пролетариата. Анархистов должен интересовать не только пролетариат, но и все те, кто подвергается угнетению. Если мы начнем говорить *только* о пролетариате, мы примем марксистскую логику. Даже наш синдикализм, значительно более сложный и гибкий, покоряется этой логике. Испанская CNT несет в своей сердцевине жесткую концепцию пролетариата, хотя и добивается коммунализма и самоорганизации. Как будто бы анархисты стремятся использовать ту же самую марксистскую логику, в которой они потеряются. Анархисты должны опираться на всех эксплуатируемых и угнетенных и создавать социальные структуры, которые предвосхитят будущее либертарное общество. За исключением испанской революции, мы в этом не преуспели. Мне кажется, испанскую революцию следует изучать критически, с тем, чтобы отделить ее позитивные аспекты от негативных.

Вопрос: Ограничивается ли МБФ выдвижением контрпредложений по отношению к местным властям или она так же стремится быть некой альтернативой? В чем это выражается?

Д.Лигуоре: Мы создали кооператив художников и декораторов - «Радуга». Мы пытаемся также организовать кооперативы сельскохозяйственных рабочих. Мы хотим быть способными наладить самоорганизованный труд. Большая ценность и, по существу, цель самоорганизации в том, чтобы объединить товарищей не только для политических дискуссий о муниципализме, но и для участия в практической работе, например, в работе кооперативов. Помимо оппозиционных действий по отношению к институтам власти, у нас есть желание создавать альтернативные структуры производства, позволяющие предвосхитить будущее либертарное общество.

Вопрос: Вы не боитесь, что ваши кооперативы станут похожи на кооперативы Северной Италии? Эти кооперативы погрязли в сделках с капиталистической экономикой, что приводит, в частности, к резкой дифференциации заработной платы управленцев и рядовых работников, формированию авторитарных отношений в процессе труда. Эти кооперативы держатся на самоэксплуатации (т.е. работники вынуждены работать больше, чем в частном секторе, за меньшее вознаграждение, с тем, чтобы принадлежащие им предприятия оставались рентабельными) - это своего рода их ответ рынку - и утратили всякий альтернативный потенциал.

Д.Лигуоре: Результаты деятельности кооперативов в северной Италии именно такие, как ты говоришь. Но начало кооперации - либертарная идея самоорганизации. И потом, те же самые опасения существуют, например, в

отношении федерализма - федералистскими называют США, федералистом называет себя Босси (лидер «Северной лиги»). Правящие элиты используют наши слова, такие как федерализм, самоорганизация, кооперация и т.д., но значит ли это, что *мы* должны отказаться от их использования? Что касается конкретно кооперативов, то опасность их перерождения существует, особенно в том случае, если в них нет сильного присутствия либертариев, если нет духа сопротивления и концепции работы, оппозиционной по отношению к капиталистической системе производства. Ошибки возможны. У нас было много трудностей, когда мы создавали кооперативы, но если есть убежденность и практический интерес со стороны анархистского движения, опасность скатиться к авторитаризму становится меньше.

Вопрос: Кооператив - это экономическая структура и он должен считаться с рынком. Вот почему я говорил о самоэксплуатации. Чтобы выжить, он вынужден создавать альтернативный рынок, альтернативный образ жизни, способный ограничивать рост потребления, иначе дело кончается его разрушением.

Д.Лигуоре: Конечно, кооператив рождается в изоляции; если его не рассматривать в рамках глобальных связей, включающих различные реалии (это одна из целей фестивалей самоорганизации), и опасность, о которой ты говорил, весьма реальна. Мы всегда помним об этом. Потому мы и стремимся свести вместе все течения - чтобы искать решение проблемы. Ты говорил о самоэксплуатации. Возможно, что в кооперативе меньше получают и больше работают. Но все может измениться, если в этой работе принимают участие больше товарищей и если существует сеть различных кооперативов и самоуправляющихся групп, связанных между собой. Важно, что ты работаешь это без какого-либо босса. Решения принимаются всеми вместе. Да, есть уступки капиталистической системе, но мы только начинаем создавать модель альтернативного общества.

Анархистское движение в этом вопросе разделилось. Некоторые товарищи выступают исключительно за политическую борьбу, исключительно за конфронтацию с властью и капиталом. Они полагают, что кооперативы следует отвергнуть, потому что они не могут быть ничем хорошим в условиях капитализма. Другие считают, что важно *только* лишь создание кооперативов. С моей точки зрения, и то и другое недостаточно. Все следует соединить вместе; нельзя жить полностью антагонистически. В системе господства надо находиться в конфликте с властью и в то же время можно развивать альтернативные структуры. Эти две позиции - на самом деле части одной и той же борьбы против господства. Однако многие из нас живут на 100% классовой борьбой или на 100% стилем жизни, повернутым против мира капитала, в своих самодельных утопиях. В обоих случаях возникает опасность реинтеграции в систему.

Вопрос: После 12 лет отсутствия в вашем регионе мне бросилось в глаза единообразие, покорившее Юг Италии, и наступление общества потребления. 12 лет назад было еще заметно разнообразие различных местных культур, а бедняки резче отличалась от богатых по своему менталитету. Сегодня кажется, что социальные связи разрушаются. Кроме того, люди проводят все свободное время перед телевизорами. Один из беднейших районов Италии подвергается постоянной бомбардировке воображаемыми виртуальными богатствами. Как вы оцениваете эти процессы, и какую позицию занимаете по отношению к ним?

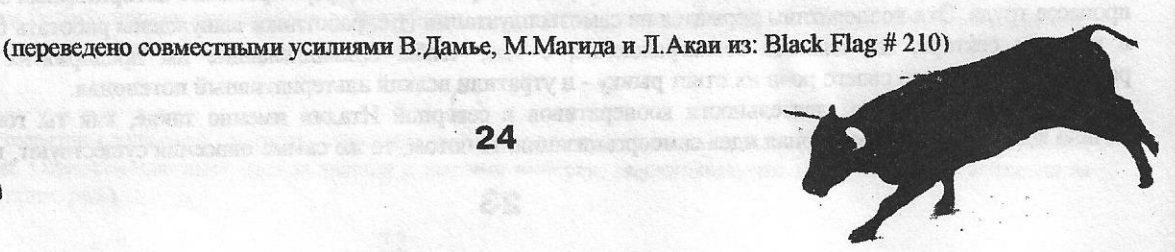
Д.Лигуоре: Ту же самую ситуацию можно наблюдать повсюду. К тому же, возможно, она усугубляется тем обстоятельством, что люди отождествляют себя с телевизионными моделями, с героями телесериалов, и живут этим воображаемым богатством, в то время как в реальности они живут очень бедно. Не подлежит сомнению и то, что Спеццано подвергается тирании итальянизированной культуры. К примеру, здесь со временем многие албанские слова заменяются итальянскими. Анархисты должны быть чувствительны к таким вещам и в такой меняющейся ситуации не выдвигать их на первое место (это было бы проявлением национализма), а стремиться вписать их в более широкий контекст, давать понять, что культурная унификация - это ни что иное, как результат капиталистического потребительства, что социальные связи и местные культуры неизбежно разрушаются благодаря работе централизованной государственной машины. Коммуналистское действие должно заниматься этими вещами и развиваться в духе федерализма и уважения культуры меньшинств. Наша борьба должна быть глобальной, а культура - ее часть.

Вопрос: Что вы думаете по поводу предложений Босси об отделении Северной Италии?

Д. Лигуоре: Могу сказать, что на Юге этого вопроса не существует. На Сицилии во время последних региональных выборов была попытка выдвинуть список сторонников независимости, но она провалилась. Здесь нет сильного движения за независимость, и идея отделения выглядит туманно. Напротив, активно выдвигаются требования об административной децентрализации. Нас часто спрашивают, почему надо платить налоги через Рим, и не могли ли бы мы сами решать, как их использовать? Мы отвечаем, что этот вопрос должна решать община. Это не настроения в пользу независимости, «Северная лига» у нас *скорее* отвергается, даже теми, кто против государства. Вообще на государство здесь смотрят противоречиво. Его ненавидят, но, в то же время, любят за предоставляемые им удобства.

(переведено совместными усилиями В.Дамье, М.Магида и Л.Акаи из: Black Flag # 210)

Лора АКАЙ

20 ЛЕТ В АНАРХИИ

В этом году я праздную годовщину: 20 лет назад я узнала что такое анархизм, и решила, что это слово мне нравится. С того времени у меня были и периоды интенсивной деятельности и периоды политической изоляции, я принимала участие в деятельности различных политических групп, участвовала в самых разнообразных проектах (иногда успешных, а иногда провальных), сотрудничала со множеством радикальных изданий, большинство которых выходили 2—3 года, а некоторые существуют и сейчас, познакомилась со множеством людей, некоторые из которых навсегда стали моими друзьями. Мои личные опыты, связанные с политикой, были иногда смешными, иногда грустными, порой странными, и вот я решила написать для «Наперекора» нечто вроде личной политической биографии. В результате получились эти заметки — не то чтобы биография, но, по крайней мере, отрывки из нее.

ЧУДЕСНЫЕ ГОДЫ

Иногда люди спрашивают, как я стала анархисткой. Но, на самом деле, все дети рождаются анархистами — это уже потом их учат послушанию. Многие молодые бунтуют, но не все понимают почему. Я как—то поняла. В дни моего детства и юности жизнь в США была очень политизирована, повсюду можно было услышать либеральные и даже, радикальные речи. Я ездила в Вудсток и для меня нормально было видеть секс, наркотики и рок—н—ролл. Мне было весело. Но в церкви пугали адом, куда, по мнению священников, должны были попасть все хипари, так что по ночам меня мучили кошмары о моих братьях и сестрах в аду. Это прекратилось, когда я поняла, что священники также как и родители отчасти — садисты, а отчасти — сумасшедшие. А в это время по телевизору показывали вьетнамскую войну, я смотрела телевизор и не могла понять, как же люди могут так поступать. Это было время феминизма и "черной власти" (т.е. движений чернокожих за свои права). Поскольку я играла в баскетбол лучше всех мальчиков, я быстро поняла, что половая сегрегация и связанные с ней стереотипы — дерьмо. Мама одевала меня в белое платье, и я играла в грязи. Тогда многие говорили о феминизме, и я была согласна с ними, хотя бы я и воспринимала феминистские идеи несколько примитивно. Насчет «черной власти» — мои друзья были чернокожими, и они мне нравились. Часто мне намекали (или даже прямо говорили, как, например, мои родители), что с черными дружить не стоит из—за их расы, и меня это возмущало. Очень рано я поняла, что такое расизм, страдала из—за него также как и мои друзья. Ведь если правда в том, что все мы равны (об этом постоянно говорят в Америке) почему же я слышала то, что слышала? Я наблюдала мир вокруг себя и осознавала его лицемерие. Среди детей, которых я знала, были и те, кто постоянно лгал, но как раз им учителя и родители доверяли. Если между нами возникали ссоры, они говорили что—нибудь вроде — "А Лора украла мой карандаш!" — и хотя это было неправдой, им всегда верили, а меня всегда наказывали. Я поняла, что нет правды на Земле, а вот Никсон у нас президент, он достиг своего положения, потому что лгал лучше других. Когда по телевизору показывали Уотергейт, стало ясно, что он лжец, и даже не просто лжец, а из тех, кто может клясться перед всеми, что я, мол, не вор, тогда как весь мир знает о его махинациях. "Ах Никсон" — думала я — "А ведь есть на Земле люди, которые будут бороться против тебя".

Да, действительно, мне нравился феминизм, коммуны свободной любви, "Черные Пантеры", и я ненавидела учителей, священников, родителей, политиков, детей — сикофантов, словом — всех лжецов вокруг меня, делавших мир таким несправедливым, всех тех, кто лгал, наказывал, угрожал, контролировал. Можно сказать, что я постепенно стала анархисткой, но тогда я еще этого не знала. Неизгладимое впечатление произвели на меня экономические реалии. Мы не были богатыми, а некоторые из моих друзей были бедными, настолько, что могли обедать лишь в бесплатных школьных столовых. Нам часто говорили, что в Америке, если человек хорошо работает, то он будет хорошо жить. Но я видела, что это не так. Мои чернокожие друзья бедствовали, и я видела, что это связано с их цветом кожи — на них смотрят, как на людей второго сорта и им (или их родителям) очень трудно найти хорошую работу. Потом я поняла, что дело не только в этом, мои родители были белыми, очень много работали и жили совсем не богато, в то же время я видела богатых сук, которые не делали ничего, только весь день пили чай и носили бриллианты. Что—то было не так. В конце концов, я начала читать о коммунизме, и думала, что я коммунистка. Потом я узнала об анархизме и поняла, что эта философия мне больше подходит, но все—таки чувствовала себя коммунисткой. Я называла себя коммунистом—анархистом, и мне было интересно, есть ли еще такие люди, как я. Начало 70х годов было временем общественного активизма и даже дети могли участвовать в различных социальных движениях. Среди моих учителей были либералы—шестидесятники, которые учили нас самоорганизовыватися. Были скауты и другие молодежные организации. Печатали журналы и инфо—листовки. Конечно меня прежде всего интересовали очень специфические проблемы. Одной из моих первых политических акций было участие в борьбе за право девушек играть вместе с мальчиками в американский футбол. В качестве прямого действия, мы больно побили мальчиков из футбольной команды. Нас наказали, но потом разрешили играть в общей команде. Несколько позже я стала панком. Когда я увидела глупых панков со свастиками, написала и расклеила листовки против расизма, и тогда же я познакомилась с первым в своей жизни анархистом ...

ЖИЗНЬ НА ДОРОГЕ

Иногда родители просто ничего не понимают. Что до моих родителей, то они были озабочены моими "психическими проблемами". Мне совершенно не хотелось жить обыкновенной жизнью, делать карьеру, думать об одежде, смотреть телевизор, скучать до смерти. Поэтому родители решили, что мне нужно быть под постоянным присмотром "компетентных" людей, т.е. лечь в психушку. Такое идиотство встречается у нас довольно часто, и мне не оставалось ничего другого кроме как стать, подобно многим — "ребенком улицы". Как жили мы на улице? Ну все по разному, это ведь в первую очередь зависит от тусовки. Лично у меня было множество друзей из богемы — художников,

музыкантов и т.п., так что всегда было, где вписываться. Но, с другой стороны, вписываться не всегда интересно, поэтому мы часто ночевали под открытым небом, например в парке. Как-то раз меня пригласил один знакомый жить с ним под одной крышей и, соответственно, платить половину аренды. Я согласилась, но только после того как услышала, что в этом доме — арендная забастовка. Что за забастовка? А это когда жильцы недовольны действиями хозяев (например — если хозяева повышают квартплату) и отказываются платить аренду. Там, где я поселилась, такая забастовка длилась несколько месяцев, и все это время я жила в роскошной квартире совершенно бесплатно. После этого мы с друзьями хотели устроить сквотт, но нас тогда, к сожалению, было не много. Все неудачно получилось. И вот пошла жизнь в автобусе. Не знаю, чей это был автобус. У нас имелись на него документы, но никто не знал владельца. Думаю, это был какой-нибудь старый хипарь, который просто оставил его нам ... черт его знает! Мы жили в этом бесхозном автобусе и катались на нем по всему городу. Там было несколько матрасов (мы нашли их в мусоре), наши личные вещи, не менее тонны разной политической литературы, которую мы продавали на улицах, и несколько бейсбольных бит, предназначенных для самозащиты. Мы могли парковаться на определенных улицах в определенное время, например, после полудня нас можно было найти на 6ом авеню, где мы обычно продавали литературу. К 5ти или 6ти надо было парковаться уже в другом месте. Те, кто знал наше расписание, легко могли нас найти, и потому в гостях недостатка не было. После 21го часа мы парковались возле ресторана "Киев". Даже и сейчас, 15 лет спустя, в этом месте продают радикальную литературу, но мало кто знает, что мы были первыми, кто начал это там делать.

Я не только продавала книги, но и зарабатывала на жизнь, делая серьги и разную прочую бижутерию. С 60х годов был маленький богемный уличный рынок недалеко от третьей авеню, но когда в начале 80х началась джентрификация района (т.е. реконструкция в интересах яппи), владельцы лавок договорились с полицией, и последняя начала «зачистку», стала выгонять уличных торговцев. Мы сопротивлялись. Многие тогда получили штрафы на тысячи долларов, а однажды полиция захватила наш автобус и конфисковала товары. Мы обратились в суд. Радикальные адвокаты (да, есть и такие) нам помогли, и, хотя не удалось легализовать всю уличную торговлю, суд постановил, что полиция не может запретить продажу книг на улицах, так как это право включено в первую поправку к конституции. Сейчас в Нью-Йорке многие безработные торгуют книгами, поскольку это единственное, что можно продавать на улицах без специального разрешения. Иногда у нас были столкновения. Например с людьми из группы "Женщины против порнографии" (они почему-то всегда ставили свой лоток рядом с нашим). Возникали проблемы и с обывателями. И не только за пределами нашего богемно-радикального гетто. Им, обывателям, не нравился старый желтый автобус с надписью "FUCK REAGAN" (Еб Рейгана). Как я уже сказала, по ночам мы парковались возле ресторана "Киев". Это был странный район. Кроме панков, там еще жили старые украинские реакционеры, в прошлом несомненно связанные с какими-то националистическими организациями. Нас они не любили, потому что когда в районе массами начали селиться панки, жизнь там сделалась совершенно невозможной. Как-то раз у нас был доклад о Махно, туда пришли старики-украинцы, и они хвастались тем, что в свое время убили множество анархистов. А однажды в 4 часа утра мы спали в автобусе, как вдруг были разбужены страшным грохотом. Это был украинский "авангард" (впрочем, сами они вряд ли знали слово "авангард"). Они молотили по автобусу бейсбольными битами. Захватив наши собственные биты, мы выскочили наружу (даже в Америке эти украинцы остались сексистами: несмотря ни на что, никто из них не хотел драться со мной). Стали разговаривать. "Почему у вас написано "Еб Рейгана"? Вы что, коммунисты? Поезжайте жить в Россию!" (Типичный совет радикалам вплоть до начала 90х). Оказалось, что им даже не то чтобы нравится политика Рейгана, просто они ненавидят СССР. А Рейгана они любят за то, что он тоже СССР ненавидит. Мы им объяснили, что не разделяем их любви к Рейгану, но вот к советскому государственному строю и КПСС относимся также как они. Нас спросили: "А почему тогда вы не написали "Еб Андропова"?" Я взяла баллончик с краской и с удовольствием написала на автобусе "Еб Андропова". Это украинцев удовлетворило, и они ушли. Некоторое время спустя Андропов умер, но надпись на автобусе осталась, никто не собирался ее стирать, и нас часто обвиняли в некрофилии. Вообще, когда Рейган был президентом, мы его очень не любили. Мы даже собирались вместе, смотреть по телевизору его выступления, и обычно все кончалось тем, что в телевизор летели разные предметы. По-видимому, такие действия укрепляли нашу политическую солидарность. Тогда же несколько наших уехали в Никарагуа, чтобы жить там и работать. Я решила ездить по стране.

Мы путешествовали, жили в анархо-коммунах, мы даже организовали музыкальный тур «Рок против расизма». Теперь у нас был "звуковой грузовик", без крыши и с мощными звуковыми колонками. Без проблем можно было устраивать мобильные концерты. Один из таких концертов (вероятно, самый крутой) состоялся в Вашингтоне. Дело в том, что как раз в это время начался моральный консервативный джихад. Тогдашний секретарь Внутренних Дел Джеймс Ватт решил, что музыкальная группа "Бич Бойс" — по-русски — "Пляжные мальчики" (вершина американской попсни) слишком декадентна, чтобы выступать на ежегодном концерте 4 июля. В результате на концерт собрали самых нудных певцов, каких только можно было себе представить. Но в это же самое время мы провели свой панковский концерт рядом с официальным. До сих пор я не понимаю, почему полиция, зная о наших музыкальных возможностях, разрешила нам это сделать. Может быть, им тоже не нравился официальный концерт? Кто знает. Во всяком случае, все получилось классно, мы расположились на противоположном от официального концерта крае гигантской площади и врубили технику на полную мощность. Значительная часть тусовки быстро перетекла к нам, люди услышали нечто необычное. У нас выступали такие замечательные группы, как "Dead Kennedys", "Millions of Dead Cops", и многие другие. Нужно сказать, что на моей памяти осталось великое множество конфликтов, связанных с противостоянием полиции и этот случай был скорее исключением из правил. Впрочем он не был единственным. Похожая ситуация возникла, когда мы (т.е. группа нью-йоркских анархистов) проводили компанию по выдворению из города бывшего президента Никсона.

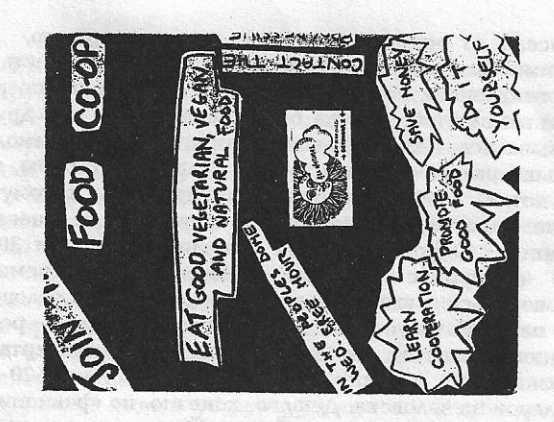
Ричард Никсон был, вероятно, одной из наиболее ненавидимых фигур в Америке. Так что, даже когда он ушел на пенсию, мы не хотели оставлять его в покое, особенно из-за событий в Камбодже. В течение

нескольких лет часть нашего *хеловинского* ритуала заключалась в том, что мы приезжали в полночь к дому Никсона в штате Нью-Джерси, чтобы кидать туда яйца. В первый раз, когда мы проделали эту операцию (мы при этом дико кричали), у Никсона чуть не случился инфаркт. Через год мы все повторили, и опять неожиданно для него (он нас явно не ждал). Но потом он, видимо, понял, что речь идет о ритуале и в покое мы его все равно не оставим. Тогда Никсон решил, что ему больше не нравится Нью-Джерси, и что нужно перебираться в Нью-Йорк. Для нас, ньюйоркцев это было уже слишком. Буржуи всегда жаловались на нелегальных эмигрантов из Гаити или Доминиканской республики, дескать они засоряют Нью-Йорк, но у нас было другое мнение на этот счет. Мы то понимали, что господин Никсон одним своим присутствием испортит наш прекрасный город. И мы решили действовать. В результате была проведена небольшая, но весьма эффектная компания протеста. Рассчитывали мы вот на что. Если кто-либо хочет приобрести квартиру в кооперативном доме (а именно в таком доме и собирался поселиться наш друг), ему необходимо получить на это согласие всех жильцов дома на общем собрании. Обычно это пустая формальность: богатые любят богатых. Но бывают и исключения из правил, например, если речь идет о какой-нибудь рок звезде, известной своим скандальным поведением, общее собрание может ему (ей) и отказать. Нам удалось выяснить время, на которое назначено голосование, и мы заявили властям о своем намерении провести митинг протеста перед будущим жильем Никсона. Странно, но мы получили разрешение на проведение митинга не только в назначенный день и час, но и в любое время в течение месяца — что-то весьма необычное. Кажется, даже полиция не любила героя Уотергейта. В назначенный день мы пришли на пикет. Менты вели себя исключительно вежливо, рассказывали анекдоты про Никсона, а недовольным жильцам объясняли, что все законно. Возле нас останавливались машины и водители громко ругали Никсона. Единственными людьми, не поддержавшими нашу акцию (вот он, яркий пример классовой реальности) оказались жители этого богатого района. Они злились, пытались вступить с нами в конфронтацию (один жлоб с бейсбольной битой пытался нас атаковать), и требовали, чтобы менты нас арестовали. "Не можем" — был ответ. В конце концов, пришли директора кооператива, и мы заявили им, что нам весело, что мы будем приходить сюда каждый день, и что ничего тут не поделаешь. В итоге господину Никсону пришлось остаться в Нью-Джерси, общее собрание ему отказало. Наверное, жителям дома не хотелось непрерывных скандалов.

СКВОТТЕРСТВО

Во второй половине 70х годов создались условия, благоприятные для сквоттерства. В это время американское правительство проводило политику, в результате которой в крупных городах оказалось множество пустующих зданий. Способствуя удорожанию жилья, правительство стремилось очистить города от бедняков, препятствуя, таким образом, возникновению «зон нищеты», могущих стать центрами сопротивления. Но все же сквоттерское движение возникло не сразу, потому что очень тяжело было создавать сквотты, особенно, если они были политизированными. Попытки реализовать подобные проекты обычно наталкивались на сильное сопротивление властей и вызывали репрессии. (В этой связи можно вспомнить нападения полиции на сквотт движения "MOVE" в 1979 и 1983 годах, в результате чего погибли люди). Успех или неудача зависели от многих факторов, таких, например, как решимость самих сквоттеров, их готовность к сопротивлению, поддержка сквотта со стороны, позиция местных властей. Иногда более успешными, чем другие, оказывались захваты зданий в пригородах: видимо, это меньше раздражало власть. Но, с другой стороны, мало кто хотел селиться на окраинах городов, и к тому же, такие сквотты труднее было защищать от "наездов" полиции . Одно из течений сквоттеров — люди 30-40 лет, обычно с высшим образованием, стремилось договориться с властями на "взаимовыгодных условиях": вы нас легализуете, а мы обязуемся сделать ремонт здания, "довести" его до определенного стандарта. Но нужно иметь в виду, что это могло стоить 20-40т. долларов на человека. Дешево, конечно, по сравнению со стоимостью квартиры в Нью-Йорке, но у многих сквоттеров таких денег не было, если же они вкладывали в ремонт меньше, чем требовалось, у них возникали проблемы с властями. Вообще говоря, полиция стремилась, прежде всего, вычистить политизированные сквотты. Лично у меня было несколько опытов с оккупацией зданий. В одном из них человек, владевший лавкой неподалеку (опять-таки украинский реакционер) атаковал моего друга с железной палкой. Потом, в другом сквотте, нас всех арестовала полиция, потому что кто-то убил мента неподалеку. В еще другом сквотте, где я некоторое время жила, лестницы до такой степени прогнили, что проваливались под ногами. Сквотты могли быть в очень плохом состоянии, здания в центре городов обычно требовали капитального ремонта — иногда не было даже крыши, были проблемы с водой и электричеством. Сквоттеры старались их отремонтировать подешевле. На стройках можно было воровать стройматериалы, мебель брали на помойке (не нужно думать, что это была плохая мебель — богатые часто выбрасывают на помойку хорошие вещи). Один из самых интересных сквоттов, где я жила, был организован в бывшей пивоварне. Жили мы там в гигантских чанах из-под пива. Этот сквотт процветал, главным образом, за счет туризма, потому что было очень много глупых яппи, желавших посмотреть на столь необычный для американцев образ жизни, а мы брали с них втридорога за просмотр. Жить там было интересно, большую часть жильцов составляли музыканты — любители панк-рока и почти все время шли репетиции. Душ, правда, был всего один, на три этажа, поэтому некоторые жили грязно, а некоторые... ну словом, без всяких глупых комплексов. С другой стороны в США вообще проблемы с водой, воду надо экономить, так что с экологической точки зрения мы жили правильно.

Один из наиболее тяжелых вопросов для анархистов, участвующих в коммунарских и сквоттерских проектах, это вопрос о взаимоотношениях с соседями. Существуют букчинистские фантазии о том, как жители соседних домов собираются на коммунальный совет, где и решают разные вопросы, связанные со своим бытом. На практике, однако, часто случается так, что для подобных объединений жильцов присутствие радикалов в районе является проблемой, и жильцы, пытаясь эту проблему решить, обращаются в полицию. Конечно, анархисты бывают разные, есть более домашние, есть и совсем дикие. Обычно, это — кучка странных, свободолюбивых бандитов, способная быстро превратить любой дом в довольно-таки веселое место. Естественно, менты достаточно часто наведываются в такие места, и естественно, что подобные вещи действуют на нервы соседям, будь то буржуазный или рабочий район. Наибольшую терпимость к анархистам проявляют обитатели богемных гетто, поэтому многие анархисты

стремятся жить именно в богемных районах. Мне лично кажется, что у коммунарских проектов (необязательно сквоттерских) наилучшие перспективы или в богемных районах или там, где живут люди, отчужденные от системы, — бедные рабочие или иммигранты. Если дела идут удачно, то коммунарам удается организовать продовольственные кооперативы, где люди работают добровольно и продают продукты без расчета на прибыль, а также различные альтернативные проекты: библиотеки, театры, кафе, бесплатные кухни для бедных и бездомных. О последнем следует поговорить особо, в США многие анархисты участвуют в подобных проектах. Я сама участвовала в двух — в Сан-Франциско и в Нью-Йорке. Как все делалось? Однажды мы присмотрели пустующее помещение и захватили его. Там был небольшой дворик, где посадили какие-то растения и назвали это место "Ла Плаца Культура" (потом, правда, менты его разрушили). Мы организовали там же и альтернативную кухню, местные жители дали нам посуду: тарелки, вилки, ножи. Каждый день дежурные по кухне отправлялись в поход за продуктами по магазинам, где мы брали в основном старые фрукты и овощи. Конечно, мы их не покупали. В США и Канаде нельзя продавать такие чумазые помидоры (и прочие продукты) как в России, в магазинах нам их отдавали задаром, так что можно было жить на отбросах буржуазного общества. Были места, где торговцы нам симпатизировали и одаривали свежими продуктами, кое-что приносили и местные жители (в том числе даже служители церкви) и иногда мы закатывали настоящие пиры. При этом, мы постоянно старались произвести друг на друга впечатление различными кулинарными открытиями и умением приготовить кое-что из ничего, были и дни экспериментальной кухни (это происходило каждый раз, когда у нас оказывались странные сочетания ингредиентов, например, только бобы и ореховое масло). Мы гордились нашей кухней, и скоро там можно было питаться как в ресторане. Постепенно эта кухня стала настоящим тусовочным центром, мы стремились политизировать бедняков, объясняли им принципы самоорганизации и взаимопомощи, мы хотели чтобы они гордились собой, а не убивали себя наркотиками и алкоголем. Однако, в конце концов, как я уже сказала, полиция закрыла "Ла Плаца". Но люди продолжили начатое дело, в сквотте на 13ой улице. Там были устроены жилые помещения, комната для музыкальных выступлений и репетиций, и кухня, которая разместилась на первом этаже. Как и прежде, было много продуктов, и в столовой могли кушать все, кто хотел. Люди приходили и уходили, те, кто мог, оставляли продукты или деньги (для денег была специальная чашка, стоявшая у всех на виду). Могут спросить — как же так, деньги валялись у всех на виду, а ведь к вам мог прийти кто угодно?! Ни для кого не секрет, что капиталистическое общество (равно как и "реальный социализм") воспитывает людей в духе эгоизма и взаимного недоверия. Но мой личный опыт говорит о том, что чем больше доверяют людям участники альтернативных проектов, тем лучше люди себя ведут (хотя, конечно, случаются и инциденты).

Как реагировали на происходящее наши соседи? Но дело в том, что все описанные выше события происходили в богемных районах. Кроме того, там жили бедные иммигранты и яппи. Эти последние всегда были большой проблемой для участников альтернативного движения. Дело обстоит следующим образом: стоит только андеграундным элементам обосноваться в каком-нибудь месте, как туда слетаются, как мухи на мед, буржуазные художники, привлеченные необычной атмосферой и культурными экспериментами, а следом за ними проклятые яппи, ведь они так хотят *быть модными*! В свою очередь, домовладельцы, понимая, что теперь район стал богаче, повышают квартплату и стремятся очистить его от радикалов. Впрочем, некоторые домовладельцы были либералами и не возражали против нашей деятельности, кое-кому даже нравилась бурная жизнь. Другие жаловались на бездомных, им было неприятно видеть этих жертв "капиталистического гуманизма", куда как приятнее смотреть дома "Династию". Там, где мы делали проект "Ла Плаца", был местный совет, куда входили и радикалы, но большинство составляли обыватели, ими манипулировал местный торговец недвижимостью, который стремился превратить район в миленькое уютное буржуазное гнездышко, предварительно выжив оттуда всех тех, кто не вписывался в его представления об американском образе жизни. Порой ситуация вокруг сквоттов была близка к гражданской войне. Любопытно, что среди тех, кто оказывал поддержку сквоттерам, были некоторые церковники, оценивавшие наши действия, как богоугодные (кстати, одним из наиболее активных инициаторов сквоттирования в Нью-Йорке был бывший священник — поп расстрига), и конечно, не всегда наши отношения с соседями были плохими. В особенности это относится к Филадельфии — "городу братской любви", где анархистское присутствие в отдельных местах было весьма ощутимым и продолжительным. Главное, познакомиться с соседями, установить с ними прочные дружеские связи. В одном районе Нью-Йорка где жила я, нас даже любили, потому что мы обеспечивали жителей услугами, которыми муниципалитет их обеспечить не мог. Однажды мы устроили субботник и отчистили местный парк, где впоследствии устраивали музыкальные концерты (никто не станет жаловаться на панковскую музыку, если предварительно вы очистите парк). Поддержка соседей возникла спонтанно, когда мы расчищали местную свалку (мы хотели там устроить детскую площадку). Люди приходили и спрашивали, чем они могут помочь, собирали деньги, покупали стройматериалы. А когда дело было сделано, мы по настоящему подружились с ними. Нам помогали с продуктами питания, владельцы лавок открыли для нас кредит, предоставляли скидки, а когда у нас возникали проблемы с ментами, все жители сбегались и прогоняли ментов. Может, они и не стали анархистами, но жизнь в районе явно изменилась к лучшему.

АКЦИИ

Если вы хотите провести акцию, то здесь, само собой разумеется, существует великое множество возможностей. Это может быть терракт, массовая демонстрация протеста, оранжевая акция, акт саботажа. Обычно в движении долго обсуждают, стоит ли делать какие-то акции и иногда, к сожалению, это кончается

тем, что акция сводится к чисто символической конфронтации и не даст никаких результатов (я, разумеется, не против конфронтации, весь вопрос в том, как и для чего все делается). Одно дело, если акция способна привлечь внимание общественности к той или иной проблеме, если она вдохновляет самих участников на продолжение борьбы, другое дело, когда с самого начала всем ясно, что ничего такого не будет, и цель ставится только одна: продемонстрировать свою крутость и благополучно свинтиться. Хуже всего, когда люди приходят на акцию только потому, что считают себя обязанными это сделать — зрелище получается исключительно нудное. Всегда анархисты проводят какие-то акции: против разных фирм, политиков, религиозных фанатиков, ультраправых и новоправых выродков. Самое главное, чтобы среди участников акции были хорошие отношения: неформальное братство важнее формальной структуры, а всех тех, кто мнит себя лидерами надо вовремя и не стесняясь посылать на хуй. Лидеры всегда выебываются. Надо от них избавляться, и тем хуже для тех, кто в них (лидерах) нуждается.

Одной из самых первых моих акций была студенческая забастовка (не знаю, как еще ее назвать, вообще-то там были школьники, но в русском языке нет подходящих для этого случая слов. — школьная забастовка?). Все получилось совершенно спонтанно. Несколько человек из разных школ решили протестовать против сокращений бюджетных ассигнований и написали листовки, которые на следующий день распространили в нескольких школах. Еще через день все до одного учащиеся этих школ высыпали на улицу, там были тысячи людей, и в разных районах Нью-Йорка возникли пробки на дорогах. Когда все протестующие собрались на Уолл-Стрит, они представляли собой грозную силу, прежде всего потому, что были настроены весьма радикально. Мы разбивали полицейские машины, в ходе акции был заблокирован Бруклинский мост (много лет спустя то же самое сделали активисты негритянских организаций). Но можно спорить о том, насколько хороша такая тактика. Менты, например, легко могли окружить мост с обеих сторон, и тогда демонстрантам пришлось бы не сладко. Да, конечно, массовые акции в подобных местах отрицательно влияют на бизнес и, следовательно, весьма чувствительны для него, но, с другой стороны, перегораживать улицы — значит, мешать обычным людям (а не только богачам), проехать к себе на службу или домой. Здесь важно, что в таких акциях множество людей приобретает реальный, живой опыт противостояния полиции и государству. Лично я против проведения радикальных акций, если нет никаких шансов против полиции и все участники заведомо будут арестованы. Можно, конечно, избежать ареста, да еще и повеселиться вдоволь, но для этого требуется серьезная подготовка и развитое воображение. Много раз на моей памяти удавалось уйти от ментов, потому что мы знали, по каким улицам лучше бежать, знали дворы, подъезды. Или знали, в какой момент надо разбегаться, чтобы, по крайней мере, свинтили не всех. Можно обмануть ментов, например — «потерять сознание». Хорошим примером того, как ментов оставили в дураках можно считать оккупацию Тамкинс Сквер Парк в Нью-Йорке, в которой мне довелось участвовать. Мы поставили там избы и шалаши и стали в них жить. Все это удовольствие продолжалось несколько дней. Из полицейских заграждений сложили костры, вокруг которых устроили какие-то дикие танцы и ментов это достало. Вызвали ОМОН и мы стали кричать: «Бунт! Бунт! БУНТ!!!» Из окрестных домов выбежало множество людей, и они сразу же присоединились к нам (показатель того, что именно такие бунтарские акции наиболее эффективны, в то время как большинство наших акций, не встречающих такой поддержки — недостаточно радикальны). Менты попытались отыскать зачинщиков, но толпа была густой и сделать это оказалось непросто. В это время мы сумели дозвонится до наших друзей а также до СМИ и вызвать и тех и других на место происшествия. Короче говоря, менты ретировались и еще несколько дней мы жили в парке совершенно спокойно.

Иногда бывает так, что люди просто взрываются, — в таких случаях обычно говорят о бунте. Бунты бывают разные, сама я участвовала в одном или двух, о которых я вообще предпочитаю не вспоминать. Впрочем, бунтами иногда называют и сравнительно небольшие локальные столкновения. Например, однажды я была в панковском клубе, когда его атаковали скины, столкновения там потом продолжались две недели. Помню также события в Окленде (в Калифорнии), это была настоящая народная экспроприация. Началось с того, что во всем городе отключили свет. Жители вышли на улицы и стали друг друга спрашивать, что же делать. Кто-то предложил идти в магазины и брать там свечи, и вдруг обнаружилось, что сигнализация не работает, а менты заняты разными делами и мало что могут сделать. Начали грабить магазины, причем в этом участвовали все, за исключением, разве что, верующих христиан (которые даже секс не любят) и сталинистов (которые предпочитают исключительно садомазохистские половые отношения). Вообще-то эксы сталинисты любят тоже, но чисто теоретически, так как боятся последствий. Но когда начинается настоящий народный экс, его уже не остановить.

Не стоит объяснять, насколько важна для участников анархистских акций массовая поддержка. Американские анархисты активно участвовали в антиядерных кампаниях, в рамках которых они сотрудничали с гражданскими инициативами, с различными левыми группами. Так, в результате массовых протестов населения удалось предотвратить пуск АЭС в районе Нью-Йорка. Участвовали они и в других компаниях, например, оказывали поддержку американским индейцам, борющимся против государства (один мой друг, поставлявший индейцам оружие, получил за это 25 лет тюрьмы), в студенческих беспорядках, в акциях прямого действия против военкоматов и т.д. Но важно не только делать акции, но и делать гражданские проекты типа «Food Not Bombs» (кухни для бездомных) или переработки мусора. Анархисты должны показать всем, что они могут не только бунтовать, но и хорошо работать вместе и делать что-то полезное.

БУДУЩЕЕ АНАРХИЗМА

Черт его знает, что со мной случится в будущем. Я, конечно, не собираюсь становиться нормальным обывателем, но что меня ждет? Будет ли революция? Будет ли у меня когда-нибудь возможность жить без ограничительных рамок Системы? Мне кажется, что международный капитал уже установил в мире такой порядок, что у людей сейчас есть только две возможности: объявить Системе тотальную войну, или задохнуться под ее тяжестью. Хрен его знает, как оно все обернется, но остается надеяться на то, что большинство людей все-таки хочет жить достойно и будет сопротивляться (хотя, в России, увы, народ слишком терпеливый). Порой, кажется, что движения уже нет, но каждый раз появляется что-нибудь новое и, все-таки, надежда живет и не умирает.

Вадим Дамье

АНТИДОГМАТИЗМ КАК МАЗОХИЗМ?

«И тогда мы выхватили по увесистому револьверу (откуда-то во сне взялись револьверы) и с наслаждением пристрелили богов»
Хорхе - Луис Борхес

Я давно уже бросил дурацкое занятие - отвечать на любую "идеологическую" статью, появившуюся в нашей либертарной и окололибертарной прессе. Все равно мы в значительной мере пишем для самих себя. И сами же это читаем. Таково время, таков тираж. Вполне вероятно, я смолчал бы и на сей раз, если бы не два обстоятельства. Во-первых, как член редсовета журнала "Наперекор", и ощущаю на себе некую ответственность за то, что появляется на его страницах. Во-вторых, речь идет о весьма пространной статье, которая достаточно точно отражает взгляды, распространенные среди остатков нашей, говоря словами немецких автономов, "*сцены*".

Я имею в виду первое из "Анархических писем" Петра Рябова, опубликованное в №5 журнала "Наперекор". Гордо объявив себя "*еретиком от анархизма*" и последовательным "антидогматиком", автор призвал, по существу, отбросить за ненадобностью, как наивные и устаревшие, большинство положений "классического" анархизма и сохранить только одно - идею внутренней свободы и самоутверждения человеческой личности. И все это - под предлогом приближения теории к жизни, нахождения ответов на вопросы, поставленные временем.

Намерение обновить и актуализировать анархизм - само по себе вполне почтенное. Проблема лишь в том, *как* это делать. И не получится ли в результате, что "обновляемое" явление лишится при этом таких коренных своих черт, без которых оно просто превратится в свою противоположность?

Как же пытается "оживить" анархизм Петр Рябов?

Прогресс и позитивизм

Первую из своих стрел автор прицельно направляет в "*безудержную апологию Человека, Прогресса, Науки*", в позитивизм как научно-философскую доктрину. Здесь возражать ему, в общем-то, нечего. Сегодня даже многие марксисты перестали слепо верить в линейный прогресс. После того, как техника дала в руки государств, господствующих классов и просто стремящихся к власти могучие, доселе невиданные возможности массового убийства и разрушения, после того, как люди в XX веке увидели всю чудовищность науки, поставленной на службу уничтожению и тотальному контролю, как гигантомания индустриальной системы превратила человека в одинокого, одномерного Робинзона асфальтовых джунглей, в винтик экономической Мегамашины - после Хиросимы и Чернобыля спорить не о чем. Развитие капитализма и совершенствование методов господства не только не приблизили человечество к свободе, но крайне затруднили любые усилия по ее достижению. Верить, что "все само по себе будет хорошо", могут только неисправимые до слюнявого, розового идиотизма оптимисты. Одной лишь угрозы экологической катастрофы достаточно, чтобы ощутить, какая пропасть разверзлась под нашими ногами.

Не стану защищать и позитивизм с его торжеством "данности", "позитивных фактов", "разумности" как простого следствия "действительности", К тому, что сказали об этом философы Франкфуртской школы - Адорно, Хоркхаймер, Маркузе - мне добавить, в сущности, нечего.

Бесспорно и то, что революционеры Х1Х - начала XX веков в той или иной степени разделяли механистическую теорию прогресса. Но упреки П.Рябова в адрес анархистов здесь не слишком справедливы. В отличие от марксистов, Кропоткин, например, никогда не утверждал, что капитализм был шагом вперед по сравнению со Средневековьем, с общинами и вольными городами. Он прекрасно видел опасности сверхцентрализации и если отзывался о науке восторженно, то совсем не потому что полагал, будто она автоматически решит все социальные проблемы. Кропоткин считал, что знания и техника облегчат жизнь в свободном обществе, но технократом он никогда не был. Другие анархисты пошли еще дальше. Аргентинские рабочие-анархисты из ФОРА подвергли резкой критике надежды некоторых синдикалистов на капиталистическую рационализацию и призывали остановить "индустриальный империализм" пока не поздно. Только позднее, в "постклассический" период (30-е - 60-е годы XX в.) анархисты отдавали, пожалуй, наибольшую дань индустриализму. Сегодня это, к счастью, позади. Мне лично почти не довелось видеть за рубежом анархистов, которые бы защищали голый, антиэкологичный прогрессисизм.

Зачем же тогда охотиться на издыхающего зверя? По-видимому, стрела, выпущенная П.Рябовым, пронзив бьющуюся в конвульсиях трехголовую гидру историко-технологического оптимизма, прогрессизма и позитивизма, предназначена была лететь дальше. Два пишем, три в уме. Автор лишь для того попинал ногами традиционного противника либертариев, чтобы утоптать и расчистить площадку для удара по основополагающим принципам самого анархизма. Да и гуманизма вообще.

О природе человека

Главное мировоззренческое обвинение, которое бросает "классическому" анархизму автор "Письма", - в детски наивной переоценке потенциала самой личности человека. "*Теперь, после тоталитарных экспериментов над людьми,* - восклицает он, - *нельзя верить не только в абсолютно злую природу человека, но и в абсолютно добрую*". Полагая, что люди не плохи по натуре своей, а основное зло идет от дурно устроенного общества, государства, неравенства, господство, что достаточно избавиться от этого "внешнего" зла, как человек распрямится и разовьется, - анархисты были чудовищно неправы. Более того, "*обожествляя массовую стихию*", они фактически несут на себе долю вины за "*внутреннее рабство*" и "*деспотизм масс*" - основу жесточайших диктатур XX века.

Именно здесь, в коренной постановке вопроса мы обнаруживаем решительный разрыв с самой гуманистической традицией, которая, как известно, настаивает на том, что в людской природе нет "внутреннего" зла. П.Рябов как бы возвращается к старому, религиозному представлению о человеке как двойственном существе. Христианские теоретики видели "добро" в нем от бога, а "зло" - от первородного греха. Свобода - как для "отцов церкви", так и для автора "Анархических писем" - состоит в выборе между добрым и злым началом. Как видим, симпатии П.Рябова к религии

вовсе не случайны. Их роднит "интуитивная", дуалистическая вера.

В действительности, если не искать трансцендентных бога и дьявола, придется признать, что люди во всяком случае не рождаются "злыми". Ведь ничего такого в живой природе нет. Человеческие инстинкты скорее нейтральны с этической точки зрения. А такие из них, как инстинкты взаимопомощи, солидарности и продолжения рода, содержат элементы, которые, развиваясь в сообществе людей, послужили основой для солидарности, альтруизма и этики. Несомненно, человеку, как и любому другому живому существу, свойственно стремление к удовлетворению своих потребностей, к тому, что Г.Маркузе (вслед за З.Фрейдом) назвал "эросом". Но это вовсе не обязательно должно происходить за счет других. Систематическое подавление "эроса" приводит к торжеству "танатоса" - влечения к смерти, разрушительности. Но кто же подавляет возможности людей? Кто подчиняет их надличностным законам окружающей реальности? Кто надевает цепи на их исконную свободу? Это, во-первых, структуры репрессивной цивилизации, основанной на господстве и угнетении. И, во-вторых, те нормы, привычки, правила и черты, которые навязываются человеку Системой или с помощью которых он адаптируется к ней. В результате потребности удовлетворяются по принципу "танатоса", то есть за счет других и, в конечном счете, за счет своей свободы. Если гуманисты прошлого и ошибались, то только потому, что им и в голову не могло придти, как сильно индустриально-капиталистическая система искорежит человеческую природу, как глубоко она колонизует разум и чувства людей, въевшись в их "сверх-я". Одинокий, мятущийся и изолированный субъект, лишенный традиционной опоры в лице общины или хотя бы соседства, целиком отданный на милость безликих законов власти и рынка, жалкий проситель у страшных врат кафкианского Замка - вот во что превратило в XX веке своих граждан-атомов "массовое общество". А власть и деспотизм - это всегда узурпация, спекуляция на неспособности людей на равных, солидарно взаимодействовать друг с другом. И если уже в прошлом веке процесс этот зашел гораздо дальше, чем казалось тогдашним анархистам, то в нашем столетии человек может освободиться от липкой паутины господства только ценою титанических усилий.

Такие усилия необходимы - в этом я с П.Рябовым не расхожусь. Вопрос лишь в том, в чем они должны состоять и почему, собственно, нравственно-этическое саморазвитие личности должно противоречить ее социальной практике?

Автор "Анархических писем" отвергает "догмы" об общественной деятельности либертариев только для того, чтобы поставить на их место другие - индивидуалистические. Либерально-буржуазное представление о человеке как об эгоисте, который по натуре своей, если бы ему не мешали, жил по принципу "что хочу, то и ворочу", не считаясь с другими, П.Рябов переносит на человека "вообще", на людскую природу. Только в отличие от государственников с их стремлением сдержать безумную антисоциальность индивида с помощью Левиафана власти, анархо-индивидуализм (и П.Рябов вслед за ним) предлагает просто предоставить желающим возможность в полной мере реализовать свою эгоистическую сущность. Моя свобода кончается там, куда долетает пуля моего соседа. Берегись, а я поберегусь, как говорили некогда на Корсике, отправляясь на вендетту.

Справедливости ради признаем, что "порочность" людской натуры автору "Анархических писем" все же не нравится, хотя он и считает нынешний, исковерканный индустриальным капитализмом человеческий характер "судьбой" большинства индивидов. Выход ему видится чисто элитаристский. Если бог, по Августину, награждает добром и благодатью по собственному произволу, то П.Рябов готов оделить этим даром тех, кто изначально может и хочет заниматься нравственным самосовершенствованием и выделяется из "злой" толпы.

Автор "Писем" смертельно боится "*бешенства массовой стихии*", которая рождает только "*гранит диктатур*". Следовательно, он полагает, что большинство людей не захотят и не смогут стать "хорошими", не способны преодолеть рабство и "танатос". Его "узкий путь к спасению" - чисто личное сопротивление духу толпы, "внутренняя свобода".

"Свобода" П.Рябова - это свобода интеллектуальной элиты отвернуться от "охлоса", толпы как носителя "злого" начала. Пусть себе живет, как хочет, как раб, как холоп, сохраняя для себя государство, неравенство, штурмовые отряды... Лишь бы "масса" не мешала нам, выбравшим "добро", прекрасным в своей высоконравственности интеллектуалам, подлинной "соли земли". Вот только неясно, как автор собирается существовать в мире несправедливости, обладая исключительно "внутренней" свободой?

Много ли пользы от "внутренней" свободы при отсутствии "внешней" - об этом можно было бы порасспросить жертв газовых камер Освенцима. К сожалению, они уже не смогут ответить...

Попутно замечу, что представление П.Рябова о свободе - тоже чисто либеральное, буржуазное, эгоистическое. Как потребитель на рынке свободен лишь сделать выбор среди предложенных ему товаров, но никак не влияет на управление экономикой в целом, так и человек у нашего "разрушителя догм" волен только выбирать между добром и злом, но - в силу своей полуэгоистической натуры - не может достичь свободы социальной, то есть в солидарной договоренности с другими людьми определять условия своей собственной жизни.

Бакунин верно замечал: нельзя быть свободным, если вокруг остается хотя бы один раб. Вот почему мне кажется и сегодня более актуальным проект освобождения, предложенный "классическими" анархистами. "Чтобы заложить в настоящем этический и экономический фундамент (анархо-)коммунистического общества, необходимо разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и уважение носителям принципа авторитета", - писал теоретик ФОРА Э.Лопес Аранго. А сделать это люди могут только в ходе повседневного сопротивления против власти и капитала, индивидуально *и* коллективно. Задача анархистов - участвовать в этой борьбе, пропагандировать в массах свою этику. Свои принципы, свои идеи, способствуя пробуждению и развитию в них стихийного, природного чувства солидарности. Только тогда, когда (и если!) эти усилия увенчаются успехом, а анархистские идеи станут "идеями-силами", - только тогда станет возможной социальная революция. Так произошло в 1936 году в Арагоне. Так может произойти снова. А если нет? Ведь человечество сегодня и впрямь куда ближе к варварству, чем к социализму! Ну что-же... Мы ведь не верим в железно необходимые законы истории. По крайней мере, мы будем иметь бесспорное, неколебимое право сказать: мы сделали все, что могли. Пессимизм мировосприятия рождает оптимизм действия!

Конструктивный анархизм или ревизионизм?

Если с либералами и христианами Петра Рябова роднит представление о природе человека и о чисто индивидуальных усилиях, которые приведут людей то ли к преуспеянию, то ли к спасению, то в одном "антидогматик" оказывается неожиданно близок к марксистам. А именно в упорном отказе "*предсказывать*" и "*планировать*"

"конечный идеал". Причем, если верить ему, такой "утопизм" - прямое следствие попыток "классических" анархистов разработать некую законченную, цельную доктрину социального переустройства. В ненависти к "утопическому" социализму сходятся вроде бы столь противоположные подходы - марксистский детерминизм и псевдоанархический индивидуализм.

Любовь, говорят в народе, слепа. Нелюбовь тоже. Только стойкой, тяжелой антипатией к Кропоткину можно объяснить, например, анекдотическое приписывание этому "классику" всех мыслимых грехов - начиная с прославления "добра" в природе и кончая *"закрыванием глаз"* на существование центральной нервной системы у животных и пониманием личности как благого *"сознательного автомата"*. Ну не любит Кропоткина автор "Анархических писем"! Излишне пояснять, что ничего подобного у "классика" читатель не найдет. Дело вообще не в этом наборе бессмыслиц. Как и марксистам, П.Рябову не нравится само стремление Кропоткина (да и большинства других анархистов) представить себе, как может выглядеть гармоничное общество будущего. Отсюда и желание отождествить анархо-коммунистический идеал с позитивизмом, стремлением выстроить универсальный "научный анархизм", с верой в фатальную неизбежность прогрессивного развития.

На самом же деле, логика и подход "классических" анархистов были совершенно иными. Анархо-коммунизм конца X1X века и часть его продолжателей как раз категорически отказывались предопределять конкретные формы будущего устройства общества, воспринимая это как посягательство на стихийное творчество масс. Социальный идеал Кропоткина вовсе не так "жесток", как думает автор "Писем". Наоборот, русский анархист (как впоследствии аргентинская ФОРА) утверждал, что люди сами, без какой-либо организационной подготовки, "по мере надобности" создадут те ассоциации, которые покажутся им необходимыми. Свою книгу "Хлеб и воля" Кропоткин рассматривал как иллюстрацию, пример того, как *могло бы* выглядеть новое общество, как принципиальное доказательство его возможности. В том же духе неоднократно высказывались и другие анархисты, в том числе и те, кто - в отличие от Кропоткина - полагал, что чем более подготовлена революция в предреволюционный период, тем легче и быстрее смогут люди построить новый свободный мир. В "Концепции либертарного коммунизма" (Сарагосской программе испанской СНТ 1936 г.) говорилось: мы не считаем "этот текст чем-либо окончательным", "замкнутой нормой для конструктивной работы революционного пролетариата". Это лишь "общие линии первоначального плана, который всем трудящимся следует держать в голове" (и нести в своем сердце, как выразился легендарный Дуррути), "исходный пункт Человечества на пути к полному освобождению".

Столь любимый П.Рябовым Бакунин верил в стихийный порыв масс едва ли слабее Кропоткина. И хотя он был еще менее склонен вдаваться в подробности конструктивной картины будущего, чем анархо-коммунисты с их идеей самоуправляющихся, децентрализованных коммун, в организационном плане и некоторых деталях знаменитый бунтарь был куда более жестким. Например, он предлагал создать после революции... всемирный плановый совет!

Зато в 20-е - 30-е годы с призывами "ревизовать" положения "классического" анархизма выступили, в первую очередь, "платформисты" (сторонники жесткой организации и власти Советов "на переходный период") и неоколлективисты, которые считали идею вольной коммуны не соответствующей индустриальному этапу развития человечества и приветствовали капиталистическую рационализацию техники и экономики.

Марксизм принципиально отказывается представить себе общество будущего и конкретные шаги к нему. Но это не делает его менее авторитарным, совсем наоборот. Марксисты не желают признавать революцию как сознательный акт: для масс достаточно, чтобы они не желали "жить по-старому"; им вовсе не обязательно знать, за что они борются. Революционная элита при необходимости железной рукой загонит человечество к счастью. Но в реальности она оказывается совершенно беспомощной. Утопичность марксизма, как справедливо отмечал философ Мартин Бубер, "послереволюционная" и "апокалиптическая". В своем предвидении марксистские теоретики доходят только до захвата власти. Что делать потом? Об этом они не имели и не желали иметь ясного представления. Оставалось надеяться на экономические закономерности, диалектику "прыжка из царства необходимости в царство свободы", да повторять фразу Наполеона: сперва ввяжемся в бой - а там видно будет.

П.Рябов не желает сделать выводы из краха марксизма. Он не понимает, что без идейной и организационной подготовки, без сознательного представления о новом обществе люди окажутся растерянной, слепо мечущейся толпой после падения старых институтов. Не имея никакого плана действия, который развивал бы "скрытые в сожительстве людей возможности "подлинного порядка" (М.Бубер), они, как сказал бы Лао Шэ, вытаращат глаза, будут бессмысленно убивать, а затем доверятся любому диктатору, который вернет им "дурман" благосостояния.

Тот, кто беспорядочно и бессмысленно бредет, неведомо куда, не разбирая дороги, рискует не только попасть в трясину, из которой ему потом не выбраться. Что еще опаснее - у него могут появиться хитроумные поводыри. Уж они-то хорошо знают, куда повести слепого бродягу, так, чтобы использовать его в своих целях и интересах. Тот, кому не нужны чужие глаза и кто не хочет служить орудием чужих планов и помыслов, то должен думать, действовать и *понимать* сам.

Власть берет на себя то, что не может сделать общество, разъединенное и разорванное на миллионы изолированных друг от друга индивидов. Она сковывает "единой железной волей" тех, кто не имеет сил, желания и возможности солидарно договориться между собой и действовать сообща. Так большевистская диктатура погубила русскую революцию, воспользовавшись тем, что взбунтовавшиеся народные массы прекрасно знали, чего они не хотят, но слишком смутно понимали, что же следует делать, как строить новую жизнь. И если анархисты не учтут опыта этой трагедии (и многих других, подобных ей), им останется и впредь бессильно взирать, как плоды неустанных усилий и тяжелых жертв достаются новым господам, властителям и правителям всех мастей.

П.Рябов явно предпочитает бунт революции. Бесспорно, любой бунт будет восприниматься в сегодняшней России как порыв свежего ветра в затхлой атмосфере кладбищенской тишины и многотерпеливого смирения. Но если сопротивление людей против власти и капитала останется на этой ступени, из пепла сожженных институтов вырастет новая, ничуть не менее страшная тирания.

Бунт, чистое и голое разрушение, никогда не сможет стать средством освобождения личности и общества от государства и эксплуатации. Его слепота и бессознательность открывают путь новой диктатуре. Не зря современные "новые правые" и "национал-революционеры" с упоением воспевают эстетику бунта, очищенного от этического начала. Этот абстрактный радикализм как нельзя лучше скрывает и приукрашивает их намерение господствовать над толпой. Бунт - дело, безусловно, правое! Но обязательно ли *левое*?

Анархисты - сторонники не слепого бунта, а подлинной общественной и личностной революции, в ходе которой люди не просто исступленно крушат старые нормы и учреждения, но *осознанно*, руководствуясь не только эстетическими, но и этическими представлениями, осуществляют "правду завтрашнего дня". Только тогда, когда каждый революционер будет понимать, что он делает и зачем, можно будет не устилать трупами подножье очередной диктаторской пирамиды, а, говоря словами Кропоткина, создавая новое, разрушать старое.

Социальная революция может победить только в том случае, если все ее участники будут ясно сознавать, какое общество они *хотят* создать , и как это *можно* сделать. "Непредрешенчество" - гибель для социальной революции.

Разумеется, я не обвиняю П.Рябова в большевистском желании держать массы "во тьме", чтобы иметь возможность управлять ими. Марксистов погубил разрыв между антиавторитарной целью и авторитарным путем к ней. С П.Рябовым дело обстоит иначе. Для него и здесь первичны его симпатии и антипатии. Отвергая "предсказание" и "планирование" будущего, он - вполне "утопически" - считает его результатом стихийных, противоречащих друг другу начал. Главное, чтобы новый мир не строился по одному принципу - нелюбимого П.Рябовым анархо-коммунизма. Уж лучше раздираемый противоречиями плюрализм, ограниченный радиусом полета соседских пуль!

Скрытый смысл рассуждений первого из "Анархических писем" именно таков: анархо-коммунизм как "модель" невозможен и недопустим. Если тирания власти когда-нибудь будет свергнута, на смену ей придет беспорядочный архипелаг гетерогенных объединений, одни из которых будут индивидуалистическими и либеральными, другие - коллективистстическими ("каждому по труду", ведь люди - злые эгоисты и потребители!), а некоторые - пусть уж их, так и быть - коммунистическими. А взаимоотношения между ними станут строиться на основе... правильно, читатель! - "рыночного социализма", то есть безгосударственной групповой собственности и совершенно "свободной" купли-продаже. Узнаю старо-КАСовские песни. Жив, жив еще курилка!

Вот в чем суть переворота, произведенного "антидогматиками" в анархизме! Вот для чего сладострастно разбиваются скрижали и ссылаются в пыльные музеи идеи. Шаг вперед от Кропоткина - три шага назад к Прудону. Такое вот идеологическое танго...

Здесь не место для длинных доказательств того, что свободное общество возможно только на принципах анархо-коммунизма. Не обязательно заранее рисовать его себе во всех деталях. Достаточно просто понять, что свобода, равенство (не одинаковость!) и солидарность неразделимы и немыслимы друг без друга. Что нельзя "придти к коммунизму посредством капитализма" и "ни один анархист" (настоящий) не может поддерживать "подобный абсурд" (Э.Лопес Аранго). Что без гармонии снова появится неравенство, а значит, стремление имущих защитить свои привилегии и желание неимущих отобрать их - а следовательно, насилие, власть, государство. Что угроза экологической катастрофы жестко определяет масштаб и уровень принятия решений и диктует необходимость коммунитарной децентрализации и согласования, координации усилий - если мы хотим выжить и остаться людьми. Обо всем этом как-нибудь в другой раз.

А пока продолжим чтение первого из "Анархических писем". Сюрпризы, которые преподносит нам автор, не закончились. У него припасен еще один - самый главный. Оказывается, анархия "*как достижение абсолютной свободы, как превращение масс раболепствующих савлов в гордых и свободолюбивых павлов*", иными словами, как гуманистическое общество вообще невозможна. Более того, нежелательна, ибо ее осуществление "*означало бы смерть личности*", лишенной свободы быть "*несовершенной*", свободы творить "зло". Рай не годится для мерзавцев.

Круг замкнулся. Начав со зла и рабства, глубоко заложенных в человеческой природе (пусть и по соседству с где-то там же обретающимся "добром"), автор шаг за шагом приходит к тому, чтобы заявить: анархия нереальна и вредна, ибо нарушает единственную подлинную свободу для столь порочного существа, как человек - возможность быть негодяем и делать то, что он не желает, чтобы сделали с ним.

Вместо гармонии автор предлагает поистине жалкую замену - вечную погоню за миражами свободы, в которые он сам не верит, сомнительное мазохистское удовольствие идти куда-то, чтобы не дойти никогда.

Сорель не считал всеобщую стачку возможной, но хотел использовать этот "миф" для того, чтобы поднять массы и привести к власти активное меньшинство. Для социал-демократов, большевиков и сталинистов провозглашаемая цель (социализм) была лишь оправданием их правления. Это можно считать *садистским* вариантом бернштейновской формулы: "Цель, какова бы она ни была, - ничто, а движение - все". Петр Рябов, с пафосом повторяющий фразу немецкого эсдека-ревизиониста, дает иной *- мазохистский* вариант. Первый наполнен элитарной жаждой власти, второй - простого, грустного, обломанного желания покоя. Интеллигенция - та, которая не бросилась делать и отмывать деньги, пополняя славные когорты будущей профессии "безработный предприниматель" - все уже испытала, во всем разочаровалась, ни во что не верит. Она устала. Не надо нам счастья, не надо гармонии, не надо гуманизма, да, в конце концов, не надо нам и самой свободы - только не трогайте бюстик Некрасова на моем письменном столе!

Не будем лукавить. Смысла разбивать цепи, зная, что никогда не разобьешь их, а только сделаешь длиннее - нет. Не надо навязывать анархизму сизифову манию. Она ему не свойственна.

Мы живем в эпоху "конца века" - время, когда все понятия перепутаны и безраздельно властвует ценностный и политический дальтонизм. Все это лишь ложное сознание. Считая красный цвет зеленым, дальтоник может смело идти вперед, но кончит лишь тем, что попадет под машину. П.Рябов волен сколь ему угодно называть свою "теорию" анархизмом. Я не стану судиться с ним из-за этого, поскольку не признаю вердикта государственного, классового суда. Я всего лишь прошу: оставьте анархизм в покое! Человечество долго шло к нему и заплатило за мечту о равенстве и свободе, с унылым наслаждением пинаемую автором "Анархических писем", очень дорогую цену. Ни к чему плевать на могилы и объяснять мертвым, что они погибли напрасно. Имейте, наконец, совесть!

АНАРХИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМО ВТОРОЕ

1

Кто только не пытался в XX-ом веке подобрать брошенную и полурастоптанную корону *гуманизма* и нацепить себе на голову ! Поэтому соответствующие претензии анархизма, о которых я несколько поспешно и декларативно объявил в первом "Письме", как минимум, требуют обоснования и пояснения. Слово "гуманизм" вообще звучит сегодня довольно пошло и неприлично; им бренчат, точно стершимся пятаком все, кому не лень. "Человечность" — но что это значит сегодня ? Любить и принимать человека, каков он есть, человека вообще, конкретных людей ? Или же верить в некую человеческую сущность, в некое светлое человеческое будущее ? Все это весьма туманно и непонятно.

В предыдущем "Письме" я не раз повторял, точно заклинание: "В основе анархического мировоззрения поставлены личность и свобода !" Эти слова звучат как-то уж слишком красиво, что настораживает. Поэтому элементарная честность заставляет меня задать самому себе ряд вопросов: "а что понимается под свободой, и что — под личностью ?", "всякий ли человек — личность, и всякий ли нуждается в полной и абсолютной свободе?", "можно ли навязать свободу, как навязывают рабство?". К этим непростым вопросам тотчас же присоединяется гул голосов, оживленно перебивающих друг друга. Первый восклицает: "Вот-вот! Легко сказать: "свобода и личность! А спросите у людей: многим ли из них нужна ваша свобода?" Второй переспрашивает меня: "Простите, а где границы этой свободы? Почему, если ваша свобода безгранична, она не приведет к порабощению других людей?" Третий подхватывает: "Как можно обойтись без арбитра — государства, способного худо-бедно, пусть с издержками, ограничить взаимные посягательства личностей?" Четвертый категорически утверждает: "Люди безнадежно плохи и, если им предоставить свободу, то не выйдет ничего, кроме кровопролития. Ваш анархизм смотрит на человека через розовые очки!" Пятый задумчиво уточняет: "Можно ли освободить людей внешне больше, чем они уже свободны внутренне? Об этом писал еще Герцен, споря с Бакуниным." Шестой скептически хмыкает: "Разве вы не знаете, что инстинкт господства и подчинения лежит в самой природе человека, а потому рабство и власть неуничтожимы и, так или иначе, будут существовать всегда?"

Все эти вопросы, воображающие себя риторическими, есть вопросы по существу — они касаются не методов и конкретных планов анархизма, но самой сущности его дерзновенных целей.

Под этим шквалом неудобных и мучительных вопросов надо что-то сделать, чем-то ответить, как-то разобраться с первоначальными, исходными основами анархизма. Если просто отмахнуться от них (например, заявив, что человек прекрасен, и все зло — исключительно в дурном государстве) и сразу перескочить от красивой фразы: "свобода и личность" — к конкретным политическим и социологическим положениям, то поневоле окажешься в традиционном и общеизвестном положении страуса, гордо зарывающего пустую голову в песок красивых мечтаний. Что можно противопоставить всем этим ходячим истинам, всем этим естественным вопросам, раздающимся с момента появления анархизма на свет и звучащим, казалось бы, как похоронный колокольный звон над благими анархическими пожеланиями? Ведь эти вопросы задают не тенденциозные "теоретики" и "идеологи", не платные слуги государства, а любые нормальные, непредвзятые люди.

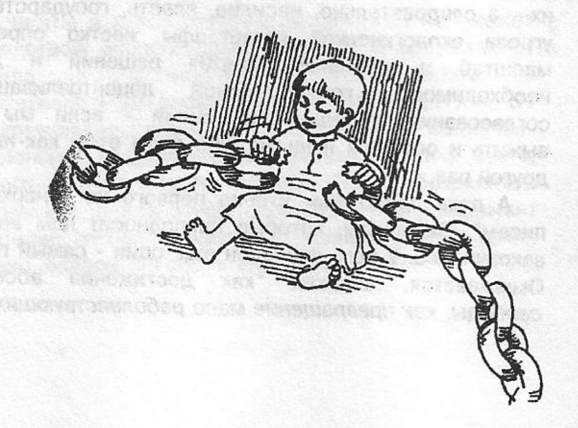
Всему этому можно противопоставить только честный и беспартийный взгляд, ищущий истину, как бы она ни была горька. И если эта истина действительно будет неутешительна для анархизма, что ж, значит, придется принять и ее.

Все сказанное определяет проблемы, которые будут в центре рассмотрения моего второго "Письма". Говоря об основах анархического мировоззрения, нельзя миновать в самом начале пути таких понятий, как "личность", "человек", "гуманизм", "общество", "свобода", "равенство". Их рассмотрение поможет нам выявить философское ядро анархизма, перейдя от прелюдий и деклараций к некоторой конкретике.

Ведь анархизм для меня — это не секта среди других сект, не партия среди других партий, не идеология среди других идеологий. Это не просто лозунг, не просто политическая программа или социологическое учение (хотя все эти моменты он предполагает и включает в себя). Анархизм, прежде всего,— это определенное мировоззрение, это определенное жизненное кредо. И "свобода", "личность" — не пустые слова, не ярлыки для него — это его сущность. Разбирая эти понятия, анархист должен отказаться от "партийной" ревности в отношении других сект, идеологий и партий, должен не цепляться за узкие формулы "измов", но видеть за деревьями пестрых группировок и доктрин — лес широкого освободительного движения, выступающего против любого авторитета, любой сегрегации, за освобождение личности в самом полном и широком смысле этого слова.

Итак, считать человека достойным свободы — что это: мужество или слепота, реализм или самообольщение?

И здесь я не могу отказать себе в удовольствии привести одну великолепную цитату, которую вообще весьма любят приводить сегодняшние анархисты. Вот эта цитата: "...марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма — *личность*, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: "Все для личности". Краеугольным же камнем марксизма является *масса*, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: "Все для массы".

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия".

Что касается марксизма, то о нем речь пойдет в одном из следующих "писем", а сейчас нас интересует первая часть этого высказывания. Высказывание же принадлежит молодому марксистскому автору — Иосифу Виссарионовичу Сталину, и почерпнуто из его ранней работы "Анархизм или социализм?"

И все мое второе "Анархическое письмо" можно рассматривать как развернутый комментарий к этому замечательному и совершенно верному высказыванию.

2

Что есть *проблема личности*, и как она появляется ? Человек рождается дважды: первый раз — появляясь физически, второй — взрослея духовно. Не случайно у первобытных народов со вступлением в совершеннолетие приняты обряды инициации и присвоения нового имени, а у христиан существует крещение, как второе и *подлинное* рождение.

Человек, взрослея, осознает факт, возникающий с момента его рождения: он, как единица, целое, индивид, — противопоставлен миру. Родившись, человек выпадает в мир из какого-то уютного гнездышка, а взрослея он обнаруживает этот факт и рождается вторично, теперь уже по-настоящему и — бесповоротно. Что же обнаруживает, взрослея, человек? Он обнаруживает свое изначальное безнадежное *одиночество* и одновременно: свободу, ответственность, беззащитность, уникальность, ценность и малость свою. Он понимает, что *одинок в пространстве*: среди всех людей, даже "близких", и *одинок во времени* — затерянный среди веков и поколений. Везде за пределами моего тела кончаюсь "я" — в пространстве. А за пределами часа моего рождения и часа надвигающейся смерти кончаюсь "я" — во времени. Я, как волк в загоне из флажков, окружен и обложен миром со всех сторон. Я, как утопающий, барахтаюсь в мире, и он царапает мою нежную кожу. Я — не мама, не папа, не книги, не друзья, не прошлое, не будущее, не учебник... Я ответственен — ибо я одинок. Я один. Я смертен.

Так начинается *проблема человека* — не социальная, не биологическая, но экзистенциальная проблема. Проблема новорожденной личности, кричащей, корчащейся в муках и силящейся — забыть и не быть.

Мир сам по себе бессмысленен — человек требует смысла. Мы находим величие в молчании неба, мы находим красоту в нежном трепете листьев. "Абсурд начинает иметь смысл, когда с ним не соглашаются" (Альбер Камю). В этом истоки и уникальности человека, и его трагедии, и возможности гуманизма.

В религиозном сознании доселе существовали два основных подхода к проблеме личности. Монотеистические религии и, прежде всего, христианство, превозносили ценность человеческой личности, вырывали ее из безликого мира. Человек, сотворенный по образу и подобию Бога, будучи личностью, вступал в диалог с Абсолютной Личностью, с Богом — но это был диалог хозяина и слуги, творца и творения. Именно этот образ Бога, как персонифицированного деспота и жандарма, возмущал атеистов ХУ111 и Х1Х века.

Новое время воскресило второй, античный, пантеистический взгляд на мир — на смену личному Богу пришел безличный обожествленный мир Природы и Истории. Спиноза, Гегель, Фейербах и Маркс по-разному выразили этот взгляд. Безличному Богу-субстанции Спинозы, безличной Абсолютной Идее Гегеля, безличной Природе Фейербаха, безличной Истории Маркса соответствует такой же безличный человек, сводящийся к своей природности или к своей социальности, лишенный самоценности, человек-винтик, человек-род, человек-класс, включенный в осмысленный и обожествленный сверхличный природный и социальный мир.

Анархизм подходит к делу иначе. Не случайно один из первых и наиболее глубоких манифестов анархического мировоззрения говорит о "*Единственном* и его собственности".

Проблема личности не сводится к социальным или природным проблемам, хотя и связана с ними, равно как и личность не сводится к природе и обществу, хотя невозможна вне и помимо них. Это проблема смысла мироздания, которая каждому из нас является в виде проблемы смысла жизни, той проблемы, перед которой личность стоит одиноко и обреченно, не в силах уйти, отвернуться и загородиться. Прислушаемся к словам Жан-Поля Сартра: "...если Бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой — в светлом царстве ценностей — у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что выражено словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает".

Итак, слова произнесены. Личность обречена быть свободной. Из факта нашего одиночества, нашей уникальности, нашего знания о своей смерти рождается человеческая обреченность на свободу.

Для человека не столь важно — *как* жить, сколько — *зачем* жить, не столь важно — *как* себя вести, сколько — *куда* себя вести. Или же, говоря другими словами, важно даже не то, погибнет ли человечество в ХХ1 веке или выживет, но то — будет ли оно *достойно* уцелеть или погибнуть ?

3

Свобода навязана личности. Но "бегство от свободы" — диагноз нашего времени.

Вспомним "Одиссею" Гомера. Во время своих долгих странствий Одиссей и его спутники попали на остров волшебницы Цирцеи. Несколько греков, оторвавшись от отряда, зашли на великолепный луг, на котором паслось стадо свиней. К ним, ласково и обольстительно улыбаясь, вышла красавица Цирцея, протянула кубок с волшебным зельем, — и, едва путники выпили из кубка, как мигом утратили в себе все человеческое, превратились в свиней и начали весело и беззаботно рыться в траве, ища корм.

Одиссей заставил Цирцею вернуть его товарищам человеческий облик и сознание и поскорее покинул опасный остров. Но он не спросил у "спасенных" им — хотели ли они такого спасения. Или же они были счастливы — стать свиньями и *перестать быть*. Быть может, волшебный напиток Цирцеи был тем, что они, подобно многим, искали всю жизнь, к чему жадно стремились.

"Молю тебя: будь холоден или горяч, но только не будь просто *тепленьким* !" — что-то в этом роде говорится в Библии. Пусть люди будут злыми, ленивыми, жадными, раздраженными, разочарованными, ревнивыми — все это нормально, все это — *поиски лица*. Но — только не ничтожными, только не никакими!

"Свобода — высшее благо!" Так ли это? Так — для свободных существ. Но выпустите холодной зимой, в угоду своему великодушию, на свободу домашнюю канарейку — будет ли для нее свобода желанным благом или — скорой гибелью?

Негативная сторона свободы — борьба *против*: оков, цепей, голода, унижения. Это, худо-бедно, мы умеем. Но другая сторона свободы — не дочеловеческая, а человеческая, не нужда, а добродетель, свобода не тявкающего моськи, но слона, спокойно идущего своим путем, — умение *творить*, а не отрицать, *жить*, а не выживать, *быть*, а не только сопротивляться... Э-э, здесь дело плохо. Что бесчеловечно — давно известно и повседневно, что мешает человеку — понятно и очевидно, что давит и душит свободу — ясно и привычно,

но что такое *сам* человек, сама свобода, сама жизнь — это все терра инкогнита. Это никто не подскажет, этому никто не научит. А если подскажет — то не это, а если научит — то не этому.

Долой розовые очки и тупое идиотское самодовольство! Уже Ницше с тревогой заметил, что "смерть Бога" делает место на человеческом небе вакантным, а человек, каков он есть сегодня, не готов занять место Бога, жить в безбожном мире, принимая на себя всю ответственность. Человек без Бога может или перерасти свое нынешнее подростковое, промежуточное положение и стать тем, что Ницше называл сверхчеловеком, или же вернуться, подобно спутникам Одиссея, в скотское состояние.

Итак, свобода тождественна человечности, бегство от свободы тождественно отказу от человеческого удела. Неизбежная и неразлучная с нами свобода наша обусловлена неумолимой и неизбежной несвободой рождения и смерти. Даже в случае максимально возможного бегства от свободы человек все же свободно выбирает это бегство. Он может отвернуться от свободы, как может отвернуться от смерти, ответственности, — но не может отказаться от нее.

Человек одинок? Всегда одинок.

Он смертен? Смертен.

Значит, свободен.

Что значит: человек свободен? Это значит, во-первых, что ничего не предписано и не гарантировано. Это значит, во-вторых, что все на свете зависит от меня, и я за все отвечаю.

Снова предоставим слово Жан-Полю Сартру: "Собственно говоря, люди именно так и хотели бы думать: если вы родились трусом, то можете быть совершенно спокойны — вы не в силах ничего изменить и останетесь трусом на всю жизнь, что бы вы ни делали. Если вы родились героем, то также можете быть совершенно спокойны — вы останетесь героем на всю жизнь, будете пить как герой, есть как герой. Экзистенциалист же говорит: трус делает себя трусом, и герой делает себя героем. Для труса всегда есть возможность больше не быть трусом, а для героя — перестать быть героем".

Итак, человек должен не слепо следовать тому, что есть (это удел зверей и птиц — следовать природе, необходимости, установленному порядку вещей), но обречен *требовать того*, что *должно быть*! Никто, кроме человека, среди существ, имеющих смерть своим уделом, неспособен к этому. Дело же человека: бунт против "настоящего", как *не—настоящего* ради должного. Необходимость всегда наступает на свободу (то есть на нас), сужая и ограничивая ее рамки — свобода должна контратаковать, наступать на необходимость, отвергать ее, биться с ней за каждый клочок земли! Природа всегда самодовольна, всегда бессмертна, всегда едина; не осознавая себя, не сравнивая и не выбирая, она не взыскует и не дерзает, не бунтует и не отказывается, но человек — заброшенный, расколотый, одинокий в своем настоящем, не может не бунтовать против этого настоящего во имя должного — во имя Смысла, Единства и Бессмертия. Этот бунт и есть начало творчества — позитивной стороны свободы. Именно в бунте рождается свобода, хотя не в бунте она живет.

Когда человек осознал свое выпадение и отличие от Природы, свою свободу и одиночество, он то впадал в ребяческую гордыню младенца, сломавшего свою любимую игрушку, вызывая на бой Бога и насилуя Природу по своему слепому и беспредельному произволу, то впадал в отчаяние, по-детски закрывая глаза и убегая от свободы и знания. Пора бы повзрослеть!

Бакунин писал: "свобода неделима: нельзя отрезать малую часть ее, не убивая целого". Именно в ней, крохотной частице, отрезанной от свободы, будет заключена вся ее сущность.

Герцог Синяя Борода, как известно, разрешал своим женам бродить по всем комнатам его роскошного дворца, кроме одной маленькой комнатки — и именно в ней-то и заключалось самое важное. Бог разрешал Еве в раю есть плоды со всех деревьев — кроме одного, — но то было Древо Познания...

Свобода — и наше проклятие и наш крест, и наше сокровище, это — мы сами. Свобода — это ответственность, но не только в том узком и пошлом смысле слова, который обычно подразумевают ("демократия — это не вседозволенность" и т.д.), а в более глубоком и значительном смысле. Мы свободны — значит, мы живем одну-единственную жизнь и полностью отвечаем за самих себя и за весь мир. Мы свободны — значит, мы обязаны внести в этот мир себя, свой смысл, поскольку никто за нас этого не сделает. Мы свободны — значит, мы можем положиться только на себя и, не веря в неизбежное светлое будущее, знать, что вне, помимо и после нас ничего гарантировано. Мы не можем верить ни в Бога, ни в Завтра, но должны делать свое дело Здесь и Сейчас.

Еще одна цитата из Сартра, этого великого поэта свободы, который почти не называл себя анархистом, но без которого сегодняшнее анархическое мировоззрение, по-моему, уже сложно себе представить: "Я не могу быть уверен, что товарищи по борьбе продолжат мою работу после моей смерти, чтобы довести ее до максимального совершенства, поскольку эти люди свободны и завтра будут сами решать, чем должен быть человек. Завтра, после моей смерти, одни, может быть, решат установить фашизм, а другие окажутся такими трусами, что позволят им это сделать. Тогда фашизм станет человеческой истиной; и тем хуже для нас. Действительность будет такой, какой ее определит сам человек". Слова не очень-то утешительные, зато честные.

Надо иметь мужество до конца понять, что означает этот простой факт: человек обречен быть свободным. То и дело можно увидеть, как недостаточная честность и мужество превращают стремление людей к свободе в карикатуру. Вот послушайте, к примеру:

"Мы не хотим быть рабами!"

—Хорошо.

—А чего мы хотим?

—Чего хотят свободные люди?

И вправду: "*чего должны хотеть свободные люди?*"

В этом вопросе — ловушка, и вылезают уши нашего рабства, нашей нечестности, нашего внутреннего нежелания признать свою свободу.

Вы понимаете: как только свободе *учат* — свобода исчезает. Как только вас учат (бескорыстно, доброжелательно, мудро): как вам быть самими собой, — *вы* исчезаете.

Свобода всегда чревата одной западней: да, это правда, что и семидесятилетний может начать жизнь заново, и вконец испорченный — исправиться. Но это же значит, что шестидесятивосьмилетний — может *еще немного подождать, отложить*, что мерзавец может еще немного позлодействовать — а "с понедельника начинаю новую жизнь". Ведь право же, — это никогда не поздно? Это как капкан для заядлого курильщика, который часто говорит себе и другим: "Конечно, я люблю курить, но ведь я знаю, что, *если очень будет надо*, то я смогу бросить — хоть завтра". И — жизнь уходит в вечное "завтра", а в вечном сегодня — бесконечная смерть, ложь, суета, и каждый день не по кому-нибудь, а по тебе "звонит Колокол". Почему же никогда не бывает "надо"? И можно ли говорить о том, что курильщик *сам, свободно* бросил курить, если его принудила к тому перспектива близкого рака легких? А, как справедливо заметил еще Аврелий Августин: "никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее"

Тут-то только и начинается настоящая проблема. Забывая о том, что человек — не просто ноль, но *ноль творческий*, то "ничто", которое творит из себя все, мы всегда ищем себя, опору, Смысл — *вовне* (пусть извне

придет угроза, поддержка, толчок): так студент откладывает подготовку к экзамену до последней ночи, и когда расплата за безделье неумолимо надвинулась — он пытается спастись, — так и мы внутренне жаждем *неизбежности, спровоцированности извне, несвободы.* Об этом писал Достоевский: человек рождается свободным, но стремится стать рабом, преклонить голову перед чем-нибудь бесспорным вне себя. Мы хотим не знать о своей несвободе, не быть — к этому нас приучило общество, которое молится на комфорт, избегает боли и культивирует инфантильность. "Вот старость придет, тогда о душе подумаю", "вот рак легких прижмет — брошу курить"... Да, можно бросить курить, можно перестать быть испорченным, можно даже много "хорошего" сделать, благодаря толчку, напору, приказу и поддержке извне, но вот только *свободным*, а значит, — живым, субъектным, самим собой — стать благодаря толчку извне нельзя.

Следовательно, заколдованный круг: да, вообще говоря, если мы не живем сегодня, мы *можем* начать жить завтра, но именно поэтому же — *не живя сегодня, мы умираем навеки*, ибо каждодневно сами выбираем себе смерть и несвободу. И нет внутренней точки опоры — все внешнее, вне нас лежащее: призрак и фантом, внешнее может привести к любым *внешним же* поступкам, но не к *оживлению мертвого, не к внутреннему преображению, не к свободе*. Необходимость внутренней свободы проистекает из конечности, смертности нашей — каждый, в конце концов, — один и *сам*, бесконечно один все решает — и опереться не на что, и загородиться некем: от себя, от смерти, от свободы своей.

А это-то и нестерпимо.

Поэтому и выдумывают суррогаты-отговорки, гильотины для свободы: образец, цивилизация, церковь, культура, традиция, партия, клан, семья, школа, мебель, телесериал, счет в банке, нация...

Некое глубинное внутреннее холопство, бегство от свободы и существования заключено и в нашем отношении к так называемым "великим людям". Мы отделяем себя от них китайской стеной: вроде бы Пушкин, Бакунин или Сократ такие же люди, как и я — но *они не имеют со мною ничего общего* — это диковинные звери из музея и учебника, им *положено* думать, страдать, ошибаться — они *"великие"*, к ним приложима иная мерка (и всегда с нездоровым увлечением и подленьким сладострастным азартом узнаем мы об "их" маленьких грехах, привычках и недостатках: "ух ты, надо же — как и у меня !"). А ко мне — мерка совсем другая ! Я ведь — не великий. Я маленький и ничтожный. Я не претендую. (На что ? Думать ? Дышать ? Жить ?).

Почему им — беда, счастье, муки, мысли, удел: *жить крупно, по-настоящему, полной грудью*, а мне — мелко копошиться в своих делишках и созерцать "их", как зверушек в зоопарке ? Они святые, они великие, *им за нас* страдать, думать — жить. Эти люди лезут мне в глаза, показывают, как я *могу*, как я *должен жить*, — а это страшно, непривычно, беспокойно, — и, сам того не осознавая, я в ужасе выстраиваю между нами стену. Я не хочу оказаться в невесомости, сделать шаг вперед из своего застывшего строя. Есть жизнь: привычная, заурядная, бесцельная и никчемная — жизнь прибавок к жалованью, газетных штампов, недожаренных котлет и постылых семейных уз, и есть резервация — для "них", куда мы приходим изредка поглазеть и — издали "приобщиться к духовности". Мы разного сорта.

Человек, это, конечно, звучит гордо. Но это всегда — или "великий человек", или "человек вообще", — но не я !

Быть *великим* человеком невозможно — так как "великих" людей не бывает. Есть просто *люди*. Но очень мало просто людей, и очень сложно стать *просто человеком.*

4

Вот я написал слово: "личность" и тут же понял, что говорить о "личности" можно лишь парадоксально, ибо сама природа личности парадоксальна по определению.

Личность есть *космос*, она свободна, творит, обладает самосознанием и целой вселенной внутри себя. И — личность ничтожна, ограничена, смертна, конечна, обусловлена окружающим ее миром.

Личность — единственна; таких, как она, нет, не было и не будет,она имеет свое ***единственное*** назначение. И — таких "единственных микрокосмов" многие миллионы.

В личности коренится истина, она — творец и источник всех смыслов и ценностей, актер и зритель всех мировых представлений. И — не одна отдельная личность — творец истины, ценностей и смыслов, но тысячи, взаимодействуя друг с другом, творят их через коллективное общение и создают институты и фантомы, способные "жить" по своей логике, своей полуавтономной жизнью. В этом взаимодействии изначальная личность отчуждается, пропадает, подчиняется, низводится до роли статиста. Но не будь ее — не было бы ничего.

Когда человек чему-то служит безусловно и абсолютно, он — не личность, ибо растворяет себя в этом, объективирует свою субъектность, "снимая" себя, свое творчество, лицо, свободу, бежит от самого себя — в дело, идею, веру, компанию или фетишизируемые им вещи.

Когда человек ничему не служит, ни к чему не привязан, ни на кого не воздействует, ничего не изменяет, никак себя не проявляет, не имеет определенного содержания — он не личность, но "пустое место", ноль, нечто нетворческое, несвободное, несуществующее, не нужное никому.

Чтобы *быть личностью*, человек должен и служить, и не служить, и верить, и не верить, и отдаваться весь, и оставаться самим собой, иметь связи, идеи, убеждения, содержание — и не отождествлять *самого себя* ни с чем полностью. И отказ от содержания, и объективация, регламентация содержания — исключают личность.

Творческий ноль, бесконечное в конечном, бессмертное в смертном, микро-косм — вот лишь некоторые, наиболее очевидные из парадоксов, вне которых вообще невозможно говорить о понятии "личность".

Как определить человека? Сегодня он смеется, завтра обманывает кого-то, потом — глядь: ногу ушиб, а потом книжку читает! Ловкий, многоликий Протей, выскальзывающий из рук Менелая в египетской пустыне.

-Как актер: сегодня — Гамлет, завтра — Тартюф, а послезавтра — Дон Кихот или Хлестаков. Роли разные, а определение одно — актер.

То же и с человеком: ролей много, но общее одно — актер. Игра, артистизм, дуракаваляние, смех — свобода. Ведь свобода есть и свобода свободно менять свои роли.

Каждый человек стремится стать одной струной, одним мотивом, тогда как может и должен быть целым оркестром, целой полнозвучной симфонией. Человек *полифоничен* по природе.

Я не один — меня много. Я не застывшая сущность — я свобода. У меня не одна роль, а много ролей, хотя театр един: одна сцена, одна труппа.

В какой-то момент своей жизни всякий человек обнаруживает, что *под ним* ничего нет, что все вокруг него, в нем самом — шатко и не прочно, что он падает, падает в пустоту, проваливается, как в дурном сне, в пропасть... И тогда от него зависит: продлится ли падение бесконечно, до самой смерти или — сменится свободным полетом.

В попытке слиться с какой-то ролью, растворить себя в маске, человек стремится предать себя, предать бесконечность в себе. Об этом предательстве не скажешь лучше, чем сказал писатель Хулио Кортасар в

романе "Игра в классики": "Он боялся предательства, предательства, которое случится, если он согласится на расклейку плакатов или какую-либо другую коллективную деятельность; предательства, которое примет вид приносящей удовлетворение работы, будничных радостей, успокоенной совести, сознания выполненного долга. Он знавал достаточно коммунистов и в Буэнос-Айресе и в Париже, которые способны были на многое, искупавшееся в их глазах их "борьбой", тем, к примеру, что посреди ужина им случалось вскакивать и бежать на собрание или выполнять какое-либо поручение. Общественная деятельность этих людей сильно смахивала на алиби или предлог, подобно тому как дети часто служат для матерей предлогом, чтобы не заниматься тем, чем стоит заниматься в этой жизни..."

Конечно, зрители часто отождествляют актера, сыгравшего удачно и выразительно какую-то роль, с этой ролью. Но, как бы актер не вжился в роль, эта роль — всегда не весь он и не совсем он, а лишь его маска, грань, лик, ипостась его. И сказать, что актер — это и есть его роль, — значит, унизить актера, сведя его в плоскость. Тут все сгодится: ярлыки, штампы, партии: "я, *как* революционер", "я, *как* русский", "я, *как* верующий" и т.д. !

Может быть, мне необходимо даже отдать свою жизнь, честно играя свою роль, но, ради Бога, не унижайте же меня, не говорите, что революционер или христианин или русский — это и есть *весь я* (учтите: это даже не совсем я!). Конечно, отождествить меня с моей ролью — удобно и для вас, и для меня. Ибо я — я сам — неуловим, неповторим, уникален и невыразим, неописуем. (Эту мысль, как никто, пронзительно,многообразно и всесторонне выразил в своей книге Штирнер). Истина Революции высока, нет слов; она *общая* — вбирает в себя кусочки и грани тысяч людей, но и нивелирует их в равнодействующей, — но *моя*, личная Истина — намного выше.

Главное — в человеке, в мире, в книге, в картине — всегда за кадром. Не следует забывать о том, что главное не пощупаешь и "не увидишь глазами" (Антуан Экзюпери). В кадре — плоскость, за кадром — бесконечность, неявленность, сокрытость Смысла.

Мое "я" всегда бесконечно больше, чем любая моя роль, маска, действие, статья, мысль, слово — поэтому-то "я" остается так никогда и не реализованной *бесконечностью*, а роли, поступки, слова и принципы — лишь *описки* этой бесконечности на плоскости жизни. Но, хотя это и так (принципиальная нереализуемость, невоплотимость в *адекватном* конечном нашего бесконечного "я" — одна из сторон человеческой трагедии), отождествлять "я" и свою роль, свою маску — самоубийственно.

Вечная драма человека — бесконечного в конечном: как, будучи всем, стать кем-то; как, будучи кем-то, не переставать быть всем, а не только этим кем-то? Как иметь *широкие* взгляды, но без бесхребетного индифферентизма; как иметь *определенные* взгляды, но без партийного сектанства? Как быть одновременно и *широким, и твердым*, — так, чтобы широта не вела к дряблости убеждений и параличу действий, а твердость не вела к узости взгляда? Каждый сам решает для себя эту общую проблему.

И, прежде всего, — как найти в той бездне, которая нам открывается внутри нас самих — точку опоры? Сократу его внутренний голос говорил только, *чего не делать*, но никогда не предписывал — что ему делать. Поэтому для начала можно хотя бы *не быть не собой*, не растворять, не топить себя в чужом, открывать, узнавать себя шаг за шагом. Чтобы понять — что есть "я", надо для начала понять — *что не есть "я"*. И тогда, быть может, наш резец срежет с глыбы мрамора все чуждые напластования и под ними проступят, наконец, очертания нас самих.

Утверждая что-нибудь, я утверждаю себя. Делая что-нибудь, я делаю себя. Узнавая нечто, я узнаю себя. Если же это не так — слова обесцениваются, звуки и знаки уходят в никуда, в бездонный колодец, а *меня нет*. А, раз меня нет, то мое (и моего Смысла) место в мироздании занимает крикливая, пестрая и аморфная пустота.

Удел личности трагичен. Потенциально способная стать всем, быть всегда, постичь все — она смертна, конечна, ограничена, обречена быть чем-то (кем-то) конкретным и, зная об этом, все же вечно катить в гору жизни свой Сизифов камень. Но, будучи незавершенной и несамодостаточной, будучи бесконечно одинокой и единственной, каждая личность нуждается для своего признания и самоосознания в других божественных и единственных личностях. Как поэтически выразился мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет: "Бог смотрит на меня глазами каждого человека". Или, как подчеркивал философ Мартин Бубер, человек — это не просто "Я", но — "Я" плюс "Ты". Без "Ты" "Я" не существую. "Я" не ведаю о себе. И вновь Ортега-и-Гассет: "Каждая жизнь — есть точка зрения на Вселенную... Нельзя смотреть на мир анонимным зрачком".

На пути познания и утверждения Смысла, Истины, Добра каждую личность подстерегают Сцилла рабства и Харибда произвола. Если человек признает, что *есть* некое *объективное* Добро, Бог, Смысл — и их можно познать, обосновать, доказать, если он позволит растворить себя в Прогрессе, Обществе, Разуме и прочих звучных фантомах, то получится, что личность и свобода — не нужны, что они — лишь детали, украшения, декорации, частности. Личность в такой ситуации понимается лишь как слуга и винтик, как воплощение и функция внеличностного Смысла, а свобода понимается либо как осознание фатальности ("осознанная необходимость" Спинозы, Гегеля и Маркса), либо как зло, отпадение, самообособление (так понимал человеческую свободу Августин). Добро, Смысл, понимаемые как нечто космическое, природное, объективное, божественное, надличностное, неизбежно исключают свободу и подчиняют личность, растворяют их в своем всеобъемлющем детерминизме. Это одна опасность, подстерегающая современного человека.

Противоположная опасность может быть названа "искушением свободой" — и ее не избежал Ницше и, отчасти, Штирнер. Это позиция, полностью исключающая всякие абсолюты, Добро, Благо вне воли субъекта, утверждающая, что "истина — лишь полезная ложь" (Ницше) и что каждый человек — сам есть *единственный* центр мира, смысла, истины. Если первая позиция ведет к конформизму, к саморастворению и самоубийству личности, то вторая — к ее самоизоляции, самообособлению и, как следствие, к ее бессилию и пустоте. Эта вторая позиция провозглашает вечную непримиримую борьбу человеческих воль, утверждение каждым себя за счет других — единственным законом мироздания. Но это также ведет к исключению личности и свободы. Крайний нигилизм, подобно крайнему конформизму,оборачивается в итоге деспотизмом и бесчеловечностью. Ведь, если есть *только* моя воля — нет общезначимого добра и зла, торжествует аморализм "законов джунглей". Если есть *только* мое познание — то других личностей нет, нет ни языка, ни любви, ни общения, ни общества. Если есть *только* моя свобода — то свобода отрицается и оборачивается привилегиями и иерархиями.

Две указанных позиции, возобладавшие сегодня в человечестве, требуют решительного отпора. "Истина есть, но не есть "это"" (В.С.Соловьев), то есть до конца никогда не познаваема и не открывается нам в своей полноте и глубине (она субъективна, а не безлична, и требует *диалога*). Добро есть, но не есть "скрижаль", не есть навязанное извне предписание. "Я" есть, но не есть роль или винтик. Люди одиноки, но солидарны в своем одиночестве, в своем смертном уделе, в своих поисках Смысла. Люди уникальны и единственны, но эта уникальность не только разделяет их, но и делает их

равными — равными в своей уникальности. Все причастны истине, но никто не владеет ею целиком. Именно эта парадоксально-промежуточная ситуация создает предпосылки для появления того самого *гуманизма*, о котором шла речь в самом начале этого "Письма".

Вот что противопоставляет Альбер Камю своему старому "немецкому другу", с которым они когда-то вместе констатировали "смерть Бога" и отсутствие изначального смысла в мире. "Немецкий друг", исходя из этой констатации, пришел к принятию "законов джунглей" и культа голой силы — стал фашистом. Камю пишет ему: "Я продолжаю думать, что мир этот не имеет высшего смысла. Но я знаю также, что есть в нем нечто, имеющее смысл, и это — человек, ибо человек — единственное существо, претендующее на постижение смысла жизни. Этот мир украшен, по крайней мере, одной настоящей истиной — истиной человека, и наша задача — вооружить его убедительными доводами, чтобы он с их помощью мог бороться с самой судьбой". Вот, по-моему, каковы основы сегодняшнего гуманизма, ведущего борьбу за личность и свободу на два фронта: против сверхличного объективизма и абсолютизма, помогающего человеку "бежать от свободы" в капиталистский конформизм и растворяющего его в бесчеловечных призраках — и против личного произвола и релятивизма, отрицающего людскую солидарность и всеобщую ценность свободы и равенства. Это та прочная и единственная основа, на которую мы можем опереться, если не хотим быть прожектерами в розовых очках и, вместе с тем, не желаем предать наши старые анархические знамена.

5

Теперь зададимся такими вопросами: "человек" и "личность" — как соотносятся эти понятия? Каждый ли человек является личностью? И можно ли говорить о "человеке вообще", что он хорош или, напротив, плох?

Попробуем разобраться. Личность — нечто свободное, активное, творческое, уникальное, парадоксальное — то загадочное нечто, что делает всех нас разными и — равными в своей разности и уникальности. Личность — состоявшийся, воплотившийся «человек»; человек — потенция «личности», заложенная в каждом из нас. Человек — существо, потенциально способное стать личностью. Человек — не «идея», не «фантом», не «абстракция», но родовая динамическая потенция, предполагающая воплощение в единичной и неповторимой личности. Следовательно, уважать в каждом человеке следует не только уже состоявшуюся личность, но его потенцию стать личностью. Именно на это намекал Достоевский своим романом о Раскольникове, вообразившем, что он вправе решать, какой человек является личностью, а какой — нет.

Именно об этом прямо говорил Кант своим «категорическим императивом» (каждый человек — непостижимая «вещь в себе»; никто не может относиться к другому *только* как к средству, но хотя бы отчасти — как к цели). Но, пожалуй, наиболее отчетливо и явно эту мысль сформулировал Михаил Александрович Бакунин. Позволю себе привести обширную цитату из работы Бакунина — она того стоит: «Вся человеческая нравственность... всякая коллективная и индивидуальная мораль покоится главным образом на *уважении* к *человеку*. Что подразумеваем мы под уважением к человеку ? — Признание человечности, человеческого права и человеческого достоинства в каждом человеке, каковы бы ни были его раса, цвет кожи, уровень развития его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человека, если он глуп, злобен, достоин презрения ? Конечно, если он обладает этими качествами, то невозможно, чтобы его подлость, тупоумие, грубость вызывали мое уважение, они мне противны и отвратительны; я приму против них, в случае надобности, самые энергичные меры, и даже убью этого человека, если у меня не останется других средств защитить мою жизнь, мое право или то, что мне дорого и мною уважаемо. Но во время самой решительной, ожесточенной и в случае необходимости смертельной борьбы с ним я должен уважать в нем его человеческую природу. Только этой ценой я могу сохранить свое собственное человеческое достоинство».

Замечательные слова ! Каждый человек — потенциальная личность, и каждого нельзя судить *только* за то, чем он уже стал; но надо уважать в каждом его творчество, его невыразимость, его способность выйти за рамки, превзойти себя и поменять роли, одним словом, — его *свободу*. «В каждом ребенке убит Моцарт» (Антуан Экзюпери). Каждый может преобразиться, каждый до конца непредсказуем — следовательно, все люди в своих бесчисленный обличьях — равны и равноценны. Так одна бесконечность равна другой.

«Человек вообще» не «разумен», не «плох», не «хорош», как полагали раньше — он вообще не обладает какой-то устойчивой и общей сущностью. Все, что можно о нем сказать, это то, что он *свободен*, что он может стать личностью. Высказывание: «кто был ничем, тот станет всем» — можно понимать буквально, не только в социальном, но и в метафизическом смысле.

Еще одна — и на этот раз, кажется, последняя — цитата из работы Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (мы вправе были бы назвать ее и так: «Экзистенциализм — это анархизм»): «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и Бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать». Вывод Сартра таков: «Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответственен за то, что он есть».

Мы можем сказать, что человек — это белый лист бумаги, на котором его свобода пишет контур его личности, его судьбы. «Человек» — то условие, что объединяет нас всех, та основа, без которой не было бы ни свободы, ни личности. Это не цель, к которой надо стремиться, не совершенный род, не сверхличный кумир (тот кумир, которым наивно восхищался Фейербах и которого не уставал сокрушать Штирнер). Человек ни плох и ни хорош — он свободен. Добро и зло вырастают из этого, как из своей предпосылки. И когда мы говорим о *человечности*, о гуманизме, мы должны ни восторгаться величием и совершенством «человека вообще», ни ужасаться таящимся в нем безднам зла и эгоизма, но лишь констатировать эту человеческую свободу и ответственность.

То, что христианство именует «грехом гордыни», имеет свою истину. Эта истина заключается в стремлении тянуть людей — в моем лице — вперед, отрицать право людей — в моем лице — быть жалкими и ничтожными, в попытке *сбыться* и стать личностью. Ложь же и неправда «гордыни» очевидна — не случайно это первый из смертных грехов — они: в отрыве себя от людей, от универсального смысла, от любви.

Признание за «человеком» некой постоянной и внечеловеческой «сущности», заданной извне (будь то универсальный «Разум», как у просветителей или же изменчивая «совокупность общественных отношений», как у Маркса) — исключает самоценность и свободу человека. Человек — актер, потенциально способный сыграть тысячи ролей: злодеев и героев, примеривать на себя любые «принципы» и порой вовсе отказываться от «принципов» и «взглядов». Человек — динамичен, он находится в вечном становлении, он, говоря словами Сартра, «есть то, что он не есть, и не есть то, что он есть», то есть несамотождественен или, говоря проще, способен к свободе и творчеству.

Теперь, понятно, как следует нам относиться к любым «статичным», застывшим оценкам «природы человека». Если сказать, что человек *по природе зол* (или грешен) — то из этого логически следует обоснование вечности палки и кнута, господства и подчинения (так делают, например, христиане и либералы). Если, напротив, в противовес этому признать, что человек *по природе добр* (как думали Фейербах, просветители ХУ111 века и социалисты Х1Х века), то из этой констатации вытекают два печальных следствия. Первое следствие — слепой оптимизм, дорого стоивший человечеству в XX веке, обожествление человека, как уже *состоявшегося*, уход от реальности и роковое столкновение с таящимся в человеке злом — вслед за чем наступает дискредитация такого взгляда и возврат к прежнему пессимистическому воззрению на человека. Второе следствие, еще более печальное, — это самодовольный этический конформизм, снятие с людей всякой ответственности за их поступки. При этом подходе все добро будто бы исходит из человека, а все зло — извне, например, от дурно организованного общества, государства, от среды; человек же ни за что не отвечает, он хорош, он ни при чем. Говоря: «этот человек плох *потому что* общество плохо и только поэтому», — мы исключаем человеческую свободу и ответственность и, вместо того, чтобы заступиться за человека, отступаемся от него.

Вообще, если признавать *природу* человека заданной и неизменной, то возможна еще и третья позиция: одни люди — «от природы» добры, другие — «от природы» злы. Но и это ничего в сущности не меняет. Как и в первых двух случаях, ничего нельзя изменить в этом порядке вещей, поскольку люди, желающие и «достойные» быть свободными — уже таковы, а нежелающие — рабы навечно (либо, как говорилось, во всем «виновата» неправильно организованная общественная среда, и личности не за что отвечать).

И лишь понимание человека *как свободы*, как *потенции*, как *проекта*, который сам себя задает и реализует, сам себя выбирает и творит, — ведет именно к трезвости взгляда, к признанию ценности *каждого* человека и, главное, — к активной и ответственной жизненной позиции. Уважать, любить людей, но *не* идеализировать их, как *уже* «состоявшихся» и, напротив, не ставить на них крест, как на не способных *никогда стать кем-то*, — но любить и уважать в них то, что в них *есть и может стать, воплотиться* — таковы выводы из намеченного здесь взгляда на человека и личность.

Теперь понятно и то, как ответить на вопрос, часто задаваемый анархистам: «Значит, вы хотите освободить народ, который сам не хочет свободы ?» Сказать: «да, хотим» — значит уподобиться мессиям, насильно тянущим людей в рай: таков авангардизм большевиков и патерналистский взгляд просветителей — «воспитателей» народа. Сказать: «нет, не хотим», — значит, признать рабство человечества вечным, естественным и неизбывным. Мне кажется, следует именно *помогать* людям — пусть они не хотят сегодня свободы. Они могут просто *не знать* своей несвободы, а также не знать — *какова свобода* — как не знала своей несвободы и не знала, какой может быть свобода, Вера Павловна в начале романа Чернышевского, как не знали этого многие крестьяне в эпоху крепостного права или как не знает этого современная жертва «общества зрелища», слепо доверяющая телеящику. На всех этих людях нельзя ставить крест, так как они *динамичны*, изменчивы, не окончательно плохи и не окончательно хороши. Но и обожествлять их, считая, что *они уже вполне хороши сейчас* — слепота и наивность. Не следует пытаться их воспитывать, совершать над ними насилие и вообще относиться к людям, как к малым детям или к объектам для манипуляции. Следует относиться к ним именно как к *людям* — то есть существам свободным, равным нам, способным заблуждаться и прозревать, совершать подлости и геройства, способным к самоопределению и к самодетерминации. По крайней мере, если нам кажется, что мы можем помочь им, показав им какие-то ныне невидимые им тюремные решетки и веревочки, за которые дергают марионеток в нашем общественном театре, а также показать им возможные горизонты свободы, то мы должны сделать это, что отнюдь не равносильно навязыванию своей воли (хороший пример этого дан в том же романе Чернышевского).

Итак, повторим: герой может перестать быть героем, и трус может перестать быть трусом в силу того, что люди по природе своей не плохи и не хороши, но — *свободны*. И ничего не предначертано заранее и окончательно — ни *кем* нам быть, ни *как* нам себя вести, ни — *куда* себя вести. Человечество делает свой выбор — через каждого из нас — каждый день, каждый час.

6

Уникальность каждого человека не противостоит общечеловеческому единству и солидарности, но, напротив, предполагает их. Н.А.Бердяев заметил по этому поводу: «Универсальность отдельного человека мы понимаем не через отвлечение общих нам человеческих свойств, а через погружение в его единичность».

Ни анархизм, ни гуманизм вообще невозможны без признания факта принципиальной множественности человеческих смыслов, ценности другого человека именно как *другого*, — не как абстрактно-всеобщего, объективно-безличного, анонимного, но именно как неповторимого, единичного, личного человека. Природа ведь бедна личным, индивидуальным, неповторимым, и каждому из нас суждено привносить в этот мир нечто свое, освещая темный мир своим внутренним смыслом.

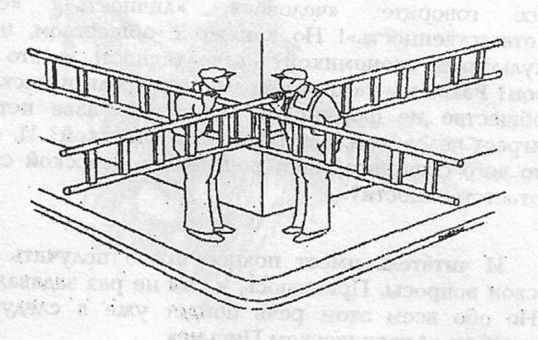
Стремление к бездушной «объективности» и унифицированности людей ведет к их обесчеловечиванию, исключает всякий *диалог*, делает людей неинтересными и ненужными друг другу. Если бы в каждом из нас не было ничего общего с другими, ничего объединяющего, мы были бы безразличны друг другу. Но, точно также, мы были бы не нужны и чужды друг другу, если бы были абсолютно схожи и тождественны. Наша разность и — общность нашего трагического смертного удела — вот основа подлинной человечности. Анархисты не хотят свести всех людей к одному знаменателю — пусть даже и к анархическому, — именно потому, что ценят в других людях и в самих себе своеобразие и неповторимость. Поэтому в высшей степени неверно было бы считать анархизм партийным мировоззрением. Анархизм по определению беспартиен и антипартиен. И эта беспартийность анархизма обусловлена не просто конкретными политическими причинами: отрицанием борьбы партийных бюрократий за власть над обществом. Корни беспартийности анархического мировоззрения намного глубже.

Всякий партийный человек подходит к людям с нехитрой меркой: свои-чужие, правильные-неправильные, уже завербованные и еще несознательные. Принцип партийности прост: «если вы такие умные, то почему строем не ходите?» Партийность выдает часть за целое, фрагмент действительности представляет в виде Абсолютной Истины, все и всех сводит к одному, распинает мир и людей на своем прокрустовом ложе. (Нечего и говорить, сколь огромную роль здесь играют узость взгляда, своекорыстие, слепой фанатизм, инстинктивное нежелание свободы и неверие в возможность непредвзятого и широкого видения ситуации). Костыли партийности калечат людей, убивая их свободу и солидарность, раскалывая человеческое единство и исключая ценность самобытной личности. Но партийность сама по себе является лишь следствием чудовищной расколотости мира современного человека,

утратившего цельное представление о себе и других людях.

Вернемся к обозначенным в первом «Письме» двум основным направлениям классического анархизма X1X-го века: социалистическому и индивидуалистическому. Эти два течения в анархической мысли отражают два этапа в современном понимании личности, две половины одного целого. Если первоначальным завоеванием человеческого духа XV111–X1X веков была идея *универсального человека*, идея общности, равноценности, равенства и глубокого тождества всех личностей — независимо от их социального, сословного положения (при этом подчеркивалась прежде всего *разумность* человека, всеобщая объективная биологическая и социальная обусловленность всех личностей), то позднее на передний план вышла идея *уникальности, отличия, своеобразия* каждой личности, ее неповторимой субъективности и способности к свободе и творчеству. Если первоначально свобода личности понималась, по преимуществу, как *свобода от* — от всяческих внешних рамок, ограничений и авторитетов, то затем пришло понимание важности *свободы для* — свободы, как возможности самовоплощения, как выражения неповторимого своеобразия каждой личности. «Я выбираю свободу быть просто самим собой» (А.Галич).

Революции конца XV111 века принесли великую идею универсальных «прав человека», идею изначального равенства всех людей. Именно на этой идее, на этом фундаменте основывались все конкретные «свободы», все «декларации», все республики и демократии. Но у этой идеи была и оборотная сторона (как всегда случается в жанре полемики): равенство людей понималось плоско, одномерно; в борьбе с феодальной иерархией было выброшено за борт рыцарское благородство, дворянская честь, *различия* между людьми; равенство было фетишизировано и абсолютизировано, а отличия задвинуты на задний план, объявлены незначительными и подозрительными. В центре мировоззрения Нового Времени встали единый для всех Разум, единая логика, единая наука. Реакцией на эту одностороннность явилась другая односторонность: протесты со стороны Штирнера, Ницше, Ортеги-и-Гассета, указавших на всеобщую нивелировку современного «восстания масс», как на страшную опасность, угрожающую человечеству. «Люди *не* равны!» — подчеркивали эти мыслители -- столь же односторонне и полемически, сколь односторонним и полемическим был эгалитаризм просветителей и деятелей великих революций Нового Времени. Оспаривая равенство людей, понимаемое ими как нивелировка, стандартизация и царство пошлости или казармы, Штирнер абсолютизировал человеческую уникальность и изолированность, а Ницше и Ортега-и-Гассет во многом вернулись к средневековой кастовости, элитарности и иерархичности. Наконец, пришли большевики и фашисты, которые, отвергнув либеральную идею «прав человека», как чересчур абстрактную, формальную и лицемерную, выдвинули на передний план: одни—права класса, другие—права нации.

Все эти тупики и искушения на историческом пути человечества, возможно, были неизбежны. Однако из громадных ошибок и чудовищных преступлений прошлого сегодня следует извлечь уроки.

На мой взгляд, современное гуманистическое, либертарное мировоззрение, обращаясь к проблеме личности, не может игнорировать обе стороны проблемы, которые долгое время существовали в анархической мысли порознь и, как будто, даже противостояли друг другу. На основе признания равной ценности каждого микрокосма, на основе обеспечения гарантий для равного развития каждого — прийти одновременно к реабилитации единичного, уникального, личного начала, синтезируя индивидуалистическую правду Штирнера с социалистической правдой Прудона и Кропоткина — таким, по моему мнению, должен быть сегодняшний подход анархизма к проблеме личности. Необходимо перейти от идеи отстаивания «прав человека» — безличного, всеобщего, универсального, преимущественно юридически понятого — к отстаиванию «прав личности» — живой, единичной и принципиально не укладываемой ни в какие общие социологические схемы.

Политическое равноправие и социальное равенство — великие лозунги либерализма XVIII века и социализма XIX века, не могут быть «отменены» и проигнорированы современным анархизмом. Однако следует идти дальше и, вслед за Штирнером и Боровым, осознать, что воплощение в жизнь этих лозунгов есть лишь «альфа», но никак не «омега» анархического мировоззрения (синтезирующего и последовательно развивающего в себе лучшие стремления либерализма и социализма), что само по себе совершенствование общества не приведет автоматически к разрешению всех проблем личности, что, наряду с общечеловеческим (общеклассовым, общенациональным), социально обусловленным и предсказуемым, рациональным началом, личность содержит в себе также и начало собственно личное — творческое, уникальное, непредсказуемое. Как замечательно писал Алексей Боровой: «Это «я», самостоятельно волящее и действенное и превращает былинку, атом, подробность мироздания в самостоятельную цель, центральный узел мировых загадок, средоточие мира... Самой несокрушимой власти, самому бесспорному авторитету, самой полной коллективной правде личность может противопоставить свое «я» — иррациональное, не укладывающееся ни в какие схемы, недоказуемое никакой логикой, но единственно правое в требованиях своей личной совести и потому всемогущее, непреоборимое».

Разумеется, преувеличивать значение и могущество этого личного начала не следует, но еще менее возможно игнорировать его. Вопреки Штирнеру, необходимо признать, вместе с Годвином, Прудоном и Кропоткиным, что все люди изначально *равны*, но, вопреки Годвину, Прудону и Кропоткину, необходимо также признать, вместе со Штирнером, что все люди *изначально не равны* — их невозможно измерить по единому ранжиру, перед лицом вечного и неизменного Разума или Науки.

Человек противоречив по самой своей сущности, и потому констатация изначального равенства людей и, одновременно, их изначального неравенства, их социальной обусловленности и их свободы, на мой взгляд, является необходимой предпосылкой анархического мировоззрения, не желающего впадать ни в «гуманистическую» безликость, ни в «индивидуалистическую» антигуманность. Любовь *только* к конкретным людям, равно как и любовь *только* к «человечеству вообще» означает крушение реального гуманизма, который чтит во *всех* людях их потенциальную и актуальную личностность и единственность.

Безудержный культ отдельной изолированной личности, готовой утверждать свои безграничные притязания, вопреки всему обществу и за счет свобо-

ды других личностей, на деле оборачивается и деспотизмом, и самоотрицанием этой личности. Но и безграничное превознесение общества (пусть даже самого свободного и гармоничного), сводящее личность к роли простого винтика и органа в общественном организме, вера в возможность ликвидации антагонизма между личностью и обществом, приводит к безличности общества и порабощению личности, к маниловской утопии или якобинско-большевистской казарме.

7

До сих пор речь шла или об отдельной личности, или о человечестве в целом, о соотношении уникального и универсального в людях. Но как же дело обстоит с промежуточными группами, реально объединяющими реальных людей, такими как: народы, классы или полы? Ведь именно из этого, фактически существующего деления, рождается ненавистная анархизму партийность, а также все виды сегрегации и угнетения людей. Можно ли и нужно ли совсем исключить это деление людей на группы? Или, напротив, необходимо выдвинуть это групповое деление на передний план, отвергнув как ценность единичной «личности», так и абстрактного «человечества»?

Весь мир современного человека расколот на фрагменты. Давно отказавшись от цельного видения, потеряв почву под ногами, индивид стремится, подобно зверю, прибиться к какой-нибудь стае, обрести четкое и понятное деление на «своих» и «чужих». И эту расколотость активно используют и усугубляют все партийные идеологи, натравливая народ на народ, класс на класс, пол на пол, выдавая относительные, преходящие и частные различия за нечто абсолютное и вечное. Власти и партии развивают в людях страх, ненависть и подозрительность в отношении тех, кто имеет иное социальное положение, иной пол, иное образование, иные религиозные взгляды, в чьих жилах течет кровь иной национальности. Государства уничтожают и подавляют живых людей, разделяют народы непроходимыми границами, сталкивают между собой армии. Мир разделен тысячами рубежей и барьеров, части единого организма человечества расколоты, отчуждены друг от друга, люди не понимают и боятся друг друга, теряя в этом стадном инстинкте, в этой ролевой игре, в этом животном страхе и свое личное своеобразие и понимание общечеловеческого единства. Именно на это абсолютизирование групповых различий, отрицающее ценность личного и общечеловеческого, делали ставку и фашисты с их нацизмом, и большевики с их обожествлением классовой принадлежности, и религиозные фундаменталисты, и сексисты, и многие, многие, которым нет числа и имя кому — легион.

Раскол мира, раскол человечества носит не только внешний характер. Современный «одномерный человек» чудовищно расколот внутренне и давно утратил как связь с человеческим целым, так и со своим собственным «Я». Помимо узкой партийности важнейшим симптомом указанной болезни служит крайняя «специализация» современных людей. Ещё в XIX веке многие мыслители, например, Маркс или Михайловский, с тревогой указывали на ситуацию, когда человек современного общества развивает в себе одну какую-то узкую способность: одну «извилину» в голове, одну «мышцу» в организме и тем самым утрачивает самого себя. Последовательно проведенный культ «специализации» неизбежно ведет к тому, что отдельная личность утрачивает свою цельность, гармоничность, самодостаточность и оказывается в итоге фатально не способной к свободе и столь же фатально обреченной на манипуляцию и подчинение власти «специалистов». Эта «специализация» в конце концов начинает (буквально!) означать то, что *кто-то* в обществе *отвечает за мою совесть, за мою мысль,* точно так же, как врач «отвечает» за мое здоровье. В итоге становится нормальным и общепринятым мнение о том, что мораль — дело моралистов, человечность — дело антропологов, смех—дело юмористов, философия — дело философов, подобно тому как кролиководство — дело кролиководов. Что же удивляться заявлениям, подобным такому: «Академик Сахаров — совесть нации» (подразумевается: он отвечает и за *мою* совесть, пусть за всех расплачивается, ему положено). По-моему, не требует пояснений, к чему ведет подобная расколотость личности, взаимосвязанная с расколом общества. Люди словно живут в разных мирах, словно говорят на разных языках.

Лишь осознание чудовищности этой ситуации, стремление личности к обретению самой себя, а людьми — общечеловеческого единства, способно изменить ситуацию и предотвратить окончательное вырождение человечества.

Следует ли понимать сказанное, как призыв к абсолютному отрицанию национальных, религиозных, половых различий? Вовсе нет! Именно разнообразие групп и ролей делает каждую личность неповторимой, культуру человечества — многоцветной и разнообразной. Человек становится *личностью* не *вопреки*, но *благодаря* своему полу, нации, конфессии, подобно тому как актер растет в многообразии сыгранных им ролей. Как отрицание этих «видовых» различий во имя «абсолютной человечности», так и их отрицание во имя пустой и бессодержательной «единственности», вело бы на деле и к абсолютной бесчеловечности, и к абсолютной безликости. (Иное дело — социальное, классовое неравенство, с которым необходимо бороться).

Гуманизм и анархизм рубежа третьего тысячелетия не могут быть слащавыми, декларативными, самодовольными, слепыми и односторонними — точно и не было двадцатого века. Мы должны посмотреть на вечные вопросы, исходя из опыта нашего столетия — неважно, будем ли мы считать эту точку отсчета вершиной или пропастью. Борьба за индивидуальность невозможна вне борьбы за человечность; свободная личность невозможна вне свободного общества, но несводима к нему; нации, конфессии и гендерные (половые) группы имеют право на существование, но не имеют право быть чем-то, стоящим над личностью и противостоящим человечеству — таковы те основные выводы, которые следует сделать.

Что означает знаменитое положение экзистенциальной философии: «существование предшествует сущности»? Ничего, кроме того, что человек свободен, уникален, динамичен, что он — сперва *есть*, а уже потом—добрый или злой, и при этом каждый отвечает за свое добро и зло. Значит, никакие суждения о «человеке вообще», как застывшей сущности, или даже окончательное суждение о каждом конкретном человеке, сводящее его к какой-то одной его роли, функции, состоянию, маске — недопустимы. Люди уникальны, люди до конца непостижимы, и люди свободны. Сегодняшний злодей может завтра превратиться в святого, и наоборот. Вот та истина, из которой анархизм, как и любое честное мировоззрение, сегодня не может не исходить.

«Но позвольте, — — возразит читатель, — — Вот вы все говорите: «человек», «личность», «свобода», «ответственность»! Но как же с обществом, историей, культурой, экономикой? Разве личность — это Робинзон? Разве мы сами выбираем свои роли и маски? Разве общество не формирует личность? Разве история не играет человеком, как река — соломинкой? И, если так, то чего стоят все ваши речи о человеческой свободе и ответственности?»

И читатель имеет полное право получить ответ на свои вопросы. Признаюсь, я сам не раз задавал их себе. Но обо всем этом речь пойдет уже в следующем — третьем «Анархическом Письме».

ВЕЛИК ЛИ ЭТО ОТКАЗ?

Вместо статуй будут урны в революции культурной...
В. Высоцкий. (песня о культурной революции в Китае)

В отличии от Старых Левых, которые, несмотря на все свои провалы, были частью вековой исторической традиции, эпохи, Новые Левые скорее казались изолированным островом истории...
Мюррей Букчин.(«Реконструкция будущего общества»)

Недавно я прочел анархо-психоделический журнал "Трава и Воля", и мне вдруг захотелось поделиться с читателями некоторыми своими соображениями. Впрочем, не вдруг. И дело здесь не только и не столько в этом журнале. Уже довольно давно мне хотелось написать что-нибудь подобное, но было как-то в лом. Данные заметки носят отнюдь не пропагандистский характер. Оставайся, ради бога, при своем мнении дорогой читатель, если конечно оно (мнение) у тебя есть. О чем пойдет речь? О судьбах анархистского движения в России? По-видимому, да.

С одной стороны нельзя не признать, а с другой нельзя не отметить, что идея анархизма, ориентированного на изменение существующего общества в России провалилась (во всяком случае, на европейской части России). После того как развалилась КАС, а ее лидеры подобно подавляющему большинству перестроечных неформалов с увлечением принялись делать карьеру в институтах Системы, в анархическом движении остались за редким исключением одни только "волосатые" контркультурщики. Тоже самое можно сказать и о большинстве новых людей, влившихся в движение в 90е годы. Не подлежит сомнению, что эти люди донельзя радикальны и контркультурны. Речь в данном случае идет не об анархоэкологизме, коммунах и прочих политических проектах, а именно об определенной ценностной ориентации. Весь российский анархизм сегодня можно рассматривать как некую контркультурную тусовку, которая время от времени занимается политикой. На самом деле, политические и околополитические проекты это уже вещи производные, непосредственно вытекающие из вышеупомянутой системы ценностей, в той же мере, как скажем и употребление в совершенно некондиционных количествах алкоголя и некоторых других внешних возбудителей, дающих «власть воображению». Отрыв от социума, обособленность и неизбежная замкнутость контркультурной среды породили феномен "анархистского гетто", враждебно относящегося к окружающему миру (Один мой знакомый из числа "Хранителей Радуги" как-то заметил: "я не социалист, и мне наплевать на общество, о котором вы все время говорите", а на вопрос, зачем создавать экокоммуны, ответил так: "я за..ся здесь жить"). И надо заметить, что вопреки известному утверждению - "Россия это родина слонов", здесь мы, увы, не являемся пионерами. Ибо такова судьба всех известных либертарных проектов, выросших из контркультуры.

Сразу же замечу, что отечественные проекты можно (можно ли?) называть либертарными лишь с очень большими натяжками. Вождизм (одна немецкая автономка сравнила "Хранителей Радуги" с маоистским комсомолом, из которого она 20 лет назад благополучно сбежала), чудовищные, несоизмеримые с масштабом движения и потому карикатурные амбиции, постоянные скандалы с распределением грантов (я не чистоплюй, если движению позарез нужны деньги, можно добывать их и таким способом, но зачем же при этом стулья ломать?), непрерывные личные склоки, все это вместе взятое делает современный российский анархизм явлением невыразимо неприятным. Я уже не говорю о таком широко распространенном явлении, как "анархистские" тусовки, члены которых готовы делать вообще все что угодно, вплоть до поедания кошек, и дружить с кем угодно, вплоть до нацистов и сатанистов. В то же время, это вполне закономерно. Постараюсь объяснить, что я имею ввиду. Я не стану скрывать своего глубоко негативного отношения к контркультуре. Тема это большая, но если вкратце, то сама постановка вопроса вызывает у меня, по меньшей мере, сомнение. Как вообще культура может быть - "контр"? Что это за культура, которая изначально, по определению направлена *против* чего-либо, что и является ее "здоровой" основой? Что это за культура, которая изначально предназначена для решения каких-то политических задач? Вздор - рассматривать культуру как инструмент, для решения политических проблем. Здесь имеет место странная подмена понятий. Культура (если, только, это подлинная культура) не вне политики, она над политикой, она объемлет все и вся, включая и политику, и служит целям глобальным, о которых вообще не следует говорить всуе. Но думается, объяснять подобные вещи бессмысленно. Умный человек в этом не нуждается, а глупый вообще не поймет никаких объяснений. Идеологи контркультуры - любители авангардного искусства из рок клубов обожают маркузианский термин - "Великий Отказ". Вот только понимают они под этим термином совсем не то, что имелось в виду первоначально. "Традиционные образы художественного отчуждения ... эстетически не совместимы с развивающимся обществом, но именно эта несовместимость является знаком их истинности... То, о чем они напоминают и что сохраняют в памяти, связанно с будущим: образы удовлетворения, способные разрушить подавляющее их общество... Можно наугад привести примеры из лексикона литературы, указывающие на размах и родство этих образов и открытого ими измерения: Душа, Дух, *поиски абсолюта*, Цветы Зла, Пьяный корабль... Уже одно перечисление этих образов делает очевидной их принадлежность к утерянному измерению... В ритуальном или ином виде искусство содержало в себе рациональность отрицания, которое в наиболее развитой форме становиться Великим Отказом - протестом против существующего."(Герберт Маркузе. "Одномерный человек") Подлинное искусство, по мнению Маркузе это "Воздух с других Планет", иное измерение человеческого сознания, вырывающегося за границы обыденного. А политика, это, в конце концов, всего лишь политика. Что толку, кричать на музыкальном концерте, что вы против государства? Согласен, политически это может быть и не плохо, но причем здесь музыка? Для меня является очевидным, что никакие либертарные общественные преобразования невозможны без радикальных прорывов в области культуры, без культурной революции (разумеется, речь идет не о маоистской "культурной революции"). Но это не имеет никакого отношения к тому, что принято называть контркультурой. На сегодняшний день контркультура только тормозит подлинный культурный прогресс, воспитывая у своих почитателей не эстетический, а, если так можно выразиться, антиэстетический вкус.

К вышесказанному следует добавить, что современная отечественная контркультура фашизируется стремительными темпами, тоже самое соответственно происходит и с тусовками, вращающимися вокруг рок клубов. Не для кого, например, не секрет, что большинство московских скинхедов были в недавнем прошлом

панками. Уже одно это ставит под сомнение перспективы политической работы в данной среде. Но на наших активистов подобные аргументы не действуют, ведь они сами вышли из той же самой среды и принимают близко сердцу все, что в ней происходит. Вряд ли можно считать случайным и то обстоятельство, что многие бывшие активные анархисты сегодня являются не менее активными фашистами, у всех, кто хотя бы отдаленно знаком с ситуацией, на слуху такие имена как Д. Жвания или А. Цветков. А один довольно активный участник московской анархотусовки, имени которого я не хочу называть, дабы это не выглядело, как политический донос, как-то сказал следующую вещь: "политические разногласия с Цветковым (ныне редактором Лимонки. - прим. автора) для меня и некоторых моих друзей не принципиальны, и мы продолжаем с ним общаться, не смотря ни на что. *Ведь мы говорим с ним на одном и том же языке"*. В то же время, контркультурщики с нескрываемой ненавистью относятся к окружающему их миру. Из подобного мироощущения рождается изоляционизм, стремление оттородиться от общества глухой стеной. Я уже говорил, что все либертарные проекты, связанные с контркультурой, рано или поздно загибались. Ну как же, скажут мне, а немецкие автономы? Ну во первых, друзья, вы немецким автономам не чета. Вы, прежде чем говорить, посмотрите на них и на себя, благо теперь, после установления прямых контактов между Москвой и Берлином, это стало возможно. Если кто-то не понял, то вот вам еще "фишка", вы хоть раз видели, что читают немецкие автономы? Какие издания наиболее популярны у автономно-анархистской "сцены"? Правильно - "Радикал", "Шварцен Фаден", "Интерим". Речь идет о журналах обьемом от 20 до 200 страниц, где наряду с публицистическими и хроникальными заметками, публикуются большие теоретические и аналитические статьи. Разумеется, у автономов есть множество изданий: от солидных журналов до газет и листовок, но нет ничего подобного "Черной звезде". Даже у тех автономов, которые считают себя маоистами (а таких меньшинство). И даже если где-то и есть что-либо подобное (в чем я сильно сомневаюсь), то огромное большинство автономов просто не станет читать такую гадость. Ну, а какое издание является (вернее являлось) самым популярным у современных русских анархистов? Правильно, "Черная звезда" - радикальный журнал неопределенной ориентации, призывающий синтезировать ультраправую и ультралевую идеологию (см. например, "Ч.з." 1994г. N 4(11) , статью господина Михневского "Ностальгия по коктейлю Молотова"), зато донельзя контркультурный. Само по себе, это уже говорит о многом. Во вторых немецкое автономное движение находится в кризисе, об этом говорят практически все его участники. А причина кризиса в том, что автономы так и не сумели выйти за пределы леворадикального контркультурного гетто, так и остались полностью "автономным" от общества, а, следовательно, маргинальным движением. Радикальное движение только тогда может стать серьезным политическим фактором, когда оно напрямую связанно с общественными инициативами, да, да со столь ненавистными многим альтернативщикам цивилами (кстати, сегодня большинство немецких автономов это понимает). Если это есть, то все остальное приложится, если этого нет, то движение обречено на поражение, даже если в нем в какой-то момент принимают участие десятки тысяч людей. А вот испанским автономам, по видимому, удалось нащупать пути возможного выхода из гетто, когда они вошли в контакт с независимыми рабочими инициативами и организовали либертарный профсоюз "Рабочая солидарность". Наконец, панки - это одно, а автономы - совсем другое, между этими двумя течениями существуют серьезные противоречия и не следует думать, что, мол, немецкие автономы - те же панки.

Я не стану скрывать и своего отрицательного отношения к идее "исхода" т.е., фактически, бегства из существующего общества. Подобные эскапистские проекты кажутся привлекательными лишь на первый взгляд. Даже если в кратковременной перспективе участники движения сумеют извлечь из них какую-то пользу лично для себя, то в долговременной перспективе альтернативизм лишен смысла. Почему? Потому что в отличии от альтернативистско-коммунарских проектов, капитализм глобален, агрессивен, всегда стремится к экспансии, к расширению, и никогда не останавливается на достигнутом. Когда вы отступаете, он наступает. Такова его, капитализма, природа. Это азы. И если анархисты не будут стремиться изменить существующее общество, то тогда, рано или поздно, существующее общество изменит их. Уходите, убегайте от него хоть на Кавказ, хоть в Сибирь, хоть на Камчатку, через 5, 10, или 20 лет оно достанет вас и там. Да и не следует обманывать себя. На нынешнем этапе вряд ли можно всерьез говорить о коммунах, слишком уж авторитарны и эгоистичны современные российские анархисты в повседневной жизни . Только слепые могут этого не видеть. (Разумеется, я не хочу этим сказать, что я, мол, менее авторитарен и эгоистичен, чем другие.)

Особый разговор об экологическом движении. В Германии в нем в недавнем прошлом участвовали сотни тысяч людей. Но где все это теперь? Осталось лишь движение против захоронения ядерных отходов в Горлебене, и еще несколько экологических инициатив. Неутешительный, но тоже вполне закономерный итог. Для того чтобы разобраться с этим вопросом, следует ответить на другой, а именно - какие вообще цели преследуют экологические движения? Правильно, избавиться от вредных с экологической точки зрения промышленных объектов, защитить природу и, в самом радикальном варианте, построить на базе экологических инициатив альтернативную экономику, антагонистическую по отношению к экономическим структурам капитализма и, даже, целое альтернативное общество. Все это замечательно. Но нужно иметь в виду, что жизнь человека в условиях капитализма неизбежно раскалывается надвое, и проистекает в этих двух различных сферах по разному. Это, конечно же, сфера труда и сфера свободного времени. Не случайно пик экологических движений пришелся на 70е годы - период расцвета западного капитализма. Это было время стабильности, время, когда существовали мощные институты социальной поддержки, социальное партнерство между капиталистами и официальными рабочими организациями. В этих условиях у значительного числа социально активных людей появилась возможность направить всю свою энергию на решение проблем, связанных со сферой досуга, например принимая участие в экологический протестах, в экологических гражданских инициативах. Одновременно высокий уровень доходов позволял вкладывать часть накоплений в различные альтернативные экономические проекты. В какой-то момент число участников этих движений и проектов в ФРГ приближалось к нескольким сотням тысяч (много, конечно, но для страны с населением 60 миллионов человек - это капля в море). В то же время даже такие несомненные сторонники идей альтернативного общества, как, например, Горц, Ильич, или Эллюль, отдавали себе отчет в том, что возможности подобных проектов и движений сильно ограничены, потому что они на 100% опираются на использование сферы свободного времени и никак не связаны со сферой общественного производства. Почти никто не рассчитывал изменить таким способом общество в целом. Действительно, крайне маловероятно, что большинство населения такой страны как Германия (или, тем более Россия) вольется в какой-то момент в кооперативы (и изыщет средства для поддержания их наплаву в течение длительного времени), что все осознают себя экологами, что капиталистическое общество с его гигантской экономической, политической, военной и манипулятивной мощью само собой рассосется

(остается надеяться только на это, потому что альтернативщики призывают не захватывать существующую общественную инфраструктуру и промышленность, а создавать собственную). А куда, интересно, денется капиталистическая промышленность, в которой заняты огромные массы населения? Может быть, ее вообще следует ликвидировать (закрыть), как предлагали (и предлагают) некоторые ультрарадикальные экологи? Они что, предполагают при этом обеспечить работой десятки миллионов людей? Нужно ли доказывать абсурдность подобных теорий, если даже большинство теоретиков и практиков от экологии и альтернативизма никогда ничего подобного не предлагали?

Уже в 80е годы в западном обществе произошли резкие и, по-видимому, необратимые перемены. Массированный вывоз производства и капитала в страны Третьего мира, демонтаж социального государства и разрушение всей его инфраструктуры в результате неолиберальной экономической политики, массовые увольнение и отказ от социального партнерства, все это вместе взятое привело к массовой структурной безработице, массовой бедности, разорению средних слоев населения (в недавнем прошлом, если верить статистике, - опоры экологических движений), резко усилившейся социальной дифференциации (т.е. разнице в доходах населения), росту могущества транснациональных корпораций. Тоже самое происходит и в 90е годы. Капитализм стал жестче, агрессивнее, он открыто ведет наступление на социальные завоевания трудящихся. И сегодня, у подавляющего большинства трудящихся стран Запада просто нет возможности, посвятить себя экологической или какой-либо еще деятельности связанной со сферой свободного времени. Во всяком случае, до тех пор, пока воздухом можно дышать, а воду можно пить. Просто потому, что свободного времени у них становится все меньше, а вся их жизнь посвящена борьбе за экономическое выживание, за кусок хлеба. Кроме того, падение уровня жизни отнюдь не способствует росту накоплений, и теперь уже неоткуда взять средства для организации кооперативов. Я не говорю, что это хорошо, я просто констатирую очевидный факт. Что тут сказать о нашей стране, где экономические проблемы несопоставимы с западными, где экономический кризис, вызванный неолиберализмом, принял и вовсе чудовищные размеры?! Разумеется, экологические проекты имеют огромную важность, и от их реализации во многом зависит будущее человечества. Но в современном мире эти проекты не могут сохраняться в прежнем виде, не могут работать так же, как работали в 70е годы в некоторых преуспевающих западных странах. С другой стороны, действительность актуализировала независимые и радикальные рабочие инициативы, классовую борьбу, ибо обострились конфликты в сфере производства (как на Западе так, естественно, и в нашей стране, фактически - во всем мире). Об этом подробно пишет, например, немецкий исследователь Карл-Хайнц Рот, чье интервью опубликовано на страницах журнала "Наперекор". Разумеется, подобные инициативы не должны игнорировать экологические проблемы, а напротив должны заниматься экологией (как шведский анархо-синдикалистский профсоюз SAC). Но это уже совсем другая постановка вопроса. (Любопытно, кстати отметить частое употребление нашими отечественными радикалами термина "классовая борьба", это с одной стороны странно, ведь то, чем они занимаются, не имеет к классовой борьбе никакого отношения. Мне лично кажется, что данный термин употребляется чисто по инерции, так сказать, в подражание некоторым западным левакам).

Интересно, что если экологическое движение все-таки добивается решения тех задач, которые оно перед собой поставило, то оно (движение) быстро и безболезненно рассасывается, не оставляя после себя *ничего*. Это уже проверено на практике. Так было, например, с вакерсдорфским проектом в Германии в 1987г., который, кстати сказать, собрал в десять раз больше участников, чем все современные экологические инициативы вместе взятые, до 150 тысяч человек. Но когда ядерный объект в Вакерсдорфе был наконец закрыт, от всего этого движения остался один пшик. Да, конечно, замечательно, что экологическому движению удалось, в данном случае, добиться своих целей. Но что это меняет в принципе? Капиталистическое общество осталось на прежнем месте, "атомная мафия" в лице чиновников и корпораций, связанных с ядерным производством тоже никуда не делась, а вот уровень социальной активности практически всех участников вакерсдорфского экологического проекта (не считая перманентно активных автономов и прочих политических активистов) упал, в конце концов, до нуля. Можно не сомневаться, "атомная мафия" изыщет рано или поздно способ отыграться! Я не говорю, что не следует бороться против строительства реакторов и пр., но бессмысленно вести борьбу не с самим злом, а лишь с его последствиями! Напротив, движение, положенное на классовую, пролетарскую основу, не может просто так испариться, ибо противоречия между рабочими и работодателями имманентны, т.е. присущи капитализму и неискоренимы *в принципе*, их нельзя *закрыть*, как один, отдельно взятый, ядерный объект. Иногда случается так, что жители какого-то конкретного района или города протестуют против объектов, загрязняющих окружающую среду, и тогда политические активисты стремятся радикализировать протесты, направить их в политическое (в широком смысле слова) русло. Все это правильно, но только не нужно забывать, что этих людей кроме недовольства вышеуказанными объектами не объединяет *ничего*. Среди них, ведь, и состоятельные буржуа, и безработные, и чиновники, и пролетарии, и полицейские - люди с совершенно разными социально-экономическими интересами, разным менталитетом. Закрыли объект Х и разбежались по своим домам, - а как может быть иначе? Напротив, на предприятиях и в университетах имеется сравнительно однородная (гомогенная) масса людей связанная общими условиями производства (или обучения) и общим *перманентным* угнетением, эксплуатацией, и потому именно здесь расположены наиболее чувствительные нервы капиталистической системы.

Либертарным движениям в XX столетии редко когда удавалось стать массовыми, оказывать серьезное влияние на общественную жизнь. Но там, где это все же происходило, именно классовая борьба была основным их содержанием, сердцевиной. Таким был испанский анархизм в 30е годы - классовым движением, охватывающим широкие слои рабочих и крестьян. Такой была и венгерская революция 56го года, опиравшаяся на рабочие советы, т.е. на солидарный самоуправляющийся пролетариат, и польская "Солидарность" 80-81 годов, объединявшая в своих рядах 10 миллионов человек (60% экономически активного населения Польши). И сегодня наиболее крупные и перспективные анархистские организации это либертарные профсоюзы - испанская CNT, шведский SAC, американский радикальный профсоюз WOBBLIES. К сожалению, среди анархистов и неавторитарных левых европейской части России, людей интересующихся современным рабочим движением, можно пересчитать по пальцам. Они пытаются что-то делать, но серьезными успехами вряд ли могут похвастаться. И это грустно, потому что означает, что в обозримом будущем анархизм на этой огромной территории не сможет стать чем-то большим, чем просто тусовка маргиналов, а в общественном сознании анархизм еще долго будет ассоциироваться с образом "ободранного вахлака, разукрашенного некрофильной символикой".

Примечание:

1)Я ничего не имею против "Хранителей радуги", и прочих контркультурщиков, неоднократно упоминавшихся в этой статье, и меньше всего мне хочется, чтобы статья была воспринята как попытка кого-то оскорбить. Большинство хранителей - люди весьма достойные, а многие их деяния заслуживают уважение. Меня раздражает лишь то особое энергетическое поле, которое возникает неизменно, когда они собираются на свои общие собрания. А так... Недаром ведь говорил старик Мао - "Пусть расцветает сто цветов и пусть спорят между собой сто школ!"

2) Данная статья выражает точку зрения автора, которая не во всем совпадает с мнением редакции.

9.VI.1997г

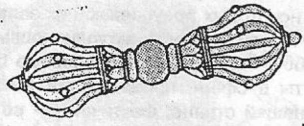
М.Магид.

ВИРТУАЛЬНЫЙ НАПЕРЕКОР

8 апреля 1997 года член редакции "Наперекора" П. Рябов, находясь в здравом уме и твердой памяти, вытащил из почтового ящика письмо, которое сразу же показалось ему странным. Странность заключалась в том, что, во-первых, на конверте отсутствовал обратный адрес, а, во вторых, примерно треть конверта отсутствовала (причем у П. Рябова сложилось впечатление, что эта недостающая треть была не оторвана, а скорее откусана - на толстой бумаге остались явственные следы чьих-то зубов). Внутри оказался обрывок письма, который приводится нами ниже, и почти не поврежденный пакет набитый бумагами. Рябов не замедлил сообщить нам о своей находке. Тщательно ознакомившись с содержимым письма и пакета, мы решились на данную публикацию. От комментариев мы воздержимся. Пусть читатели сами разбираются в этой запутанной истории и пусть сами решают, что здесь правда, а что вымысел.

«...Я полагаю, что документы о которых идет речь представляют колоссальную ценность и способны оказать огромное влияние на всю современную цивилизацию. Впервые нам удалось получить фактические доказательства существования параллельных измерений. Особенно отрадно, что это заслуга организации которую я имею честь представлять.

Именно в виду непреходящего значения этих воистину бесценных бумаг мы решили обратиться в ваше издательство с целью их публикации. Общеизвестно, что "NAPEREKOR PUBLICATION" крупнейшее в России издательство и мы не сомневаемся в том, что в самое ближайшее время миллионы читателей смогут благодаря вам получить представление об истинной структуре нашего мира и соседствующих с ним параллельных миров.»

С уважением
Личный секретарь Далай Лама
Его святейшество
Свами Рамачакра

Лхаса
Республика Тибет.
5 марта 2021 года.

ВИРТУАЛЬНЫЙ НАПЕРЕКОР

Ленин жил, Ленин жив.

Незадолго до моей поездки в Москву я встретился с доктором Джозефом Доулом. Он практиковал в Лондоне и был также известен интересными работами в области мозговой деятельности выдающихся людей. Похоже, он хотел что-то узнать о моих мозгах, но в мои планы не входило раскрывать перед ним душу и черепную коробку.

Чтобы немного отвлечь его от своей персоны, я рассказал о планах визита в революционную Россию и встречи с ее лидером.

- Ленин! - воскликнул Доул. - Я давно за ним наблюдаю. Интереснейший интеллект. Уникальный по-своему. Потрясающая одномерность, однонаправленность. Еще немного, и эти мозги лопнут или разрушат организм. Я уверен, он болен множеством болезней и совершенно не думает о лечении. Очень интересно, как такой мозг может функционировать!

- Вот-вот, - поддержал я тему, - что мешает Вам рассмотреть этот клинический случай в непосредственной близости?

Я и не подозревал, какое значение этот разговор может иметь для мировой истории...

Г.Уэллс. "Россия во мгле". М., 1963.

Врачи-вредители

Как видите, мне стоило больших трудов встретиться с этим человеком. Но в это время болезни начали не на шутку пугать его, и еще одно "западное светило" получило доступ в Кремль. Первый же осмотр показал, что Ленин самым безрассудным образом запустил свои болезни, и не только в области мозга. На мои требования срочно заняться здоровьем он отвечал: "Я не лекарь. Вот Вы и займитесь, если хотите". Так я стал придворным лекарем красного императора.

Dole, D. Two Years in the Kremlin. L., 1941.

В начале 20-х гг. Ильич внезапно захворал. Причем вел он себя, как ребенок. Его окружили капиталистические знахари во главе с оберзнахарем Доулом, внушавшим ему всякие псевдомедицинские идейки. Он все чаще повторял полюбившуюся ему фразу, которую, полагаю, также внушил ему английский эскулап: "Не лечитесь у большевика - залечит". Но пока его залечивали как раз не большевики. В 1922-1923 гг. здоровье Ленина заметно ухудшилось. Я подолгу службы пытался препятствовать этой вредительской деятельности, но "лучший друг" Троцкий и вечно наивный Бухарин совершенно отстранили меня от дела лечения.

Сталин И. Воспоминания старого большевика. Париж, 1954.

Думаю, критическая точка в медицинском состоянии Ленина была пройдена как раз в начале 1922 года. Если бы мы опоздали на несколько месяцев, медицина была бы бессильна. Позднее я часто думал: а не следовало ли опоздать? Но клятва Гиппократа излечивает меня от таких сомнений.

Dole, D. Two Years in the Kremlin.

Сталин слишком груб...

Ленин В.И. Письмо к съезду. Соч. Т.28. М., 1939.

- Ваш друг Сталин совершенно затравил меня, - заявил мне Доул прямо с порога.

-Ну, не такой уж он мне и друг, дорогой профессор, - ответил я. - Скорее наоборот. Однако его влияние в партии велико.

- По моим расчетам, кризис должен миновать месяца через два. И тогда я уеду.

- Советский Союз не забудет Вашей помощи. Но, дорогой профессор, мы не можем не думать о том, что Вы скажете там... - я старался быть максимально вежливым.

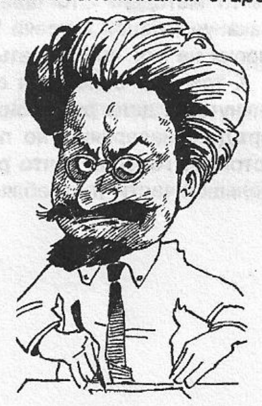
- Не волнуйтесь. Врачебная тайна превыше всего. Во всяком случае, пока жив пациент или я. После смерти одного из нас возможно будет опубликовано исследование мозговой деятельности этого уникального человека. Но без каких-либо компрометирующих подробностей.

Надо отдать должное профессору Доулу. До самой смерти Ильича он ни строчки не опубликовал о нем.

Л.Троцкий. Моя жизнь. Т.2. М., 1941.

Как и следовало ожидать, после отъезда лжепрофессора здоровье Ленина выровнялось. Но наши отношения в этот период были изрядно подпорчены, тем более, что недоброжелатели нашептали ему чуть ли не о заговоре с моей стороны. Я просился в отставку с опостылевшей канцелярской работы. И Ильич пошел в этом мне навстречу. И все-таки ленинское чутье не подвело Вождя - я был назначен наркомом тяжелой промышленности - на самое острие социалистического строительства. Вскоре мы помирились.

И.Сталин. Воспоминания старого большевика.

Возвращение

Дорогая Наденька,

Все-таки ты была очень строга к Кобе. Он славный человек, может быть, несколько грубоват. Ну так мы направили его туда, где излишняя грубость ей-ей не помешает. Он приехал ко мне в Гагры. Рассказывает веселые анекдоты про Троцкого, знакомит с разными ценными товарищами.

Твой Володя.

ЦПА. ф.5. оп.32. д.2385.

С Владимиром Ильичем я познакомилась в Гаграх, где я работала медицинской сестрой. Сейчас уже не помню, кто нас представил. Несмотря на только что перенесенную болезнь, Ильич был очень весел и, я бы сказала, юн. Он часто повторял: "Жизнь еще только начинается. Как хорошо".

В.Синицына. Воспоминания об Ильиче. М., 1956.

В Москву Ленин вернулся новым человеком - веселым, помолодевшим и в то же время настроенным очень решительно. Всем своим видом он как бы говорил: "Я покажу им, кто в доме хозяин". Первым делом он дал по шапке всей этой бюрократической кампашке в СНК. От встряски спасся только Сталин, которого Ленин изрядно пропесочил раньше, а теперь снова полюбил. У Сталина всегда были к Ленину свои ключи, о которых ходили самые разные сплетни. Так или иначе, мировая революция вновь обрела своего вождя.

Л.Троцкий. Моя жизнь.

После возвращения Владимира Ильича в Москву Каменев, Зиновьев, Троцкий и Дзержинский устроили в хозяйственном аппарате подлинный погром. Особенно досталось железнодорожникам, среди которых ОГПУ нашло "разветвленный заговор". Немало дельных специалистов отправилось строить железные дороги к Тихому океану. Ретивым слугам Ильича хватило ума не трогать тяжелую промышленность. Впрочем, может быть здесь сыграла свою роль придворная ловкость наркома Сталина, который снова нашел специфические ключи к сердцу вождя. Чуткий Бухарчик быстро переметнулся на сторону победителей, но это не помогло - он получил от Ильича очередную теоретическую оплеуху и, скуля, опять признал свои ошибки.

Вообще, после болезни Ленин сильно изменился. Он не хотел более погружаться в текучку ежедневной работы и предпочитал заниматься "стратегией", поручая черновую работу подручным.

А.Рыков. На службе народу. М., 1963.

Политические оппоненты Троцкого немало писали о том, что лечение повлияло на психику Ленина, после чего он стал "каким-то не таким". Намекали на то, что мы применили к Ленину "какие-то методы". Это полная чушь. Все проще. Ленина уже накануне нашей встречи "замучила текучка", он просто физически не мог продолжать жизни, которую вел в 1917-1922 гг. К тому же болезнь и связанный с ней досуг позволил взглянуть на дела рук своих как - бы со стороны. Не могу утверждать наверняка, но по-моему, Ленин ужаснулся. Он постоянно говорил нечто резкое (к сожалению, я не понимал большей части употребляемых им выражений) о чиновниках, бюрократах, "недорезанных" и "недобитых". В то же время он понял, что прежними методами "красногвардейской атаки" (это его выражение) с этими проблемами не справиться. Несомненно, Ленин стал другим. Но он стал бы другим, даже умирая.

Dole, D. Two Years in the Kremlin.

Не следует думать, что временная задержка мировой революции - это повод к капитулянтским заявлениям о необходимости строить социализм только в одной, отдельно взятой стране, как полагает тов.Бухарин. Революция не терпит отступлений. Она лишь тогда чего-нибудь стоит, если умеет наступать. Отступающих бьют, за наступающими - идут.

Ленин В.И. О мировой революции и ошибках тов.Бухарина. Соч. Т.28.

Владимир Ильич очень верно разъяснил нам наши ошибки. Его правоту блестяще подтвердили события в Эстонии.

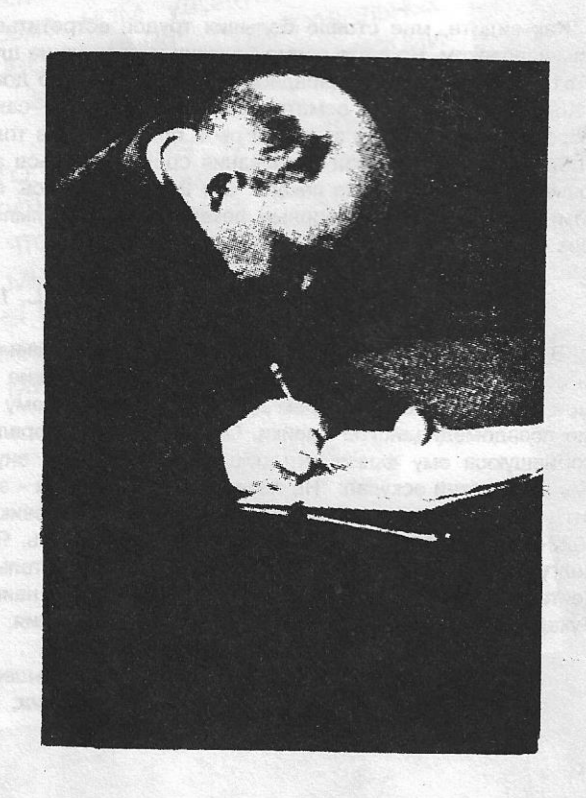
Бухарин Н.И. Предисловие к 28 тому сочинений В.И.Ленина.

Дорогой Коба,

Спасибо за записку. Все это верно, но будет неплохо, если ты все же подстрахуешь наших друзей в эстонском деле. Выехать в Москву не могу. Верочке что-то нездоровится. Да и сам - не в лучшей форме.

С комприветом,
Ленин

ЦПА, ф.5. оп.34. д.87.

Поражение Эстонского восстания 1924 г. привело не только к крушению карьеры Зиновьева и Каменева, репутация которых была окончательно добита статьями Троцкого о поведении обоих вождей в октябрьские дни. Победа эстонских вождей над коммунистическим путчем окончательно остановила коммунистический поход на Запад. Новое возвышение Троцкого и Фрунзе означало переориентацию коминтерновской мировой революции на Восток. Остается только гадать, как бы развернулись события, если бы эстонской операцией руководил не Зиновьев, а сам Ленин. Есть основания полагать, что последний роман стареющего вождя спас Эстонию от коммунистического порабощения.

А.Рюйтель. Современная история Эстонии. Пг., 1976.

Прибыв в Пекин, освобожденный войсками Фэн Юй Сяна, я был встречен с чисто китайской пышностью. Оркестр играл замысловатую музыку, собравшаяся толпа напоминала сонм сказочных персонажей. Доктор Сунь Ят Сен, недавно прибывший в столицу былой империи, казался на этом фоне совершенно инородным телом. Он был одет в скромный светлый френч и военные сапоги. Рядом с ним стоял Чан Кай-Ши и еще несколько офицеров. Во дворце, куда нас перевезли, я передал ему привет и письмо от Ленина, он ответил чем-то вежливым и перешел к вопросу о советской помощи китайской революции. Я заверил вождя китайской революции, что Советская Россия сделает все, что в ее силах.

Л.Троцкий. Моя жизнь.

Экономическое положение продолжало ухудшаться. Страна напрягала все силы, чтобы помочь революционному Китаю, но наше неокрепшее хозяйство и особенно промышленность не справлялись с этой задачей. Военная промышленность забирала все резервы. В городах выстраивались очереди за самым необходимым.

Возобновились забастовки. В один из осенних дней 1927 г., когда стала очевидна неудача очередной заготовительной кампании, Ленин сказал мне: "Наша революция снова одела на себя вериги азиатчины. Мы не сможем догнать капиталистов с такими веригами. Мы увязли в Китае и в любой момент можем рухнуть под его тяжестью". Только Ильич мог принять решение о временном прекращении мировой революции. Вернувшись из Пекина, Троцкий был вне себя. На заседании Политбюро он произнес резкую, я бы сказал, ядовитую речь против абстрактных "Вы". Было ясно, что он обращается прежде всего к Ленину. Но Старик даже бровью не повел:

- Вы закончили, Лев Давыдович? Хорошо. А теперь ознакомьтесь с очередными экономическими показателями.

Зачитав несколько выразительных цифр, Ленин продолжил:

- Мы стоим на пороге новой гражданской войны. И если она начнется здесь, то Китай уже не получит ничего. А так у нас в руках хотя бы что-то. Вы забыли, Лев Давыдович, что без западной промышленности и культуры мы своего не добьемся. Это - азы. Увязнув на Востоке, мы стали только слабее на Западе. Нам снова нужна передышка - как в 1918 г., как в 1921 г. Иначе - конец.

Н.Бухарин. Годы, прожитые не зря. М., 1955.

Мы нанесли империализму страшный удар в Китае. От него он вряд ли оправится. Но непростительно забывать, что сердце империализма - не на Востоке, а на Западе. Мы должны протянуть руку европейскому и американскому пролетариату. Но для этого необходимо, чтобы этот пролетариат не побоялся принять нашу руку.

Ленин В.И. Об итогах Китайской революции. Соч. Т.30. М., 1940.

Политика единого левого фронта принесла особенно зримый успех в Германии, где на выборах 1932 г. Левый блок набрал большинство голосов. Реакция паппенов и гитлеров была совершенно деморализована. Архиреакционный президент Гинденбург был вынужден вручить ключи от власти союзу социал-демократов и коммунистов.

Бухарин Н.И. Итоги единого фронта. Соч. М., 1938.

Тридцатые

Наступили нудные, вязкие годы ожиданий, наполненные дрязгами в верхах, бедностью и серостью низов. Лозунгом этих лет стало: "За что боролись?". Воспользовавшись амнистией, в страну возвращались эмигранты-устряловцы ("ценные специалисты"), которые лили елей кремлевским обитателям и вели разлагающую агитацию. Сталин штамповал отсталую технику, Рыков зажимал каждую копейку на оборону. Ленин и Троцкий витали в эмпиреях. Вместо того, чтобы направлять средства на подготовку к реальной войне, войне танков и артиллерии, они занимались строительством авиации, десантных частей, авианосцев и прочих модных, но бессмысленных штучек, которые называли "оружием мировой революции". Как-то ко мне зашел Тухачевский - блестящий маршал, герой гражданской войны, и почти с порога заявил:

- Старик выжил из ума. Пора отправить его назад в Горки. Я уже говорил с моими ребятами - нас поддержат.

Резкость выражений Тухачевского показалась мне чрезмерной. Но в конце концов я дал уговорить себя - камарилью, собравшуюся вокруг Вождя, следовало разогнать.

Фрунзе М. Меня называли красным Бонапартом. Париж, 1937.

Эти бонапартишки считали, что они лучше самой революции знают, что нужно революции. Но рабочий класс, одетый в солдатские шинели, сказал им свое "Нет". Расстрел Тухачевского, Уборевича, Якира и позорное бегство Фрунзе в логово европейской реакции - Париж поставит точку в попытках империализма разрушить Советский Союз изнутри. Военный мятеж в Москве, рассыпавшийся, как мятеж левых эсеров, вовсе не случайно произошел именно сейчас. Победа реакционных сил на выборах в Германии, создание военного блока Франции, Великобритании, Италии, Польши и Румынии, направленного против СССР - все это подготовка мировой реакции, напуганной нашими успехами, к решающему столкновению с нами. Мятеж военной верхушки оказался как нельзя кстати для паппенов, чемберленов и петенов.

Ленин В.И. Об уроках военного мятежа. Соч., Т.35. М.,1941.

Победа Народного блока в Испании произвела на нас воодушевляющее впечатление.

- Ну, теперь-то мы им не спустим. Мы не дадим им переиграть нас с помощью всех этих парламентских штучек, как в Германии, - говорил Ильич.

Военный мятеж не застал нас врасплох. Ленин был полон решимости сокрушить империализм в Испании. Европейские державы делали все, чтобы организовать блокаду Испанской республики, но Ленина нельзя было поймать на такие штучки.

-Наши транспорты пойдут на Барселону, даже если итальянцы и англичане встанут стеной поперек Средиземного моря, - говорил он, энергично раскачиваясь на кресле-качалке (ходить из угла в угол, как прежде, Ильич уже не мог).

- Но в Барселоне анархисты, - робко возражал Троцкий.

- Ерунда, батенька! Анархистов мы всегда успеем обвести вокруг пальца, как батьку Махно. Сейчас главное - побить путчистов, дать по зубам Чемберлену.

Уже через неделю Троцкий вылетел в Мадрид. Но тут возникло неожиданное препятствие. Под давлением англичан Турция закрыла проливы. Ленин вызвал турецкого посла и, сузив глаза, сказал:

- Мне жаль, что Вы забыли о своем революционном прошлом. Если Вы не вспомните о нем в течение трех дней, то на Босфоре победит советская власть. Сейчас нас ничто не остановит.

На следующий день Ататюрк лично прислал телеграмму Ленину, в которой сообщал, что в закрытии проливов виноваты нерадивые чиновники, которые уже расстреляны. Советский флот может беспрепятственно следовать в Средиземное море.

Н.Бухарин. Годы, прожитые не зря.

Дела в Испании шли хорошо. Первые же наши транспорты дали республиканцам технический перевес над путчистами. И только помощь империалистов дала Франко возможность окопаться в западных районах страны. Началась война на измор. Товарищ Ларго Кабальеро, возглавивший правительство, оказался боевым социалистом, почти коммунистом. Он поддержал наши инициативы, и лучшие сыны республики - коммунисты, социалисты и анархисты, которые в Испании оказались гораздо крепче того, что я видел на Украине - все они бились на фронтах и тысячами забрасывались в тыл к врагу, разворачивая там партизанскую войну. Но уже в августе начались трудности. Чьи-то подводные лодки топили наши транспорты. Нам удалось загнать одну из них на мель. Выяснилось - итальянцы. На наш протест Муссолини ответил: "Топили, и будем топить". Узнав об этом, я сразу же направил на флагманский авианосец "Яков Свердлов" телеграмму: "Давай". Рой наших самолетов взмыл в небо и атаковал стоянку итальянского флота в Таренто. Вероятно, пожар был виден не только в Риме, но и в Берлине. Во всяком случае нас больше не беспокоили. Империалисты оказались не готовы к большой войне с нами.

Л.Троцкий. Моя жизнь.

Вся наша экономика работала на Испанию, как в свое время на Китай. Возможно, толку в этом было и больше, тем более, что за эти годы кое-что удалось построить, благодаря усилиям хозяйственного аппарата, рабочего класса и крестьянства. Но все равно промышленность, управляемая Сталиным, трещала по швам. На Северном Кавказе и в Сибири начались крестьянские волнения. Народ негодовал. Мы снова встали перед выбором - или идти на штурм небес, или вернуться к народу. Я прямо ставил вопрос об этом. Даже Бухарин колебался. Сталин по своей привычке помалкивал, раскуривая трубку. Но Ленин был непреклонен.

А.Рыков. На службе народу.

Тридцатые годы стали временем возрождения партии эсеров. Мы не выступали против советской власти, тем более, что после принятия конституции 1936 г. она формально ничем не отличалась от парламентской. Наши товарищи развивали агитацию на благоприятной почве. Их время от времени арестовывали за "клевету на советский общественный строй", но выпускали. Нужно было держать марку перед демократической общественностью, которая помогала Испании и голосовала за коммунистов. Судя по всему, в Кремле смирились с необходимостью советской оппозиции. Похоже, мы были для Ленина чем-то вроде предохранительного клапана или показателя давления в котле.

Мы открыто поддержали его идею мировой революции. И не только по тактическим соображениям. Империалистический мир сам подписал себе приговор. Испуг перед большевизмом привел к тому, что из недр Западного общества всплыли самые омерзительные черты капитализма - расизм, равнодушие к нищете, диктатура. В США, Англии, Франции и Германии развернулась "охота на ведьм" - всех, кто мало - мальски сочувствует России или вообще левым идеям. В Америке хорошим тоном стало линчевать негров и китайцев. Героями дня либеральных салонов стали Гитлер и Черчилль - модные "спасители от коммунизма", по сравнению с которыми даже Муссолини казался чуть ли не социал-демократом. Достижения гуманизма и демократии были забыты. Сплотившись против большевизма, западная культура погружалась в эпоху новой дикости.

В.Чернов. Вечный бой. М., 1950.

Натиск Ленина и Троцкого окончательно толкнул Запад в объятия мракобесия с нацистским душком. Франко встречали в европейских столицах как героя. Старик Рузвельт уже не мог остановить разнузданную расистскую кампанию, захлестнувшую Америку. Гитлер, известный забияка, вошел в правительство. Чемберлен всерьез рассуждал о биологических преимуществах европейцев над азиатами и черными. Жизнь в этом сумасшедшем мире стала невыносимой, и я решил вернуться в Россию. Оказалось, что к этому нет никаких препятствий - ведь я не успел нарушить советских законов. А если бы и нарушил, почти по всем статьям вышла или какая-то амнистия, или срок давности.

В Петрограде меня встречала небольшая, но радушная толпа. Пригнали грузовик, стилизованный под броневик. С его борта я прочитал речь. В общем, довольно добродушную - не стоило начинать сызнова старый спор. И мы, и большевики многому научились.

Керенский А. Время ожиданий. М., 1970.

До последних дней своей жизни Ленин мечтал посетить Мадрид. Когда республиканцы вошли в Гранаду, и Франко бежал в Марокко, Ленин сказал: "Все-таки мы выбили им хотя бы один зуб". Через два месяца, 21 января 1941 года, Ильича не стало. Мы рыдали как дети. Поезд, отвозивший тело Вождя в Петроград, где он завещал похоронить себя, провожала вся Москва.

Н.Бухарин. Годы, прожитые не зря.

САРАТОВ - его родина

Без вождя

Смерть выдающегося революционера, как это часто бывает в истории, положила начало периоду реакции. Контрреволюция только и ждала, пока старый лев освободит место шакалам. В крупнейших городах страны прошли демонстрации в поддержку свободных выборов. Подняло голову националистическое подполье. Я был слишком занят в Испании, чтобы лично участвовать в происходивших событиях. Между тем в Кремле диадохи делили наследство. Бухарин, объединившись со Сталиным и его дружком Орджоникидзе, выпихнули из кресла премьера Рыкова. Тот обиделся и вышел из партии. Теперь это было уже "не страшно". Его приняли эсеры - дети поднявшей голову мелкобуржуазной стихии. Постаревший Александр Иванович счел, что он таким образом "сольется с народом" в нашей крестьянской стране. Затем, воспользовавшись ссорой недалекого Орджоникидзе со Сталиным, Бухарин отправил последнего послом в Париж. Приехав в Москву в июне 1941 г., я предлагал развивать испанский успех, проверить на прочность Францию. Бухарин скучным голосом рассказывал мне об опасности мировой войны. От него веяло эпигонством и реакцией. Страна готовилась к "свободным выборам".

Л.Троцкий. Моя жизнь.

Разнузданная кампания против Троцкого, в которой проявилось необычное единство официальных и оппозиционных газет России, подорвала здоровье великого революционера и стала одной из причин его смерти. Эта кампания показала, насколько новые вожди Советского Союза далеки от великих задач мировой революции.

Dias J. La lucha y la victoria. Madrid, 1947.

Испанская коммунистическая партия окончательно срослась с анархистским экстремизмом и мелкобуржуазным революционаризмом социалистов. Спекулируя на святом для всех коммунистов имени Троцкого, она противопоставила испанский народ советскому народу, провоцируя мировой пожар.

Из постановления ЦК ВКП(б)
"Испанская компартия во власти экстремизма".
23 октября 1948 г.

Как и ожидалось, на выборах в России победила партия коммунистов. Социалисты-революционеры во главе с Рыковым и Черновым набрали 23% голосов и сформировали парламентскую оппозицию. Как говорят в России, рука руку моет.

New York Times, The 21 of May 1945.

Ленин оставил в наследство Бухарину комплексы революционера. Яд испанской ультрарадикальной пропаганды делал свое дело - Бухарину действительно было неудобно, что он воздерживается от революционных эскапад. Воспоминания юности и упреки внешних и внутренних троцкистов-ленинцев формировали психологическую потребность доказать себе и другим, что он - не просто премьер и председатель президиума парламента, но Вождь мировой революции, как его великий предшественник. СССР не прекращал участие в гонке вооружений, которая с начала 50-х гг. приняла атомный характер. Экономика снова работала на грани возможностей. Эсеры попытались было использовать это обстоятельство для расширения своего электората, но встретили жесткий отпор. Парламент был распущен, Чернов выслан из страны, а Рыков сослан в Нижний Новгород. Эсеры пытались митинговать, но митинги эти жестоко разгонялись, а народ безмолвствовал, зачарованный пропагандой об империалистической угрозе, каковая действительно была заметна.

А.И. РЫКОВ ≠ С-БОННЭР

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1980.

Николай Иванович покачивался в ленинском кресле и неторопливо говорил, почти шептал: "Если послушать испанское радио, то мы - ренегаты Каутские. Где бы они были без нашей поддержки. Тлетворное влияние Запада - или буржуйский комфорт, или крики о том, что их предали. Нет, все-таки Ильич напрасно ушел из Китая. Я это только сейчас понял - империализм как кощей - живет в одном месте, а жизнь его на конце иглы - совсем в другом. Ну ничего, сейчас мы достаточно сильны".

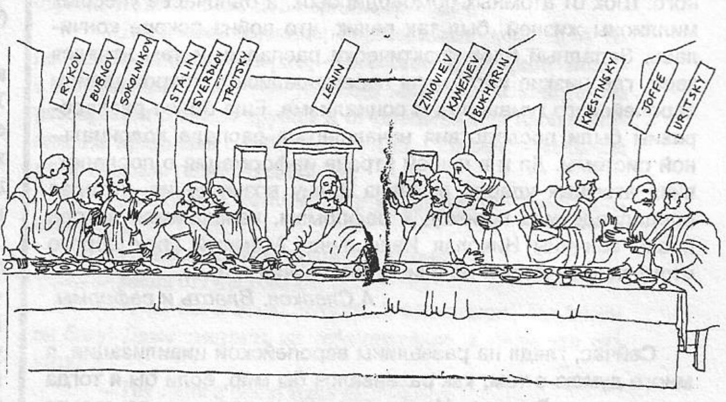
А.Слепков. Власть и реформы. М., 1977.

Напрасно варварская империя на Востоке, созданная евреями и татарами, надеется сокрушить европейскую цивилизацию. Наш дух и наше оружие массового возмездия остановит любое нашествие и испепелит нового Чингизхана.

Из интервью министра обороны Германии А.Гитлера газете "Таймс" 12 марта 1955 г.

Бесчеловечность Советов известна. Их козни против Британской империи становятся все более очевидными. И мы не остановимся перед применением самых последних достижений нашей науки, чтобы заставить их уважать наш флаг и флаги наших союзников. Им не удастся похитить Европу, как они похитили Испанию.

Из интервью министра обороны Великобритании У.Черчилля газете "Монд" 5 января 1956 г.

Когда началось восстание в Алжире, ничто не предвещало дальнейшей цепной реакции событий. Революционный переворот группы молодых офицеров в Египте показал, насколько прозорлив был Бухарин - Азия пришла в движение. Чтобы хоть как-то успокоить арабов, английские власти заявили о начале выселения евреев из Палестины. Евреи восстали, и англичанам пришлось защищать Суэцкий канал, обороняясь на два фронта. Испанские добровольцы начали прибывать на Ближний Восток. Франция предъявила Испании ультиматум. Старуха Ибаррури потрясала сухеньким кулачком перед миллионными толпами, готовыми умереть или победить. О Советском Союзе все забыли, зная о противоречиях между нами и испанцами. Но Запад не знал Бухарина - великого импровизатора большой политики. Он даже не стал уговаривать турок, как раньше Ленин. Босфор и Дарданеллы были заняты нашими десантниками в 24 часа, и в Средиземное море устремилась вся мощь Красной Армии.

В ответ французы ударили по Испании, а германцы через Польшу устремились к нашим границам. Но их уже ждали. На широком фронте от Черного до Балтийского моря завязались тяжелые бои. Британский и итальянский флоты несли тяжелые потери от нашей авиации, но изрядно затрудняли нашу помощь арабам и евреям.

Одновременно армия Мао Цзе Дуна перешла монгольскую границу и двинулась на Пекин. Под шумок американцы ударили по своему главному конкуренту на Тихом океане - по Японии. И это тоже входило в расчеты Николая Ивановича, много писавшего о межимпериалистических противоречиях. Именно американцы, в расистском угаре не считавшие японцев за людей, первыми в этой войне применили атомное оружие, сбросив на противника все четыре находившиеся в их распоряжении атомные бомбы. Вероятно, их пример оказался заразительным. Как только Красная Армия вошла в Варшаву, немцы сбросили атомные бомбы на этот город, стерев его с лица земли вместе со всеми жителями. У нас были развязаны руки - ядерный гриб взошел над Берлином. Английские бомбардировщики пытались осуществить возмездие, но дальше Минска не прорвались. Один из атомных бомбовозов был сбит на подступах к Петрограду.

Сейчас, когда в полной мере становятся ясны страшные последствия атомных бомбардировок, я задаю себе вопрос: правы ли были мы, когда отправляли бомбардировщики на Берлин и Париж. Я бывал в этих красивейших городах, культура которых теперь навсегда утеряна. И все же не могу отделаться от мысли - мы спасали мир от еще более страшного. Шок от атомных бомбардировок, в одночасье унесших миллионы жизней, был так велик, что война вскоре кончилась. Западный блок практически распался, и там начался хаос, где низкие инстинкты перемешались с возрождением европейского гуманизма и социализма. Еще более разнообразны были последствия начавшегося распада колониальной системы. Да и в нашей стране информация о последствиях атомных ударов вызвала волну возмущения, которая предопределила переход к реформам, начавшимся вскоре после кончины Николая Ивановича. Атомный урок дорого стоил человечеству, но и многому научил его.

А.Слепков. Власть и реформы.

Сейчас, глядя на развалины европейской цивилизации, я много думаю о том, как развивался бы мир, если бы я тогда не поехал в Россию. Может быть я не прав, но почему-то мне кажется, что в общем и целом он развивался бы также.

Д.Доул. Из интервью журналу "Постатомный век". 22 апреля 1960 г.

Цитаты подобрал Александр Шубин

Владимир Матвеев

СЕРГЕИЧ

Рассказ

Весна выдалась на удивление холодная. Сергею Сергеевичу такая весна была совсем не по душе. Всю зиму он мерз в этом подвале, а теперь снова холодно. А ведь наступила же весна. Пора быть теплу!

Темный подвал старинного дома. Куча грязного тряпья поверх развалин найденного на помойке дивана. Электричества здесь нет. Воды - тоже. Тут есть лишь одно достижение технического прогресса - сломанная керосинка с разъеденной окислами алюминиевой кастрюлей. Старое ватное одеяло тоже найдено на помойке, оно отсырело и греет плохо. А еще есть дырявая солдатская шинель, старая наволочка, набитая тряпками, и второе одеяло. Простуженные ноги болят - ноют суставы. Ревматизм. Холод в подвале пробирает до костей, но Сергею Сергеевичу пора вставать. Хочется есть, а свежий хлеб кончился еще вчера.

Грязное одеяло слетает в сторону, за ним шинель. Чешется голова. Это вши накусали за ночь. Под мышками и под коленками - тоже чешется. Там тоже кусаются вши, но платяные, а не головные. Кряхтя вполголоса и незлобно матерясь, он встает. Туалета здесь тоже нет. По нужде приходится идти в дальний угол длинного подвала. Вонища, но ничего не поделаешь. Лишний раз выходить на улицу опасно - заметят жильцы дома, позвонят в РЭУ, а через пару дней придут рабочие и заколотят толстыми досками вход в подвал. Живет здесь на первом этаже этого дома одна зловредная бабка - Марья Ефремовна, она первая и настучит по телефону. Куда тогда идти? Поэтому и вонища в подвале. Ко всему можно привыкнуть.

Он окончательно проснулся и залез рукой в деревянный ящик, в котором схоронил еду от бездомных кошек, и достал засохший сухарь и кусок колбасы, выпрошенный накануне у доброго грузчика в продовольственном магазине. Керосинка чадит, и от нее все вокруг пропахло бензином. Где найти для нее керосин? А стакан бензина всегда можно попросить в ближайшем гараже. Кастрюля с водой шипит, закипая. Горячая жидкость согревает изнутри. Приятное тепло. Сухарь размочен в стакане с кипятком. Зубы врезаются в мягкую колбасу. Завтрак - приятная вещь для бездомного.

Пора на работу. Он незаметно вышел из подвала, в котором жил. Двор пуст, но он побыстрее свернул за угол. Жильцы могут из окон дома увидеть выходящего из подъезда бомжа, а тогда - жди неприятностей. Сильно прихрамывая на правую ногу и опираясь при ходьбе на узловатую палку, он семенит побыстрее и подальше от своего ночного пристанища. Дальше и дальше от дома.

Мусорная урна у входа в метро. Это и есть место работы Сергея Сергеевича. Ящик спрятан в укромном месте, чтобы его не украли бабки, торгующие картошкой у метро. И вот этот ящик вынесен из тайника и поставлен рядом с урной. За плечами бомжа - рюкзак с пожитками. Там самое необходимое. Ведь вещи из подвала могут в любой момент украсть. "Кому же нужны вещи нищего?" - спросите вы. Найдется кому! Нищих много, и каждый из них живет сам по себе. Лишнее теплое одеяло еще не помешало ни одному бездомному нищему. Даже если оно грязное. Даже если все оно в дырах. И даже если в нем водится целый миллион

постельных вшей! Поэтому свое одеяло каждый нищий обязательно должен беречь и носить при себе. Ему никогда не известно, где он может оказаться к вечеру.

Милостыня. Просить ее - давно уже не стыдно. Это привычка, но скорее - профессия. Только бы успеть продержаться час-другой. Сегодня дежурят "добрые" менты. Если не наглеть - не прогонят. А наглеть - это значит показываться ментам на глаза. Если заметил мента - вставай и иди, покажи ему свое уважение, а если сидишь - обязательно прогонят.

Забирать в отделение милиции Сергея Сергеевича перестали уже давно. Одного взгляда, брошенного на него, достаточно для милиционера, чтобы понять, что это бомж. Кому он там нужен в отделении без документов и прописки? А вот отвести во двор и избить резиновыми дубинками - это они могут, и не по злобе своей, а просто для собственного удовольствия. Менты всегда с утра злые - с вечера пьют, а похмелиться нельзя. Работа! Денег они еще не успели нахапать, вот и злятся на весь мир. Не любят они бомжей! Ну а кто же их любит?

Женщина с ребенком дала тысячу. Интеллигентного вида старушка дала сотню. Двести рублей дал студент. Ноги людей мелькают перед глазами. Ноги бегут, степенно ступают, перепрыгивают через лужи, останавливаются, топчутся у газетного киоска, снова шагают и проходят мимо урны, не останавливаясь. Мало кто из прохожих замечает грязного бомжа.

За час сидения рядом с урной Сергей Сергеевич набрал денег на батон. Проверено практикой, урна - великая вещь. Около урны подают милостыни в два раза больше. Вот еще двести рублей дали добрые люди. Пора идти на второй завтрак - покупать хлеб в булочной. Входить туда через общую дверь - бесполезно, выгонят сразу за грязную одежду. Такое уже бывало. Можно подойти со двора и попросить хлеба у грузчиков, если те еще не пьяные. А если во дворе разгружается хлебная машина - считай повезло, шофер даст хлеба бесплатно, но грузчики из булочной не дают. Только продают.

Дорога до булочной недалека. Чем дальше бездомный отходит от метро - тем меньше людей попадается ему навстречу. Большинство прохожих глядят мимо него, но некоторые внимательно рассматривают Сергея Сергеевича с презрительным выражением на лице. Вонючий и грязный бомж их раздражает. Только бы не нарваться на бездомных мальчишек - отберут все деньги. Им тоже пожрать хочется, и лучшей добычи, чем одинокий хромой бездомный, неспособный даже убежать, им не найти. Отберут все деньги и поколотят.

До булочной оставалось совсем недалеко, свернуть за угол и войти под арку. Там во дворе можно купить хлеба. Сергей Сергеевич завернул за угол и остолбенел - орава немытых бездомных мальчишек стояла в пяти метрах от него. Он попытался развернуться и убежать, когда несколько пар маленьких рук схватили его и потащили в переулок. Мальчишки ударили бомжа в лицо грязным кулаком, оторвали воротник от его гнилого задрипанного пальто и затолкали в пропахший мочой подъезд.

- Живо давай сюда деньги, козел - сказал какой-то дискант.

- Ребятки, не надо... - Начал было Сергей Сергеевич, но его снова ударили в лицо. Маленькие детские ручонки полезли в карманы. Кто-то ухитрился ударить ногой в больное, разбитое ревматизмом, колено. Сергей Сергеевич заорал от боли, и ему добавили еще несколько тумаков.

Ох уж эта наивная детская жестокость! Десяти - двенадцатилетние пацаны больно избили Сергея Сергеевича, забрали у него помятые деньги и бросили валяться на полу обоссанного подъезда. Юные бомжи избили бомжа взрослого. Юным - предстоит жить. Взрослый уже недостоин жизни. Пора ему помирать где-нибудь под забором или у входа в метро, около родимой мусорной урны. Зажился! Разве не знает он, гад, что средняя продолжительность скитаний бездомного по подвалам Москвы - максимум пять лет! Пора бы ему уже и сдохнуть!

Но он совсем еще не стар, на вид ему можно дать сорок пять, но на самом деле он на десять лет моложе. Сердце и легкие у него здоровые, но он хромой. А тяжело быть хромым - не убежишь! Поэтому он и готов уже помереть. "Поскорей бы это случилось, что ли?" - подумалось Сергею Сергеевичу, он поднялся на ноги, обтер грязной ладонью разбитое в кровь лицо, нашел свою узловатую палку и вышел на улицу. Надо снова ковылять к урне и просить милостыню.

И вот она, наконец, - родная урна-кормилица! И ящик не утащили - повезло!

- Опять ты здесь ошиваешься, Сергеич? - Спрашивает мент, незаметно появившийся неизвестно откуда.

- А куда же мне идти, командир? - испуганно отвечает бомж.

- Куда угодно! Только пошел вон с моей территории! - отвечает мент.

- Жалко вам, что ли, товарищ капитан...

- Давай, давай уматывай! Или резиновым бананом получить захотел? Сейчас устрою!

Сергей Сергеевич медленно поднимается, опираясь на палку. Колено болит, а в душе глубокая обида на зловредного мента.

- Да что же вы, товарищ капитан... Жалко вам? - укоризненно спрашивает Сергей Сергеевич, но продолжает подниматься со своего ящика и собирается уходить.

- Кто это тебе всю рожу разукрасил? - спрашивает мент уже беззлобно.

- Да тут, пацаны во дворе шалят... Затащили в подъезд, избили и деньги отняли! - кислым голосом отвечает бомж.

- А ты не шатайся по дворам - советует добродушный мент и улыбается при мысли о том, что кто-то ограбил нищего - А много денег-то у тебя было?

- Да две тысячи шестьсот пятьдесят рублей! - расстроено и уныло отвечает Сергей Сергеевич.

- Да, целое состояние! Колоссальные деньги... А ты не шатайся один по дворам, - посоветовал "мудрый" мент - а то прирежут тебя эти ублюдки насмерть, а мне потом разбираться с твоим трупом и отчитываться за происшествие. На хрена нам с тобой это нужно, Сергеич? - закончил мент и весело подмигнул бомжу.

- Да я хлеба хотел купить у грузчиков - оправдывается бомж.

- Ну так и шел бы прямо в магазин.

- Меня оттуда гоняют...

- А ты бы в баню сходил. А то воняешь, как козел, ей богу! Даже смотреть на тебя противно, а не то что нюхать.

- Так меня в баню тоже не пускают!

- Ну не знаю тогда, что и посоветовать. Если тебе так нравится - ходи грязный и корми своих вшей - улыбается милиционер - и давай ящик свой с собой забирай! Нечего мне здесь мусор оставлять! - замечает напоследок милицей-

ский капитан, а Сергеич послушно берет свой ящик и уносит.

Нарвался-таки! Смешная мысль посетила Сергея Сергеевича: "С мусором - воюет "мусор"! Эта мысль его развеселила, и он прибавил шагу, хромая и улыбаясь этой примитивной мысли, пришедшей в его голову. "Пойти, что ли, к магазину побираться" - подумалось ему.

У магазина значительно меньше народа, чем у входа в метро, но люди идут туда расставаться с деньгами и подают милостыню охотнее, особенно если им в кассе дали на сдачу мелкие деньги. Можно попробовать пройти в торговый зал. Может быть, толстая и добрая кассирша сегодня его не прогонит, но не дай Бог попасться на глаза вредной заведующей! Та сразу выгонит, да еще позовет грузчиков с палками - тогда остается только одно - убегать.

Сергей Сергеевич не рискнул заходить в магазин. Он поставил свой ящик у дверей и сел на него. Милостыню подавали неохотно. Рано еще здесь было садиться, домашние хозяйки еще по магазинам не пошли. Сотня, две сотни, пятьсот рублей. Железный полтинник - пятьдесят рублей. Тысячерублевка. Опять сотня. Мятые купюры падают в перевернутую кепку Сергея Сергеевича. Вот и опять набралось на хлеб. Он поднялся и снова направился в сторону булочной.

- Здорово, Сергеич! - крикнул знакомый грузчик. - Что, опять за хлебом пришел?

- Да вот, пришел...

- Давай, сколько там у тебя?

Сергей Сергеевич протянул грузчику мятые деньги. Грузчик взял их и исчез за служебными дверями булочной. Ждать пришлось долго - минут двадцать. Мало ли какие важные дела могут быть у грузчика в магазине? Он большой человек - у него есть жена, дети, квартира! Он не бомж, у него действительно могут быть важные дела! А бомж - подождет! Поэтому оставалось Сергею Сергеевичу - сидеть на скамейке, да дожидаться возвращения грузчика.

- На, держи! - сказал грузчик, протягивая батон хлеба голодному бомжу.

- Спасибо вам за...

- Опять заведующая тебя засекла в окно! - прервал его грузчик - Сколько раз тебе говорить, чтобы ты мимо ее окон не ходил? Не буду я тебе хлеба больше носить, а то мне из-за тебя от нее попадает! - закончил грузчик.

- Да благословит вас Господь, добрый человек... - начал было Сергей Сергеевич, но грузчик опять прервал его:

- Давай, бомж, проваливай отсюда побыстрее, а то опять мне из-за тебя попадет.

И Сергей Сергеевич пошел прочь. А что еще тут поделаешь? Попадет же грузчику! Так он и шел по улице с надломанным батоном в руке. Он отламывал от него маленькие кусочки и отправлял в рот эти нежные воздушные частицы свежего, горячего и вкусного хлеба. Он не смотрел по сторонам, а наслаждался вкусом этого замечательного хлеба с хрустящей корочкой, пахнущего пекарней и теплом. Настоящая маленькая радость вечно голодного человека! Так он и шел с хлебом в руке. Шел прямо и не обращал внимания на прохожих. Наслаждался нехитрой едой и не оглядывался по сторонам, пока громкий и резкий окрик "Стоять!" не заставил его оглянуться.

Омоновец - это тебе не местный добродушный муниципальный мент. Этот запросто может больно ударить ногой или дубинкой, не стесняясь присутствия свидетелей-прохожих. С ним лучше не разговаривать. Сергея Сергеевича пинками затолкали в металлический кузов грузовика-фургона, в каких обычно перевозят заключенных. "Влип!" - пронеслось в голове у бомжа, когда омоновцы запирали за ним замок. Железные решетки в полумраке, а за ними в предбаннике рядом с входной дверью охранники с автоматами. Странно... И кому это надобен бомж? Облава? Но зачем же натравливать стольких омоновцев с автоматами на одного несчастного бомжа?

Один единственный бомж сидит в этой просторной тюрьме на колесах, а с ним два вооруженных охранника в теплых кожаных форменных куртках с незаметными погончиками. У охранников мягкие кресла. Бомжу - железная скамья. Машина взревела мотором и резко тронулась с места. Маленькое окошко заварено стальным листом, но есть щель, через которую можно посмотреть на улицу и понять, куда же везут. Жесткие железные скамейки по бортам. Машину кидает на ухабах. Толчки при торможении - это очередной светофор.

Вначале он решил, что его везут в "Матросскую тишину" в спецприемник ГУВД - в главный московский бомжатник. Но потом он понял, что везут не туда. Машина виляла по улицам и переулкам, и вскоре он уже не понимал, где находится и куда его везут. Дорога заняла сорок минут. Машина остановилась, и он понял при выходе, что это, скорее всего, не тюрьма, а больница. Омоновцы вытолкали его из машины и погнали в стеклянную дверь.

Странная эта больница. Вокруг - трехметровый забор, а выше -- колючая проволока под напряжением охватывает петлями фарфоровые изоляторы. Омоновцы сдали бомжа охранникам больницы и уехали. Странные тут охранники, одеты они в штатское, но вооружены автоматами. Они завели бомжа в стеклянную дверь и провели по коридорам и лестницам в подвал. Там его раздели. Сначала его всего обработали карбофосом. Просто покрасили человека обычной кистью какой-то дрянью из кастрюли с ног до головы. Потом вымыли из пожарного брандспойта горячей водой и даже мыла кусок дали. Затем пришел угрюмый парикмахер и обрил бомжа наголо. Все вещи забрали, но выдали чистое белье и пижаму. Мягкая полосатая пижама и шикарные теплые кальсоны! Бомж часто мечтал о таких вещах в своем холодном подвале.

Потом повели опять по коридорам. Лифт медленно поехал наверх. Четыре этажа, если считать этажи вместе с подвалом - значит, на третий этаж. Наверху тоже длинный коридор. Похоже на тюрьму. Железные двери с квадратными "кормушками" с обеих сторон, но, когда его завели в одну из таких камер, он понял, что это странная тюрьма.

На окне толстая решетка. Но единственная кровать - мягка и широка, есть шкаф, телевизор, две тумбочки и письменный стол. В углу стоит высокий иностранный холодильник. Странные предметы для обычной тюрьмы. Бомжа оставили одного в этой камере. Сколько он ни пытался задавать вопросы - ни на один вопрос ему не ответили. Даже парикмахер не захотел с ним говорить.

Бездомный осторожно открыл дверцу сверкающего белизной холодильника и увидел несколько бутылок импортного пива, какие-то фрукты, о существовании которых он и понятия не имел до этого дня. Несколько вакуумных упаковок смотрели из чрева холодильника прямо на него, в них - нарезанные деликатесы: белая рыба разукрашенная жирными желтыми прожилками поперек тонких, почти прозрачных ломтей, красная рыба, нарезанная более толстыми кусочками и изысканные мясные копчености. Несколько пластиковых баночек с черной и красной икрой

сиротливо пристроились в дальнем углу. Он открыл одну пивную бутылку о металлическую ручку холодильника и сделал здоровенный глоток прямо из ее холодного горлышка, затем, разорвал зубами упаковочный пластик и стал запихивать себе в рот горсти этих тончайших и нежнейших рыбных лакомств, не разжевывая, а размазывая их языком по небу. Он запивал все это горьким, но вкуснейшим пивом, и приятное тепло от слабого алкоголя растекалось по жилам, ударяло сладким дурманом по голове и ногам. Упаковка с икрой долго не поддавалась, но потом жестяная крышка упала на пол, и голодный бомж принялся выковыривать из нее прямо пальцами скользкие зерна, которые так приятно лопались соленым соком во рту, раздавленные кончиком языка.

Потом принесли обед. Сергей Сергеевич давненько не видел такой еды. Это были не какие-нибудь объедки из столовой, а настоящий обед из четырех блюд: настоящий красный борщ в глубокой тарелке из нержавеющей стали, салат из какой-то зеленой травы и красной капусты, горячее мясное жаркое с аппетитной подливкой и жареным картофелем, сладкая булочка и компот в красивой фарфоровой чашке. Сергей Сергеевич набросился на эту царскую еду и мгновенно забыл о том, что он находится в неволе.

Потом опять пришли охранники и увели его. Появились врачи в белоснежных халатах. Они выстукивали его и просвечивали рентгеном, обмеряли электрическими приборами и брали анализы. Такая жизнь продолжалась неделю, и Сергей Сергеевич не протестовал. Он отъедался и отсыпался, отогревался и наслаждался, подолгу нежился в мягкой кровати на чистом постельном белье и смотрел телевизор, если его не водили на процедуры и обследования.

Телевизор. Это было самое приятное. Представьте себе, он смог посмотреть здесь даже футбол! Футбол, который не видел по телевизору уже более семи лет. Семь лет у него не было телевизора! А здесь он был, и его можно смотреть! За это Сергей Сергеевич готов был простить любую неизвестность. Главное - здесь не хотелось постоянно есть, не было ни холода, ни сырости! Разве это не счастье?

А потом пришел самый главный врач и сказал: "Хорошо". А его помощник спросил: "Когда?", а главный врач ответил: "Завтра". А потом пришел штатский и спросил главного: "Вы точно решили, доктор?", а тот ответил, что "точно решил" и они ушли, а охранники отвели Сергея Сергеевича обратно в эту замечательную палату-камеру.

А на следующий день его разбудили рано. Подняли, но не дали завтрака. Опять коридоры и странный зал. Похоже на операционную. Его уже собрались раздевать, когда в коридоре послышались голоса. Кто-то сказал:

- Где он, я хочу на него посмотреть.

А голос самого главного ответил:

- Проходите сюда, Борис Николаевич, он здесь.

А потом он вошел, и Сергей Сергеевич его узнал. Он видел его по телевизору - это был президент. Президент долго смотрел на Сергея Сергеевича, а потом сказал:

- Что-то он худой какой-то, понимаешь...

А главный врач ответил:

- Зато сердце у него хорошее, Борис Николаевич.

А президент ответил:

- Что ж, вам виднее, доктор.

- Мы старались, Борис Николаевич, это самый подходящий экземпляр из нескольких сотен обследованных нами доноров.

- Ну, надеюсь на удачу, Ренат Ибрагимович, пойду готовится к операции - сказал президент, улыбнулся и постучал три раза по деревянному шкафу костяшками пальцев левой руки.

- Тогда и я пойду готовиться - сказал главный врач и все ушли, кроме охранников.

Сергею Сергеевичу сделалось плохо. Он потерял сознание и упал, но его подхватили под руки и уложили на каталку. Прибежали ассистенты главного. Первый помощник главного врача предложил перенести операцию на другой день, но главный сказал, что не надо этого делать, а нужно срочно готовить пересадочный материал. Сергею Сергеевичу сделали укол - он потерял сознание и отключился. Подготовка к операции заняла несколько часов, а потом врачи начали ее делать.

* * *

Когда добродушному милицейскому капитану доложили, что в подвале дома номер восемь обнаружен труп неизвестного мужчины, он сразу же понял, кого там убили. "Ох уж эти мне пацаны, добили беднягу!" - подумал бывалый мент и решил лично поехать на происшествие.

Мертвый Сергей Сергеевич лежал на своем продавленном диване и, казалось, что он спит, накрывшись своими грязными одеялами. Добродушный мент брезгливо скинул в сторону резиновой дубинкой вшивое тряпье с мертвого бомжа.

- Помылся в бане бедняга перед смертью! - удивленно сообщил капитан коллегам, профессионально вглядываясь в бескровное лицо обритого наголо трупа и приказал:

- Сержант Мильченко, забери оперативника и дежурный наряд из опорного пункта, а потом все вместе поезжайте брать тех пацанов, что живут в старой котельной. Смотрите, не упустите этих маленьких подонков! Будем это дело вешать на них! Мне этот бомж жаловался недавно, что они его избили и обещали убить. Посадим. Много им не дадут - они несовершеннолетние, а дело это быстро закроем!

Капитан развернулся на каблуках и вышел из подвала. Одна из милицейских машин завыла сиреной и поехала за беспризорными пацанами, а сам капитан на улице лениво закурил и долго ждал, пока оставшиеся на месте происшествия подчиненные вдоволь не наматерятся в микрофоны карманных раций.

Приехала специальная медицинская машина и увезла покойника в морг. Вслед за ней из двора уехала и последняя милицейская машина. Разошлись по своим квартирам зеваки, собравшиеся у подъезда. Только жильцы дома номер восемь потом еще долго рассказывали всем своим знакомым выдуманные бабкой Марьей, известной дворовой сплетницей, увлекательные подробности того, как бездомные дети зверски зарезали в подвале их старинного дома взрослого бомжа.

10 мая 1997 г.

Сценарий А. Публикация.

Предисловие публикатора.

Значение для исторической науки документа, предлагаемого вниманию читателя, переоценить невозможно. Он был обнаружен год назад, и впервые открыл нам целостную картины событий, заложивших основу современной цивилизации, позволил прикоснуться к истокам общественного развития последних веков. Не секрет что до настоящего времени сведения о Великой Европейской Катастрофе были столь скудны и отрывочны, что наряду с серьезными теориями (большая часть которых сегодня, после эпохальной московской находки, уже безнадежно устарела) - имела даже хождение версия о «нашествии зеленых человечков НЛО», сведения о которой столь обширно представлены в массовой литературе кануна Катастрофы. Но оставим академические дискуссии, они меркнут перед величием текста, в скупых и благородных строках которого предстают перед нами грандиозные эпизоды рождения нового мира. Нашего мира, лишь теперь обретающего целостность темпорально-исторического самосознания. Ограничусь лишь сообщением, что в результате тщательнейших исследований в ведущих научных центрах отброшены всё сомнения в подлинности документа, названного неизвестным автором древности «Сценарий А». Установлено, что автор действительно являлся современником описываемых событий и создал свой литературный памятник в последние годы XX века в г. Москве, столице умирающего российского государства. Личность автора вызывает большие споры. Многие авторитетные специалисты склонны приписывать «Сценарий» перу Константина Орлицина, безусловно, одного из лучших литераторов той мрачной эпохи, из тех, чьи произведения дошли до нас. Другие указывают на Виктора Черномырдина, видного государственного деятеля, о котором, к сожалению, известно очень мало, славившегося среди современников мудростью и красноречием. Нынешняя публикация - первый полностью аутентичный перевод оригинала, доступный грамотному европейцу. Остается лишь сожалеть, что автор был столь краток, а время - сурово к его творению. Что могли бы мы узнать, если бы текст сохранился целиком! Но будем благодарны судьбе и за то счастье, которое она поднесла нам в урезанном виде. Soli Deo Glorio - Аллах акбар!

20-й день 1-ой луны Лета
2722 года, Берлин.

Алия Ниса, профессор
Берлинского университета
барон Красного клана и Кавалер.

Сценарий А.
Закат Европы. Геополитика.

Пер. со среднерусского.

Мал клоп, да вонюч.
Народная мудрость.

Гуманитарно-миротворческая операция НАТО по восстановлению конституционного порядка в Албании закончилась именно так, как только и могла закончиться. После того, как трое норвежских солдат утонули в канализации города Гьирокастра, страны Западного блока охватило массовое антивоенное движение. Простые люди и известные политики хором заговорили, что никакая благая цель не оправдывает такие человеческие потери, что лучше бы правительства финансировали социальные программы, а военные повышали боевое мастерство дома. Брюссель, Париж и Берлин сотрясали бурные демонстрации. Правящие круги Норвегии были столь напуганы всплеском народного недовольства, что когда кабинет министров в полном составе ушел в отставку, другого на его место просто не нашлось (как оказалось в последствии, то была первая ласточка). Вся Норвегия лихорадочно искала виновников трагедии. То есть, задавали вопрос ораторы, кто конкретно принял решение послать потомков викингов на негостеприимную албанскую землю, где трое из них безвинно нашли славный, но столь ужасный конец? Выяснилось, что поскольку Норвегия страна демократическая, то никто конкретно ничего не решал, а всё получилось само собой.

Так или иначе, но когда в Брюсселе собрался Совет НАТО для обсуждения дальнейшего хода операции, выбора у него уже не было. К тому моменту 2/3 военнослужащих из норвежского контингента в Албании уже успели перекочевать в Македонию за политическим убежищем. Здесь они создали комитет, заявили, что являются не дезертирами, а борцами за свои права и отказались возвращаться на родину до тех пор, пока там не будут наказаны всё коррумпированные чиновники, причастные к албанской военной авантюре. Прогрессивное общественное мнение Европы отнеслось к перебежчикам с большим сочувствием. Источники сообщали, что настроение в многонациональных миротворческих силах поганое, воинов мучают неврозы, синдромы и фобии. Открыто идут разговоры, что надо бы последовать примеру норвежских товарищей по оружию. В Брюсселе сочли, что это уже слишком, ибо чтобы вернуть всех, придется, наверное, признавать Македонию, а Греция на этот счет думает известно что. Между тем озверевшие пацифисты на улицах европейских столиц, почувствовав себя хозяевами положения, жгли уже не только офисы американских компаний, но и вообще всё. Короче, мероприятие становилось слишком обремени-

тельным. «Ну ее в задницу, албанскую демократию, - решили в штаб- квартире Североатлантического альянса. - Жили без нее 50 лет и еще столько же проживем».

Когда началась эвакуация войск НАТО, Албания пришла в движение. Всемирно знаменитые уже албанские повстанцы, разбежавшиеся было, подобно тараканам от яркого света, при высадке международного контингента, рассосавшиеся где-то в годах и городах своей загадочной страны, достали припрятанное со дней Великого Марта оружие и сначала осторожно, а затем всё наглее, стали стягиваться к дорогам, по которым ползли длинные вереницы запыленной натовской бронетехники. Они издавали воинственные клики и стреляли по своему обычаю в воздух, но часто промахивались, и отступающие интервенты несли большие потери. Албанцев было много, с каждым часом всё больше, не встречая отпора они делались храбрыми, как чеченцы. Моральный дух натовцев упал окончательно. Отступление превращалось в беспорядочное бегство. В портовых городах, теснимые со всех сторон повстанцами, военнослужащие НАТО грузились на корабли уже среди настоящей паники, усугубляемой тысячами местного контрреволюционного элемента, не за какие коврижки не желавшего оставаться в Албании без защиты сил западной цивилизации. Во Влеру албанские патриоты ворвались на плечах бегущих оккупантов. Здесь, на причалах морского порта, под гром оружейного салюта вожди объявили о полном изгнании врага с родной земли. В ночь после Освобождения значительная часть Влеры сгорела.

Неизвестно, как сформировалась мысль, что теперь албанцы непременно вторгнутся в Италию. Быть может, она возникла, когда среди бесчисленных беженцев оттуда, переплывающих море на подручных плавсредствах, стали преобладать вооруженные личности непонятной ориентации. А быть может, то был просто глас Рока. Но уже две недели спустя после вывода из Албании войск НАТО Италию охватила паника, перекинувшаяся с другого берега Адриатики, словно ее, как заразу, принесли вернувшиеся солдаты итальянского экспедиционного корпуса. Информагентства сообщали, что во Влеру собираются все новые вооруженные отряды и просто массы албанцев. В порту идут непрерывные митинги, на которых главари мятежников говорят перед распаленными толпами о злодеяниях НАТО на албанской земле. Худшим злодеянием признавалось то, что проклятые оккупанты привезли оскорбительно мало гуманитарной еды в красивых упаковках, чем попрали свободу и достоинство албанского народа. «Месть! Месть!» - взывали яростные голоса и эхо пальбы разносилось над адриатическим простором, сливаясь где-то в голубой дали с печальными криками чаек. Вскоре ожидание нашествия превратилось во всеобщее убеждение. Правительство то грозилось какой-то мобилизацией (неясно, в прямом или переносном смысле), то заявляло, что «все слухи о...» не имеют под собой никаких оснований. Нашлись свидетели, утверждающие, что уже видели у берегов Италии авианосцы под красными революционными флагами с двуглавым византийским орлом. Нашелся и правительственный эксперт-политолог, обвинивший свидетелей в грубом невежестве и сообщивший, что последний авианосец был построен в Албании в 15 веке, до того как страна стала жертвой коммунистического эксперимента. После этого стало еще хуже.

Наконец, в один прекрасный день пришло известие, что из Влеры и других портов вышел-таки в море албанский флот, состоящий из бесчисленного множества стареньких военных судов, рыболовных шхун, речных катеров, спортивных яхт, барж и надувных лодок, до отказа набитых вооруженными людьми разбойно-штатского вида. Большая часть их потонула в пути, меньшая же, благополучно миновав порядки итальянских и американских ВМС, достигла Аппенинского полуострова. Основные их силы высадились в окрестностях г. Бриндизи, где когда-то ступил на италийскую землю вернувшийся с Востока с победой Помпей. Впрочем, про Помпея эта земля давно успела забыть, а тут стало и вовсе не до него. Албанцы пылали боевой яростью. Бриндизи был взят сходу, разграблен и сожжен. На площадях горящего города, опьяненные победой и богатой добычей, албанцы с налитыми кровью глазами внимали своим вожакам и, потрясая «калашниковыми», двустволками и ломами, кричали: «На Рим, на Рим!»

С падением главной в Средиземноморье военно-морской базы НАТО албанцы обрели контроль над Адриатическим морем. С родины к ним прибывали всё новые пополнения. В несколько дней в руках албанских полчищ оказалась вся Южная Италия. О сопротивлении не было и речи. Итальянская армия была превосходно оснащена и подготовлена, но она могла рассчитывать на что угодно, кроме одного: что ей и в самом деле когда-нибудь придется вести войну, тем более на своей территории. В течение двух недель Итальянская республика пала среди страшного хаоса, разоренных и разрушенных мегаполисов, резни и толп обезумевших людей, мечущихся по дорогам в поисках пищи и крова, для значительной части которых всё это стало первой возможностью прикоснуться к Реальности, вырвавшись из иллюзорного мира компьютерных игр и процентных ставок. Итак, Италия повторила печальную судьбу своего великого предшественника, античного Рима. Красное знамя с черным двуглавым орлом плескалось в безоблачном южном небе над руинами Ватикана.

Падение центральных институтов Римско-католической церкви породило громкое и неожиданное эхо в Латинской Америке, где вскоре разыгрались столь памятные жителям Нового света великие события.

Единственной частью Италии, не покорившейся захватчикам, была Сицилия. Когда республика на полуострове рухнула, вся власть на Сицилии быстро и безболезненно перешла от государственных институтов к тем, кому она, исходя из глубокого, хотя много десятилетий скрываемого убеждения местного населения, и должна была принадлежать по праву - к так называемой мафии, являющейся на самом деле извращенной формой традиционной клановой организации архаичного сицилийского общества. Мафия взялась за дело обороны острова всерьез и когда албанская флотилия подошла к его скалистым берегам (албанские вожди не были сильны в географии и думали, что это уже Америка), люди сицилийских донов встретили ее ураганным огнем. Каждый метр побережья ощетинился

стволами и ни один албанский оккупант, ни тогда, ни в последствии так и не ступил на сицилийскую землю. Напуганные неожиданным отпором албанцы оставили проклятый остров в покое. Однако по мере вызревания там новой государственности, у палермских лидеров появились далеко идущие планы. Три года спустя их отряды высадились в Неаполе, заняли юг Аппенинского полуострова и провозгласили, в связи с окончательным крахом химерической идеи единого итальянского государства, воссоздание Королевства Обеих Сицилий. Впрочем, еще через год между обеими, континентальной и островной Сицилиями вспыхнула гражданская война и Южная Италия постепенно вернулась под албанскую гегемонию. С овладением Италией в руках албанских орд оказалась не только несметная добыча, но и огромное количество самого современного оружия. Было ясно, что на достигнутом они не остановятся, и угроза нашествия нависла над всей Европой. В столицах континента правительства лихорадочно совещались. Американцы, одни сохранившие присутствие духа, предложили план немедленных радикальных мер. Согласно ему все имеющиеся в наличии сухопутные войска в Европе концентрировались на границах Италии, образуя непреодолимый стальной заслон, в странах блока вводилось военное положение, перекрывались любой ценой албанские морские коммуникации в Адриатике, а стратегическая авиация США наносит по территории Албании точечные ядерные удары. План был хорош, но исполнится ему не было суждено. Пока в Брюсселе что-то согласовывали, вместо сил НАТО на французской границе появились албанские полчища. Подобно огню, пожравшему весь горючий материал на одном месте, они, разорив Аппенинский полуостров, готовились распространиться дальше - по чисто физическим законам, как бессознательная стихия. И тут ни к селу ни к городу французское правительство сделало заявление, что оно-де и так давно добивалось передачи Южного командования НАТО от американцев к европейцам, что его не послушались и вот что получилось, и что раз так, то, следуя заветам генерала Де Голля, Франция покидает военную организацию Северо-Атлантического альянса, оставаясь при этом в его политической организации и не сомневаясь в дальнейшем плодотворном сотрудничестве со странами - партнерами, не исключая и США. На следующий день всё кордоны на франко-итальянской границе были сняты. Албанцы хлынули во Францию.

Нельзя сказать, что такая странная капитуляция ничего не дала. Погром, которому подверглась Франция, был хотя и ужасен, но всё же не сравним с итальянским. Трудно сказать, чем это объясняется. Возможно, у албанских варваров с началом успешных завоеваний уже успели родиться зачатки империалистического мышления, главный принцип которого: карать непокорных, покорных же (по возможности) щадить. В рядах вторгшихся во Францию орд, кроме самих албанцев, неожиданно оказалось великое множество итальянцев. После разрушения своей страны, потеряв всякую надежду на восстановление своего привычного и уютного буржуазного мира, многие из них не нашли ничего лучше, как примкнуть к победителям, дабы с оружием в руках добыть себе новое место под солнцем. Тут, кстати выяснилось, что позорно разбитые всего пару месяцев назад макаронники, лишившись опеки социального и правового государства, могут быть прекрасными солдатами. Аналогично, во Франции армии победоносных завоевателей пополнились некоторым количеством французов. Здесь это присоединение носило более организованный характер. Интеллектуалы из числа новых правых сочиняли многословные и высокохудожественные манифесты о горячей молодой крови, призванной оживить дряхлую старушку Европу, и призывали молодежь встать под «благородные штандарты Второго Рима», чтобы вместе с Титанами Великой Албании идти на завоевание мира.

Германия капитулировать не собиралась, но ее рубежи были сокрушены изнутри. В одну темную и дождливую ночь десятки тысяч леваков атаковали ядерные могильники Горлебена. Охранявшие их силы порядка решили, что это уже албанцы и, естественно бежали. Захватив могильники и совершив над ними ритуальные надругательства и многочисленные акты вандализма, леваки уже собирались мирно разъехаться по стране, чтобы по вере автономов жить свободной и гармоничной жизнью в альтернативном обществе, но не успели. Весть о появлении албанцев в сердце Германии с быстротой, естественной для эры электронных коммуникаций, разнеслась по федеративной республике. К утру крик: «Албанцы идут» - стоял над всей обширной и туманной землей Гете и Гегеля, парализовав полностью общественно-государственную жизнь. Разумеется, всеми ожидаемые, албанцы не замедлили появиться. Не стоит утомлять читателя однообразными, в свете всего вышесказанного, описаниями участи Германии. Скажем лишь, что ей повезло меньше, чем Франции.

Государств на карте Европы становилось всё меньше. За последними событиями всё как-то забыли о «Бывшей Югославии», сообщения из которой еще недавно так приятно леденили кровь в жилах обитателей цивилизованного мира. То есть сообщения оттуда продолжали поступать, и даже круче прежних, но цивилизованный мир был столь зачарован зрелищем собственного конца, что ему стало не до пустяков. Короче, когда о Югославии вспомнили, ее уже не было. Никакой. Ни бывшей, ни нынешней. Как это вышло, никто не заметил. Но в общем можно было догадаться.

В те дни Австрия прислала во Влеру высокую делегацию. Венские дипломаты просили албанцев обратить внимание на то, что принцип нейтралитета в международных делах является краеугольным камнем австрийской государственности, что он (принцип) так почитаем на их родине, что день принятия соответствующего закона в 1956 году стал ее национальным праздником, что Австрия издревле питала самые теплые чувства к народу Албании (ибо свидетельств обратного нет) - и раз так, то австрийское правительство очень надеется на ответные чувства со стороны народа Албании. Албанские вожди не очень поняли, чего австрийцы от них хотят, но послов отпустили с дарами и честью. Американское командование, оценив ситуацию в Европе, сочло, что здесь всё кончено. Наплевав на отчаянные вопли Голландий и Люксембургов и - самые громкие и жалобные - молодых демократий бывшего

Варшавского договора, оно погрузило войска на суда и самолеты и начало эвакуацию. Однако лидеры США понимали, что Атлантический океан тоже преодолим, а потому решили строить вокруг Европы санитарный кордон. Корабли 6-го флота, выведенные из Средиземноморья, блокировали Гибралтар и Атлантическое побережье Испании (внутри этой страны к тому времени настала пагубная анархия, к которой она всегда имела сильное предрасположение). Возведение незримой стены вокруг европейского континента началось успешно, но вскоре третий его столп (по счету после двух геркулесовых) пошатнулся и пал.

Великобритания заявила, что останется верна атлантической солидарности и готова даже в одиночку, как в сороковом году, драться за ценности свободы, культуры и цивилизации. Но и эти благие намерения - увы! - не покинули незамутненную в своем совершенстве, сферу Идеальных Представлений. В Соединенном Королевстве восстали кельты. Началось с избиения англосаксонского большинства в Северной Ирландии. В назначенный тайными центрами час ирландские националисты ринулись в бой. Их паролем (наверное, случайно, а может как «операция Ы» - чтоб никто не догадался) были избраны слова «Израиль в море». Этот Израиль и решил исход дела. Непонятный клич так напугал английское население, администрацию и армию, что совершенно парализовал их волю к сопротивлению. За Ольстером последовала не только Шотландия, но даже Уэльс. Одновременно в графстве Суссекс (почему-то именно там) вспыхнул вооруженный мятеж участники которого потребовали низложения Елизаветы Второй и провозглашения леди Дианы королевой Великобритании. Одновременно албанские рати, выйдя на берег Ла-Манша, устремились в тоннель под заливом. Но то ли от того, что их туда набралось слишком много, то ли в силу геологических причин (тогда очень во время) - тоннель рухнул, погребя под собой толпы победителей Европы. Но и это не помогло, порядок на английской земле восстановить было уже невозможно и вскоре Британские острова захлестнули волны хаоса *

---

* Не совсем ясно, о каких волнах говорит автор. Однако если обратиться к древним картам, мы увидим, что Британские острова занимают на них площадь примерно в пять раз больше нынешней. До сих пор эта странная и систематическая ошибка картографов прошлого была сильным аргументом тех историков, которые придерживаются теории о низком уровне развития научного знания в Докатастрофическом мире. (Прим. публикатора).

Всё то время, пока волны албанского нашествия кругами расходились по Европе, со всех ее завоеванных частей, сначала через Италию и Адриатическое море, а потом и сухопутными путями, в Албанию шли бесконечные транспорты с грузом добычи, взятой албанцами в покоренных землях. Добыча эта была несметна (человеки «золотого миллиарда» много чего успели накопить), а аппетит победителей - ненасытен. И навстречу - из Албании во всех направлениях - тянулись новые вереницы албанцев, стремящихся за добычей и лучшей жизнью в завоеванных богатых странах. Эти два встречных потока казались неисчерпаемыми. С падением Британии вести из Старого света в Новый приходить практически перестали. Вся структура информационной цивилизации третьего тысячелетия, долго и любовно возводившаяся лучшей частью человечества, сгинула в одночасье, и Европа быстро превратилась для американцев и азиатов в заповедный материк, населенный едва ли не драконами. По некоторым признакам можно было судить, что албанцы достигли ее северных рубежей и уже вся она в их руках. Едва ли не единственным источником достоверных сведений о положении в Европе была разведывательная спутниковая съемка. Через некоторое время спецы НАСА и ЦРУ обнаружили, что встречные потоки добычи и албанских переселенцев стали уменьшаться, а вскоре совсем иссякли. Это показалось интересным, и была выполнена подробная космическая съемка территории «прежней» Албании. Оказалось, что она практически опустела. Почти всё албанцы покинули территорию своей родины и расселились по просторам Европы. Тут вспомнили, что в Албании было совсем небольшое население.

Собранные на территории коренной Албании богатства заставляли думать, что, по крайней мере, часть жителей еще планирует вернуться к покинутым очагам, но это были уже частности. Стратегические аналитики США сделали вывод, что в Европе достигнуто некое новое равновесие. Теперь, согласно их пониманию, интересы США в регионе состояли в поддержании этой новой стабильности до тех пор, пока она снова не созреет для окончательно всё стабилизирующего американского влияния. Возможно, это была хорошая, зрелая идея.

Но в это время в России...

На этом сохранившаяся часть оригинала литературного памятника обрывается. Из дальнейшего текста обнаружено несколько отрывков, степень сохранности которых столь низка, что они практически не поддаются однозначной дешифровке. Сейчас над ними работают лучшие специалисты мира, пытаясь восстановить крупицы бесценной информации. Можно сказать лишь, что вещи, о которых там идет речь, столь странны, что боюсь, могут послужить новому возрождению абсурдной теории «зеленых человечков». Как жаль, что подобные низкопробные бредни не только распространяются бульварной прессой (где им самое место), но и находят отклик на страницах научной литературы, призванной служить утонченной пищей просвещенных умов нашего времени! - прим. публикатора.

Анастасия ДРОЗДОВА

ТРЕБУЮТСЯ ДЛИННЫЕ НОГИ

Женщина на рынке труда

Открой любую газету с объявлениями о приеме на работу и увидишь стандартный набор требований к кандидатам: "Требуется мужчина, с вышсим образованием, стажем.." Требуется мужчина. Образование, стаж, опыт — — это все потом, это не главное. Главное — — пол. Вот так все просто. Такими вот заявлениями женщина просто отлучается от престижной и высокооплачиваемой работы. Не нужна она на рынке, спроса нет.

Для либерально-буржуазных экономистов здесь нет трагедии. Это же азбука, скажут они, женщина при капитализме —дополнительный ресурс рабочей силы, который на время экономического кризиса и спада производства просто сбрасывается со счетов. Не принимается в расчет. Рынок манипулирует людьми и вытесняет женщин из сферы прозводства, а государство не защищает их.

У безработицы сегодня женское лицо. Лицо усталой челночницы на вещевом рынке, уволенной по сокращению из какого-нибудь НИИ. Лицо продавщицы коммерческой палатки, работающей на почти феодальных условиях, выставленной из своего предприятия перед самой пенсией. Это лицо девушки — выпускницы вуза, высококлассного специалиста, генетика или филолога, мечтающей за пару сотен баксов украшать офис нового русского. И это еще только при внешности фотомодели и длинных ногах...

По статистике известно, что около 2/3 безработных — — в настоящее время женщины. Слова министра труда о том, что пока есть безработные-мужчины, нечего обращать внимание на проблему женской безработицы, просто как дважды два объяснили суть политики занятости в отношении женщин: по остаточному принципу. Зато женщине из всех СМИ активно внушается, что предназначение ее семья и она должна немедленно начать повышать уровень рождаемости в России. На самом деле именно эта политика приводит женщин к решению не иметь детей из-за неуверенности в завтрашнем дне. Неудивительно, что такая ситуация порождает у женщин депрессию, неуверенность в себе, заниженную самооценку. Невозможность реализовать себя в профессиональной деятельности объктивно толкает женщин к иным способам выживания. Это, как показывают социологиечские исследования, создает у молодых девушек установки совершенно опредленного характера в отношении своего будущего: либо пускаться на поиски "новых русских" мужей, либо заниматься проституцией. Согласно проведенным опросам, валютная простиуция является в глазах молодых девушек одним из самых престижных занятий. (Здесь, конечно, опять же буржуазно-либеральные социологи лицемерно указали бы на упадок нравов, потому что в этой системе ценностей женщина виновата всегда, будучи вещью — — эксплуатируемым телом и репродуктивной машиной. Только на самом деле именно здесь как нельзя более ярко проявляется безравственность патриархата по отношению к женщине, этому "казненному" полу).

На этом фоне более всего удручает, что женщина вынуждена бороться с такой дискриминацией в одиночку. Неужели придется прожить в такой ситуации многие десятилетия, чтобы женщины наконец осознали, что проблемы у них общие и бороться за свои права нужно сообща? Где женская солидарность? Когда в 70-х годах в США одна секретарша отказалась подавать кофе своему шефу на основании того, что это не входит в круг ее обязанностей, и была за это уволена, сотни женщин вышли на демонстрации протеста, а у нас? У нас такие увольнения происходит чуть не каждый день, и ничьего внимания это не привлекает. Женщина смиряется со своим положением обслуживающего персонала в сфере экономики, что с точностью копирует систему взаимоотношений полов в патриархальной семье.

Современная ситуация с женщиной на рынке труда возникла не на пустом месте. Перед тем, как такое положение сложилось в экономике, для него была хорошо подготовлена идеологическая база в эпоху перестройки, когда неуклонно демократизирующиеся публицисты, выясняя, кто же все-таки виноват в бедах этой разнесчастной Россиянии, пришли к сакраментальному выводу, что повинна в этом (вкупе с большевиками и масонами) женщина, которая не воспитывает детей. Значит, надо отстранить ее от работы и загнать на кухню. Что и пытается сделать современное рыночное общество посредством самых различных механизмов.

Во всем мире женщины борются сообща с дискриминацией в сфере занятости и оплаты труда. Они объединяются в профсоюзы, они представляют собой силу, с которой вынуждены считаться и государство, и частные предприниматели. Они добиваются принятия законов, гарантирующих социальную защищенность женщины. В Германии даже существует профсоюз домохозяек, которые требуют от государства достойной оплаты их труда в денежном эквиваленте, а также пенсионного обеспечения. Они заставляют общество учитывать тяжелый и неблагодарный ежедневный труд домохозяйки по обслуживанию ее семьи. У нас же пока что бытуют представления об этом как о "священной обязанности", необходимой составляющей образа "мистической женственности", что характерно для традиционного общества. Задача феминизма — — демистифицировать эту женственность, помочь женщине осознать себя полноценным человеком, способным реализовать себя в профессиональной деятельности и достойным получать за это нормальные деньги. Феминизм говорит "Нет!" процессу вытеснения женщины из мира производства в мир домохозяйства, из публичной сферы в частную, тенденции к "одомашниванию" женщины. Нет, она останется дикой, вольной и независимой! Буржуазному патриархату ее не приручить!

У безработицы сегодня женское лицо. И оно становится все больше отчаявшимся и озлобленным. Вглядитесь в него, сильные мира. Социальный взрыв неминуем. Патриархатное общество атрибутирует женщину как существо терпеливое и ставит ей это в заслугу, потому что ему так удобно. Но и этому терпению приходит конец.

История ФОРА

(по книге П. Йерилла и Л. Россера " Революционный синдикализм в Латинской Америке: ФОРА в Аргентине")

Начало движения. Анархистская пропаганда.

Происхождение анархического движения в Аргентине остается мало изученным. Но можно проследить события по крайней мере, с 1872 года, когда в Буэнос-Айресе была создана секция I Интернационала. Существуют две версии этого события. По одной версии, это прежде всего заслуга уругвайского анархиста А. Хуанеса, по другой — маленькой группы французских социалистов, вероятно, высланных после Парижской Коммуны. Вне зависимости от того, какая версия правильная, следует отметить, что своим происхождением анархистское движение обязано работе эмигрантов. Это положение сохранялось многие годы, и даже позднее, когда анархисты уже имели мощную поддержку среди масс аргентинских рабочих, правительство всё еще верило, будто для прекращения любых волнений в промышленности достаточно выслать из страны "кучку агитаторов".

К 1873г. Международная ассоциация трудящихся прочно укрепилась в столице. Сложилось три отдельные секции — рабочих, говорящих по-французски, по-испански и по-итальянски; в них состояло около трех сотен членов. В 1874 г. была создана новая секция Интернационала, в провинции Кордова. В марте 1875г. многие ее члены были арестованы в связи с поджогом церкви но затем отпущены из-за недостатка улик... В то время в Интернационале было два направления — авторитарный социализм Маркса и анархизм Бакунина. После раскола на Гаагском конгрессе 1872г. Марксисты и бакунисты пошли разными путями. В Аргентине произошло то же самое.

Анархическая пропаганда оказывала влияние на наиболее мыслящих участников рабочих выступлений, равно как и на сами эти выступления. Только сами трудящиеся, — говорили анархисты, — организованные в собственные борющиеся объединения, могут добиться улучшения условий жизни трудящегося класса. Причина болезни — бедность, единственное лекарство — революция. Газета "Ла Вердад" издававшаяся врачом Джоном Кригом, содержала мало политических оценок, сосредоточившись на сообщениях о борьбе рабочих и крестьян, о тяжелых условиях жизни, которыми были вызваны эти выступления. Анархистов мало интересовала политическая борьба, они не верили политикам. Прогресса, по их мнению, могли достичь только рабочие союзы с помощью самоуправляемой экономической и социальной борьбы. Это означало, что только такие союзы, свободные от бюрократии, пользующиеся местной автономией, и применяющие тактику прямого действия, смогут достичь цели — построить безгосударственный социализм (анархизм). В 1876г. Бакунисты создали собственный "Центр рабочей пропаганды"— (первый анархистский центр в Аргентине) и выпустили свою газету "Ла Вос дель обреро". Марксисты сделали то же самое, начав издавать "Ла Вангуардия". В 1879г. В Буэнос-Айресе начал выходить "Эль Декамисадо". Это был важный этап развития анархистского движения в Аргентине: ведь до сих пор всё пропагандистские материалы ввозились из Европы.

В 70е годы XIX века в страну приезжало около 8500 иммигрантов в год (в основном из Италии и Испании). В 80е это число увеличилось до 63 тысяч в год, а затем стабилизировалось в 90х на 32 тысячах ежегодно. В 1895 году 75% рабочего класса Аргентины составляли иммигранты. Они надеялись найти здесь дороги, вымощенные золотом, но нашли ту же нищету и те же бедствия, какие оставили за океаном. Поэтому многие приехавшие заинтересовались радикальными идеями — социалистическими и анархистскими.

С первой волной европейцев в страну приехал Этторе Маттеи... Он родился в Ливорно (Италия) в 1851г., как анархист активно участвовал в Интернационале после 1886г. Высланный из Италии за свою политическую деятельность, Маттеи безуспешно пытался осесть во Франции, но около 1884г. вынужден был покинуть ее и отправился в Аргентину. В Буэнос-Айресе он помог организовать влиятельный "Анархический коммунистический кружок" и долгие годы играл важную роль в движении. А в 1885г. в Аргентину приехал известный итальянский анархист Эррико Малатеста (в это время во Флоренции был выдан ордер на его арест). Он прожил в стране 4 года, реорганизовал "Анархический коммунистический кружок" в "Кружок социальных исследований", а 22 августа 1885г. начал выпускать свою газету «Ла Куэстасионе сосиаль», аналогичную по содержанию той, которую он основал в 1883г. в Италии. Газета имела относительный успех (вышло 14 номеров) и просуществовала год. В то же время выходило и множество других анархистских газет. В 1897г. в Буэнос-Айресе стала выходить ежедневная газета под названием "Ла Протеста" и она имела огромный успех — Пьетро Гори и Джон Криг помогли превратить ее в блестящий форум местных и международных новостей и комментариев. В 1894г. в Лухане и Буэнос-Айресе стал выходить "Эль Опримидо" — ежемесячник, издаваемый Джоном Кригом и имевший анархо-синдикалистскую ориентацию. Он вел оживленную полемику с теми, кто считал участие в профсоюзах "реформизмом" и с левыми диссидентами в соцпартии, которые сочувствовали синдикализму. В 1897г. "Эль Опримидо" закрылся, но в это же время укрепился основной анархо-синдикалистский журнал "Сьенсия сосиаль", имевший корреспондентов по всему миру. Постепенно складывалось аргентинское анархистское движение; в конце 90х анархизм уже был главной силой в рабочем движении. Пришло время для решительных действий.

Возникновение рабочего движения

Первой рабочей ассоциацией в Аргентине стало общество печатников, основанное в Буэнос-Айресе в 1857г. рабочими, которые находились под влиянием идей Сен-Симона. Общество имело контакты с анархистами в Испании и других странах, выпускало рабочую газету "Эль-Артесано", издававшуюся Бартолме Виктором-и Суаресом. В 1877г. общество переименовалось в союз печатников — это был первый профсоюз в Аргентине, — и в 1878 году союз провел первую стачку с участием 1000 рабочих. Хотя выступление оказалось успешным (удалось добиться повышения зарплаты), пример распространялся медленно. Второй профсоюз — Союз плотников — появился только в 1885г. В 1886г. Малатеста убедил группу пекарей, многие из которых уже были анархистами, создать свой союз. В августе 1887г. он был избран его генеральным секретарем. Малатеста помог сформулировать цели и принципы союза, а позднее активно участвовал в его первой забастовке в январе 1888г. Решение бастовать было принято после того, как полиция разогнала профсоюзный митинг. Стачка закончилась успехом: предприниматели вынуждены были повысить зарплату на 30%, а цели и принципы союза пекарей, сформулированные при участии Малатесты, были позднее "заимствованы" многими

другими союзами, придав последним революционный характер. В 1888г. примеру Союза пекарей последовали железнодорожники линии Буэнос-Айрес — Росарио и металлисты, объявившие забастовку. В следующем году число стачек с требованиями повышения зарплаты и улучшения условий жизни возросло до 15.

В апреле 1888г. Малатеста выступил за создание рабочей федерации, которая могла бы сплотить союзы. Но не все анархисты откликнулись на это предложение с энтузиазмом. В отношении нового метода борьбы (революции через акции на производстве) движение раскололось на два лагеря. В одном оказались анархисты-коллективисты, которые безусловно поддерживали идею революционных профсоюзов (для них это был не только путь к анархистскому обществу, но и способ привлечь к борьбе массы рабочих). Другой составили анархо-индивидуалисты; это были не штирнерианцы, а последователи Равашоля и испанской группы "Дезерадос". Они отвергали идею профсоюзов как реформистскую, считая, что в профсоюзах слишком много правил и регулирования. Индивидуалисты (сами они так себя не называли) предпочитали "настойчиво работать над революцией" с помощью создания сети групп и «пропаганды действием». Они выпускали различные издания, наиболее удачным из которых была, несомненно, "Эль Персегуидо". Регулярные призывы к применению динамита против угнетателей сделали ее самой популярной анархистской газетой тех дней. За шесть лет вышла сотня номеров; тираж постоянно рос; только 1 мая 1891г. было продано 7 тыс. экземпляров этой газеты. Кажется, с еще большим энтузиазмом звала к оружию франкоязычная "Ла Либерте". Одним из ее обычных авторов был Огюст Вайян, метнувший в последствии бомбу во французскую Палату депутатов.

К 1894г. многие анархо-коллективисты осознали необходимость создания рабочей федерации. В пользу этого высказался ряд газет. Несколько профсоюзов, находившихся под влиянием анархистов, подписали "Пакт солидарности", в надежде, что он приведет к образованию федерации. Однако, эта попытка оказалась неудачной. Характерно, что и социалистам не удалось в это время создать собственную профсоюзную федерацию.

Если в 1893г. в Буэнос-Айресе было всего 12 профсоюзов, то к 1894г. их число выросло до 21. Количество стачек составило 19 в 1895г. Удачные забастовки приводили к тому, что движение росло как снежный ком, сознавая эффективность такого рода действий, рабочие массами вступали в профсоюзы. В то же время там, где стачки терпели поражение, имело место значительное сокращение числа членов профсоюзов. В 1896г. только в столице действовали 27 рабочих союзов. Анархисты были наиболее влиятельны в союзах текстильщиков и штукатурщиков, социалисты преобладали в союзах рабочих мясной, табачной, обувной промышленности, столяров-краснодеревщиков, пекарей. Часто обе тенденции существовали бок о бок. Например, союз каменщиков был основан анархистами в 1890г., а через несколько лет перешел под контроль социалистов, в 1895 г. положение снова изменилось: исполнительный совет решил исключить члена профсоюза за распространение анархистской литературы, но рабочие добились отмены решения на общем собрании. В апреле и июне 1896г. дюжина союзов, контролировавшихся анархистами, организовала две конференции, где впервые была высказана идея всеобщей стачки. Через несколько месяцев идея была осуществлена на практике. Забастовали железнодорожники линии Буэнос-Айрес — Росарио. Стачка быстро охватила линию Буэнос-Айрес — Топоса, затем распространилась на Кампану и Хунин. В Росарио анархисты организовали всеобщую стачку всех профессий; это в свою очередь вдохновило рабочих Ла-Платы и Буэнос-Айреса сделать то же самое. 6 сентября 1896г. 25 тысяч рабочих участвовали в стачке солидарности. Анархисты делали всё, что могли, чтобы укрепить эту солидарность, и хотя забастовка окончилась неудачно, она оказала огромное влияние на рабочее движение. Впервые в Аргентине проявился революционный потенциал стачек. Но и правящий класс извлек из происшедшего уроки, когда в декабре 1898г. вновь вспыхнули массовые забастовки, на их подавление была брошена армия, в ход пошли и штрейкбрехеры и "черные списки".

"Ла Протеста"

Вследствие своего антипрофсоюзного курса, в условиях мощных забастовок, "Эль Персегуидо" потеряла всякое влияние и с 1896г. больше не выходила. "Эль Опримидо" перестала выходить в 1897г., открыв дорогу к созданию новой анархистской газеты — "Ла Протеста умана", прославившейся уже после 1903г. как "Ла Протеста". Эта газета издается до сих пор. Она родилась как еженедельник 13 июня 1897г., в 1904 стала ежедневной и несомненно может считаться одной из самых удачных анархистских газет всех времен. В ее создании участвовали Х. Инглан Лафарга (плотник из Испании), Франсиско Берри (пекарь), Джон Криг и Э.Арана (оба — врачи), Хосе Прат (испанский журналист). Среди первых зарубежных корреспондентов были Рикардо Мелья и отец испанского анархо-синдикализма Ансельмо Лоренсо, регулярно писавшие статьи из Испании. Первоначально тираж составлял 2 тысячи, но по мере роста популярности газеты увеличился до 4 тысяч. С первого же номера газета выступила за создание "аполитичных" (т.е. свободных от политических партий) рабочих федераций, а в 1900г. опубликовала серию из 12 статей Антонио Пельисера Парайры, которая в немалой степени способствовала созданию в 1901г. Аргентинской Рабочей Федерации.

Создание ФОРА

Период 1900-1902гг. стал временем бурного роста числа стачек и участников рабочего движения. Например, 5 января 1900г. 5 тысяч портовых грузчиков в Буэнос-Айресе забастовали, требуя введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты и улучшения условий труда. Стачка на две недели парализовала порт и распространилась на другие порты. В Байя-Бланка после успешной забастовки докеры добились 9-часового рабочего дня. Настало время для реорганизации борьбы. В конце 1900г. несколько союзов (краснодеревщиков, вагоностроителей, маляров, резчиков по камню, кожевников, механиков и графиков) договорились издавать совместную газету "Ла Организасьон". Вскоре после этого механики пригласили представителей других союзов на конференцию по созданию федерации. Конференция открылась 2 февраля 1901г. в Буэнос-Айресе, но приехало очень мало участников. Поэтому была назначена новая конференция. Она состоялась и собрала представителей 14 союзов. Участники призвали провести конгресс и разослали приглашения многим союзам. Наконец 25 мая состоялся конгресс с участием представителей 27 союзов, на котором было принято решение о создании Аргентинской рабочей федерации ФОА (Федерация Обреро Аргентина) позднее переименованной в ФОРА (Федерация Обреро Регионале Аргентина).

Организаторы рассматривали рабочую организацию как естественное орудие борьбы против государства, как средство для осуществления забастовок, прямого действия, актов "революционной гимнастики" (термин, употребляемый для 24-часовых всеобщих стачек, молниеносных стачек, разрушительных маршей

и т.д.). Они не собирались скрывать свои анархистские убеждения и симпатии. В результате на 2 конгрессе ФОА социалистическое меньшинство покинуло федерацию. В октябре 1901г. вспыхнула забастовка на сахарном заводе в Росарио с участием 1 тысячи рабочих. Как и в ходе других стачек того времени, забастовщики требовали 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты. Но прежде чем начались переговоры, полиция арестовала, одного из делегатов стачечного комитета Р. Овиди, и попыталась отвести его в участок. Вспыхнули столкновения, полицейские открыли огонь по рабочим, в результате чего был убит 30-летний Косме Будиславич. В начале полиция объявила его, иммигранта польско-австрийского происхождения "опасным анархистом", позднее она вынуждена была признать, что Косме Будеславич не состоял в какой-либо организации. Через 4 дня после убийства 6 тысяч человек приняли участие в демонстрации протеста в Росарио против полицейского насилия; ФОА организовала 24-часовую всеобщую стачку, во всех крупных городах страны. С января 1902г. ФОА организовала общенациональную компанию бойкота против пекарен "Ла Принсеса", поскольку компания отказывалась разрешить профсоюзную деятельность на своих пекарнях. Акция обещала быть успешной, и полиция немедленно арестовала 2 активистов ФОА в надежде сорвать таким образом бойкот. В ответ ФОА призвала к всеобщей стачке рабочих всех пекарен, и 26 июля Буэнос-Айрес остался без хлеба. В стачке участвовали 7 тысяч рабочих. Трудящихся и их семьи снабжали хлебом рабочие кооперативы. 30 июля всеобщая стачка перешла в выборочные акции — забастовки проводились в тех пекарнях, хозяева которых отказывались удовлетворить требования бастующих. Штрейкбрехерам было разрешено применять оружие для "самозащиты". 19 августа 30 полицейских ворвались в помещение ФОА под предлогом расследования таинственной смерти нескольких штрейкбрехеров. Многие активисты ФОА были арестованы и подверглись пыткам. Стачка прекратилась 24 августа из-за нехватки средств на борьбу. Едва лишь закончилась стачка пекарей, как в конфликт вступили докеры Буэнос-Айреса, требуя ограничения веса перевозимых ими грузов. Результатом забастовки стали двухдневные уличные бои между полицией и рабочими.

86 делегатов 2-го конгресса ФОА представляли уже 47 союзов. Здесь и произошел раскол между социалистами и анархистами. Представители 19 профсоюзов, находившихся под контролем социалистов, покинули конгресс. Они создали свою собственную федерацию — Всеобщий союз трудящихся (УХТ). Освободившись от раскольнических элементов, оставшееся большинство делегатов обсудило различные вопросы. Было выдвинуто требование отменить работу в ночные часы. 1 мая 1902г. ФОА организовала собственную демонстрацию, в которой приняли участие 15 тысяч трудящихся. Социалистическая колонна собрала только 5 тысяч.

Уже после откола социалистов в ФОА вступили 15 тысяч членов Союза водителей. В ноябре 1902г. произошла еще одна крупная стачка — продавцов фруктов. К ним присоединились всё члены ФОА. В это же время правительство провело через парламент "Акт об иностранцах" (процедура принятия решений в аргентинском парламенте была в этом случае резко ускорена, дебаты продолжались только 4 часа) ; новый закон позволял полиции высылать из страны "нежелательных иностранцев". Так реагировали власти на волну стачек, захлестнувшую Аргентину. Шли массовые аресты рабочих активистов, помещения профсоюзов были захвачены полицией, анархистские газеты разгромлены патриотической толпой... Подлежавшие депортации, содержались в заключении вплоть до высылки. Издание "Ла Протеста" было преостановленно, ее редактор Лафарга скрылся. В декабре в условиях осадного положения были закрыты всё помещения ФОА и УХТ. Репрессии на время парализовали рабочее движение, большинство анархистских газет ушло в подполье. Другие, такие как "Сьенсия сосиаль", "Эль Ребельде", "Солидаридад" исчезли после того как их редакторы были брошены в тюрьмы и высланы из страны. Легально продолжало выходить только одно анархистское издание, "Эль Соль" — его редактор А. Гиральдо родился в Аргентине и не мог быть выслан из страны. В январе осадное положение было отменено, но массовые аресты продолжались.

В начале 1903г. Джон Криг помог в финансовом отношении возродить "Ла Протеста" и стал ее редактором. С 15 апреля по 15 июля в 42 профсоюза, входивших в ФОА вступили 15212 новых членов. За тот же период следующего года в ФОА вступило около 33000 человек, а число профсоюзов увеличилось до 66. Борьба против "Акта об иностранцах" была одним из центральных требований на первомайской демонстрации 1903г., которая, в свою очередь, вызвала новые репрессии, после принятия акта полиция рассматривала всех бастующих как преступников. 3-й конгресс ФОА открылся 6 июня 1903 г. в Буэнос-Айресе. Участвовали 80 делегатов. Главной темой было осадное положение и его последствия. Конгресс подверг резкой критике социалистов за отказ поддержать всеобщую стачку ФОА против ноябрьского закона. 16 декабря 1903г. 5 тысяч портовых работников Буэнос-Айреса начали самую большую стачку из всех, какие когда-либо видел это порт. После 4 дней забастовки хозяева обратились за помощью к правительству, и попросили разрешения доставить в порт 1200 штрейкбрехеров. ФОА ответило угрозой всеобщей забастовки докеров. Правительство игнорировало эту угрозу и 24 декабря под охраной полиции в порт прибыла первая группа штрейкбрехеров. Вспыхнули яростные столкновения, докеры — члены ФОА забастовали во всех портах. Стачка распространилась по реке Ла-Плата до самого Монтевидео в Уругвае. Наиболее ожесточенные столкновения произошли 4 января 1904г. в Буэнос-Айресе, когда штрейкбрехеры попытались разгрузить один из кораблей. Полиция вмешалась и взяла штрейкбрехеров под защиту, между вооруженными участниками забастовки и полицией вспыхнула перестрелка. Анархист Саполетти был, убит один из полицейских серьезно ранен. Последними словами Саполетти были: "Вива ла Анархия !"

1 мая 1904г. ФОА организовала демонстрацию с участием 50 тысяч человек. Марш начался на площади Конгресса, затем демонстранты вышли на площадь Мадзини, где выступали ораторы. Конная полиция врезалась в толпу, вспыхнула перестрелка. Были убиты один демонстрант и один полицейский, больше ста человек было ранено. На четвертом конгрессе в июле 1904г. ФОА сменила имя на Аргентинскую Региональную Рабочую Федерацию (ФОРА). Но главным

событием стало утверждение "Пакта солидарности", в котором была впервые обозначена анархистская позиция Федерации; в нем впервые были выражены взгляды воинствующего рабочего анархизма в противовес тред–юнионизму:

"Мы не должны забывать, что профсоюз – всего лишь побочный экономический продукт капиталистической системы, порожденный потребностями соотвтетствующей эпохи.. Сохранение его после революции подразумевало бы сохранение капиталистической системы, которая вызвала его к жизни. Мы, анархисты признаем профсоюзы в качестве оружия в борьбе и постараемся добиться, чтобы они как можно больше приближались к нашим революционным идеалам. Мы рекомендуем как можно более широкое изучение философских и экономических принципов анархистского коммунизма. Это просвещение, исходя из концентрации усилий на социальной борьбе, на достижении 8–часового рабочего дня, освободит нас от духовного рабства и, как следствие, приведет к желаемой социальной революции".

20 ноября 1904 г. в Росарио забастовали помощники продавцов, требуя 8–часового рабочего дня и улучшения условий труда. Неизвестные лица разбили витрины магазинов неуступчивых хозяев, шеф городской полиции потребовал от местного движения ФОРА возместить убытки. ФОРА отказалась платить, 4 активистов были арестованы. В ответ стачка была превращена во всеобщую. В ходе последовавших столкновений полиция убила молодого работника пекарни... ФОРА взяла на себя организацию его похорон и продлила всеобщую стачку еще на 2 дня. Опасаясь новых столкновений с бастующими, полиция выкрала тело погибшего из морга и тайно похоронила его. Когда активисты ФОРА обнаружили, что произошло, 300 товарищей собрались у местного отделения и отправились на поиски тела. На них сразу же напала полиция, которая открыла огонь и убила 2 рабочих и 10–летнего мальчика, более тысячи человек было ранено. Когда весть о бойне дошла до Буэнос–Айреса, ФОРА и УХТ объявили всеобщую забастовку. Правительство, боясь народного восстания, мобилизовало 5 тысяч военнослужащих, военные корабли в порту навели свои пушки на город. Города Кордова, Мендоса, округ Санта–Фе были полностью парализованы стачкой. Государство отступило и заплатило компенсацию, чтобы на время охладить страсти. В 1904 г. было 188 забастовок. Чтобы сломить силу ФОРА, стали применять новые методы.

В январе 1905 г. католический священник создал штрейкбрехерский профсоюз докеров. Он назывался "Аргентинское общество" и имел задачу обеспечивать продолжение работы во время забастовки. Разумеется, с помощью полиции и армии.

После провала попытки военного переворота в феврале 1905 г. было снова введено осадное положение. Многие активисты ФОРА были арестованы и высланы, включая генерального секретаря Франсиско Жаке. Аресты, тюремные заключения, пытки, высылки стали обычным делом. Наступил отлив стачек. 11 августа 24–летний анархист Сальвадор Планас попытался убить направлявшегося в парламент президента. К сожалению, револьвер дважды "заело", и охранники успели схватить Планаса. Он был приговорен к 13 годам тюрьмы, но через 5 лет сумел бежать. На следующий день после покушения 3й конгресс УХТ, к удивлению многих, высказался за сближение с ФОРА. Но 5й конгресс ФОРА отклонил эту идею. Делегаты стоя устроили овацию отсутствующему Планасу; была принята резолюция, рекомендующая членам ФОРА не давать себя арестовывать. Конгресс единогласно решил объявить анархо–коммунизм идеологией ФОРА.

1906 – 1907гг. были бурными и беспокойными. В 1906г. бастовали 137 тысяч рабочих. Ко времени 6–го конгресса ФОРА (сентябрь 1906г.) в нее входили уже 105 профсоюзов. На этом конгрессе было принято решение бороться за 6–часовой рабочий день. 25 января 1907г. ФОРА и УХТ объявили 48–часовую всеобщую стачку солидарности с бастующими рабочими Росарио. Призыву последовали 150 тысяч человек, в том числе 80 тысяч только в одной столице. В Байя–Бланке во время забастовки штаб профсоюза докеров был атакован военно–морскими силами; один товарищ был убит. На его похоронах полиция застрелила еще одного человека. Всего в этом году было около 230 стачек. В том же году произошла стачка квартиросъемщиков в столице. Число иммигрантов росло, жилья не хватало. Квартиросъемщики полностью зависели от милости хозяев. Анархисты активно участвовали в борьбе за уменьшение платы за жилье, призывая квартиросъемщиков целого района не платить до тех пор, пока плата не будет снижена. Начавшись с малого, стачка распространилась по всей столице, в ней приняли участие всё рабочие районы! Затем стачка перекинулась на другие города и в конце концов стала общенациональной. Бескомпромиссная борьба требовала жертв. В стычке с полицией погиб активист ФОРА Мигель Попе, многие активисты были высланы из страны за участие в стачке.

В начале 1908г. в попытке дискредитировать рабочее движение государство применило новую тактику. Во время полицейского рейда против профсоюза сапожников были "найдены" взрывчатые материалы, трое рабочих были арестованы. В том же месяце взорвалась бомба в поезде, перевозившем рабочих. Главными подозреваемыми были объявлены анархисты. Однако даже полиции не удалось объяснить, зачем анархистам понадобилось убивать собственных сторонников. 28 февраля молодой активист Солано Рельхис попытался убить президента. Однако ему не повезло: из–за нехватки денег он не смог достать качественные материалы, и его бомба не сработала. На суде Рельхис так объяснил причины покушения: "...перед лицом Закона о проживании в стране, который дискриминирует анархистов, рожденных вне страны, я, анархист, родившийся здесь и не подпадающий под этот закон, протестую против депортации моих товарищей...". Сегодня нам трудно себе представить, насколько ожесточенной была эта борьба. Забастовки и манифестации регулярно расстреливались армией и полицией и, тем не менее, анархистское рабочее движение росло. В 1907 году корреспондент одной европейской анархистской газеты замечал: "Можно сказать, что анархистское движение здесь уникальное. Здесь почти все рабочие – анархисты".

Первомай 1909г.

Шеф полиции полковник Фалькон прославился в 1909г. благодаря жестоким репрессия против анархистов и рабочего движения. Когда анархисты организовали Первомайскую демонстрацию в Буэнос-Айресе, полиция в присутствии Фалькона напала на анархистскую колонну и убила 8 человек, многих ранила. Возмущение действиями полиции было настолько велико, что даже Соцпартия, которая всегда выступала против анархистов и не участвовала в их демонстрации, присоединилась к ним на этот раз, призвав к всеобщей стачке. Эта стачка длилась 9 дней. В ней приняли участие 250 тысяч рабочих. 2 тысячи активистов были арестованы, большинство рабочих центров закрыто, полиция убила еще 4 рабочих. И всё же 8 мая правительство сдалось, освободив всех арестованных и снова открыв всё рабочие центры. В сентябре снова была предпринята попытка объединить ФОРА с УХТ. 7й конгресс ФОРА обсуждал этот вопрос в деталях и отверг объединение. Поэтому в "объединительном конгрессе" участвовали лишь немногие профсоюзы — члены ФОРА. Вместо распущенного УХТ была создана новая "Аргентинская региональная рабочая конференция" (КОРА).

14 ноября, две минуты по полудни, полковник Рамон Фалькон и его секретарь были убиты во время поездки по столице. Бомбу, убившую их, бросил молодой анархист российского происхождения Симон Родовицкий. На суде он сказал: "...Я убил полковника Фалькона, потому что по его приказу была устроена бойня против рабочих (1 мая 1909 г.)... Я сын трудового народа и брат тех, кто был убит буржуазией..."

Начались репрессии. Полиция захватила "Ла Протеста", типография, где печаталась газета была разрушена; рабочие центры постигла та же участь. В течение 48 часов тысячи людей были арестованы, многие были сосланы на Огненную Землю, иммигранты подвергались пыткам и высылались из страны. Было введено военное положение, сохранявшееся до января 1910г. Вооруженные банды "бдительных" разрушили помещения многих профсоюзов; генеральный секретарь ФОРА Хуан Бьянки был выслан из страны. Осадное положение было снято только 13 января 1910г. "Ла Протеста" стала выходить снова, после того как члены ее редакции были освобождены из мучительного заключения на корабле "Гуардия Насьональ". В марте начала выходить еще одна ежедневная анархистская газета "Ла Баталья". В апреле ФОРА смогла провести свой 8-й конгресс. В мае отмечалось столетие независимости от Испании. Анархисты пригрозили провести 25 мая всеобщую стачку. 8 мая они потребовали, чтобы правительство отменило "Акт об иностранцах", освободило политзаключенных и амнистировало уклоняющихся от воинской повинности. 13 мая снова начались массовые аресты анархистов, были арестованы редакторы "Ла Протеста" и "Ла Баталья", члены генерального совета ФОРА и многие другие (даже члены ЦК КОРА). Вооруженные головорезы, члены патриотических лиг, нападали на конторы и залы собраний профсоюзов. Надо отметить, что несмотря на репрессии (всего было арестовано более 2000 тысяч человек, всеобщая стачка 25 мая всё же состоялась. Но удары со стороны государства оказались настолько тяжелыми, что следующие три года ФОРА вынуждена была действовать в подполье.

В "Театро Колон" взорвалась бомба. Жертв не было, поскольку здание театра в это время пустовало. Анархисты утверждали, что это дело рук полицейских агентов, просто правительству нужен был повод для ужесточения законодательства. Полиция нашла одного русского анархиста, которого и обвинили в организации взрыва (сам он не признал обвинения). Вскоре после этого был принят "Закон о защите общества", прямо направленный против анархистов. Членам анархистских групп запрещался въезд в страну, судовые компании отвечали за пассажиров и должны были везти назад всех, кому отказано во въезде. На проведение собраний, как в помещениях так и под открытым небом теперь требовалось специальное разрешение. Красный флаг был запрещен. Но Ла Протеста продолжала выходить нелегально тиражом от 7 до 10 тысяч экземпляров каждую неделю.

Тиски ослабли в 1913г. 20 июля Ла Протеста возобновила ежедневный выход. Страну вновь захлестнула волна стачек. В ноябре "Ла Протеста" опубликовала статью о Симоне Радовицком: из-за юного возраста он был осужден на пожизненное заключение, и подвергся в тюрьме жестоким пыткам и издевательствам. Статью написал Теодор Антилья. Полиция совершила налет на редакцию и конфисковала "подрывной" номер, Антильи был отправлен в тюрьму на 3 года, главный редактор — Аполинарио Баррера — на 18 месяцев.

Simon Radowitzky

Раскол

2й конгресс КОРА принял 26 сентября 1914г. решение о "массовом" вступлении в ФОРА. Большинство членов КОРА были настроены против анархистских идей и тактики, и это неизбежно должно было породить крупные проблемы. На 9-м конгрессе ФОРА из программных документов были устранены все ссылки на анархизм. Сразу же после 9-го конгресса анархисты, входившие в Федерацию, организовали собственный конгресс 2 мая и подтвердили анархистские цели и принципы. К ним сразу же присоединился 21 профсоюз. В феврале 1916г. произошел конфликт в редакции "Ла Протеста": Барреру обвинили в получении денег от владельца пивоварни за сеянье смуты среди рабочих конкурента. В результате Гонсалес Пачеко, Антильи, О. Гонсалес и Альеи ушли из "Ла Протеста" и стали издавать "Ла Протеста умана".

1917 год оказался кровавым. 26 рабочих были убиты полицией во время демонстрации социалистов. Нападению подверглась и демонстрация ФОРА: 10 июня полиция застрелила многих рабочих во время анархистской демонстрации. Еще 10 рабочих погибли во время подавления забастовок. Российская революция оживила рабочее движение во всем мире. События в России произвели впечатление и на анархистов, хотя последние не были, в отличие от многих других течений рабочего движения, очарованы словами типа "диктатура пролетариата". Они слишком хорошо понимали, что большевистская "диктатура пролетариата" очень скоро превратится в "диктатуру над пролетариатом" и оказались правы в своем предвидении.

19 июля 1918г. анархистская ФОРА ("5-го конгресса") объявила всеобщую стачку солидарности с железнодорожниками Южной и Тихоокеанской компаний. Неанархистская ФОРА ("9-конгресса") называемая иногда "синдикалистской", не признала стачки. В ноябре 1918г. Баррера был снова арестован за организацию побега Радовицкого из тюрьмы в Ушуайе. Симон был схвачен в Чили и вместе с Баррерой возвращен в тюрьму.

Трагическая неделя

7 января 1919г. рабочие металлургического предприятия "Васена" начали забастовку с требованием сократить им рабочий день с 11 до 8 часов. Для того чтобы сломать забастовку, были использованы штрейкбрехеры под защитой полиции; бастующие и члены их семей встретили их градом камней. Полицейские открыли огонь, убив 4 человек и ранив около 20. Анархистская ФОРА призвала к бессрочной всеобщей стачке, неанархистская ФОРА к 24-часовой. 8 января состоялись похороны погибших; в них участвовали 200 тысяч рабочих. Полиция снова стреляла в толпу. Итог : 50 человек убито и сотни ранены. Антирабочие реакционные группы организовали террористические банды и нападали на помещения профсоюзов. Начались аресты рабочих, еврейские погромы. Рабочие сопротивлялись как только могли. Они нападали на полицию на улицах и разоружали ее. Фабрика "Васена" сгорела дотла. Отряды рабочих совершили рейд на оружейные склады и добыли оружие. Началась вооруженная борьба; в некоторых районах улицы патрулировала вооруженная рабочая милиция. На несколько дней Буэнос-Айрес превратился в одно сплошное поле боя.

9 января 1919 в тайне от своих членов лидеры неанархистской ФОРА подписали секретное соглашение с правительством о прекращении стачки. На следующий день полиция при поддержке новосозданной "Патриотической лиги Аргентины" напала на помещение "Ла Протеста". Президент Иригойен назначил генерала Луиса Х. Дельпиане военным комендантом столицы, город был окружен 30 тысячной армейской группировкой. 11 января новость о тайной сделке меду правительством и неанархистской ФОРА стала известна, ее члены проигнорировали решение своего руководства и продолжали бастовать. Это было началом конца неанархистской ФОРА. Тем временем стачка распространилась на Мар-дель-Плату, Сан-Фернандо, Сан-Педро, Росарио, Санта-Фе, Байя-Бланку и Тукуман. Только 12-13 января забастовка медленно пошла на спад. И впервые стали известны масштабы ужаса, который вошел в историю под названием "трагическая неделя". Свыше 700 рабочих были убиты, более 2 тысяч ранены, 55 тысяч (!) арестованы; и всё это в течение одной недели. Были закрыты всё крупные левые газеты. Однако сломить сопротивление рабочих не удалось, движение не было деморализовано. В самой ФОРА мнения разделились. Одни союзы призывали к социальной революции, другие полагали, что такая попытка была бы преждевременна и что даже в случае успеха будет подавлена мировой реакцией. Это спор затормозил движение в то время, когда хозяева предприятий, обезумев от угрозы революции, поспешили удовлетворить всё требования рабочих.

ФОРА в 20-е годы

(по различным источникам составил В. Дамье)

В конце сентября — начале октября 1920г. анархистская ФОРА созвала внеочередной конгресс в Буэнос-Айресе. Организация быстро росла (в ней состояло около 125 тысяч человек). Своих представителей на форум прислали 400 входивших в ФОРА союзов, 56 автономных профсоюзов и 192 симпатизирующие организации. Участники съезда почти единодушно выступили за коммунистический анархизм и отвергли идею "диктатуры пролетариата". Конгресс выступил за возрождение антиавторитарного Интернационала. Обсуждался так же вопрос о возможности союза с другими рабочими организациями. Делегаты приняли решение, что любое объединение возможно только на основе признания принципа анархо-коммунизма."Синдикалистская", параллельная ФОРА на словах была за единство. Но события горького и кровавого 1921 года показали реальную цену этих деклараций. В провинции Санта-Фе вспыхнула забастовка 20 тысяч рабочих; они не принадлежали к какой-либо профсоюзной федерации. Выступление было жестоко подавлено войсками и полицией; имелись жертвы. ФОРА предложила синдикалистам провести 5-го апреля акцию протеста, но синдикалисты хранили молчание до 10 апреля после чего ответили в неопределенных тонах. 1 мая в провинции Энтре-Риос несколько рабочих был и убиты во время демонстрации боевиками "Патриотической лиги". Анархисты снова предложили синдикалистам вместе выступить 6-го мая. Те тянули с ответом до 12 мая; и вновь ответ был неопределенным. 26 мая патриотические банды напали на помещение профсоюза машинистов и кочегаров в Буэнос-Айресе; один член ФОРА был убит, многие ранены. Рабочие забастовали, но синдикалистская ФОРА снова отказалась от совместных действий. Тогда анархистская ФОРА решилась на самостоятельное выступление и объявила 31 мая бессрочную стачку. Последовали репрессии: уже накануне стачки были арестованы 180 рабочих, в том числе члены исполкома ФОРА, закрыты всё помещения профсоюзов и редакция "Ла Протеста". Тем не менее, борьба началась. Параллельная ФОРА вынуждена была через пару дней присоединиться к забастовке (ее лидеры были также арестованы), но, как заявили позднее лидеры анархистской ФОРА, опыт совместных действий с 31 мая по 6 июня был настолько болезненным, что понадобятся годы, прежде чем их организация снова решится на совместные выступления с кем либо еще.

В 1921г. вспыхнула волна стачек в Патагонии, стачки продолжались около года. Регион оказался в состоянии восстания. На подавление этого, одного из крупнейших и наболее героических в истории рабочего движения восстаний, была брошена армия под командованием генерала Варелы. Погибли более 1100 рабочих. Но дни самого генерала Варелы были сочтены. 25 января 1923г. в Буэнос-Айресе анархист Курт Вилькенс, при помощи бомбы и револьвера покончил с патагонским мясником. 16 июня Курта убил в тюремном госпитале член "Патриотической лиги"...

Жестокие репрессии стали нормой в 20е годы, это была эпоха правления местных демократов — "Радикальной партии" во главе с первым демократом — Иригойеном. В 1918-1924 гг. ФОРА собирала по 100 тыс. песо в год на поддержку политзаключенных и жертв преследований. В июне 1923 г. организация сообщила, что только в течение последнего года в тюрьмах находилось 3100 ее членов. Но и в последующие годы на поддержку репрессированных товарищей собиралось по 40, 60, 70 тыс. песо.

Отдельные стачки были повседневным явлением в тогдашней Аргентине. Только в апреле 1923 г. ФОРА организовала 24 крупные забастовки. Они продолжались от нескольких дней до нескольких недель, а выступление металлургов длилось несколько месяцев. При этом большинство стачек заканчивались полным или частичным успехом, и только немногие были проиграны. В апреле 1924 г. ФОРА участвовала в 11 забастовках в столице (включая стачку 15-ти тысяч текстильщиков) и в 10 — в провинции. В конце 1924 г. была проведена стачка в Байя-Бланка. Она сопровождалась кровавыми столкновениями и полицейскими

преследованиями. С января 1923 г. по январь 1925 рабочие–анархисты организовали 8 всеобщих стачек в различных секторах экономики, и 3 всеобщие общенациональные стачки: 7–9 июня 1923 г. – в знак протеста против высылки из Уругвая анархиста Сильвейры, 16–22 июня 1923 г. – против убийства Курта Вилькенса и 3–8 мая 1924 г. – против введения реакционной системы обязательного социального страхования. Всё 3 последних выступления бойкотировались противниками ФОРА из "Аргентинского синдикального союза" (УСА), который возник в 1922 г. в результате слияния потерпевшей фиаско "ФОРА 9–го конгресса", пробольшевистских элементов из ФОРА и ряда независимых профсоюзов. В дальнейшем между членами ФОРА, с одной стороны, и сторонниками УСА и "анархо–большевиками" с другой, неоднократно вспыхивали столкновения.

По мере угасания "синдикалистской" ФОРА, анархистская ФОРА укрепляла свои ряды, несмотря на то, что ее покинули отдельные группировки "анархо–большевиков" и анархо–индивидуалисты. Только с сентября по ноябрь 1924 г. в ФОРА вошли 10 новых синдикатов. Во второй половине 20–х гг. в федерации состояли десятки тысяч человек: 20–40–тысяч регулярно уплачивающих членские взносы и 60–120 тысяч активистов. К концу десятилетия ФОРА оправилась от последствий раскола. Стала регулярно выходить газета "Организасьон обрера" и 20 газет отдельных синдикатов.

Важнейшим направлением деятельности ФОРА была международная солидарность. Аргентинские анархисты с конца 19 в. посылали деньги для европейской (прежде всего, испанской и итальянской) анархистской прессы. В частности, благодаря этой помощи Малатеста мог продолжать издавать газету итальянской федерации. В 1921 г. аргентинские анархисты, как и всё мировое рабочее движение, начали компанию солидарности с американскими анархистами Сакко и Ванцетти, приговоренными к смерти в США. В 1922 г. ФОРА послала делегацию на учредительный конгресс анархо–синдикалистского Интернационала – Международной Ассоциации Трудящихся. В марте – апреле 1923 г. 9–й конгресс ФОРА одобрил проведение референдума о вступлении в МАТ. Вопрос был решен положительно. На том же конгрессе аргентинские рабочие анархисты подтвердили, что они безоговорочно отклоняют "диктатуру пролетариата". В 1927 г. ФОРА попыталась созвать в аргентинской столице встречу анархистов и анархо–синдикалистов Латинской Америки. Она не состоялась, так как многим делегациям не удалось приехать. Следующая попытка в мае 1929 г. удалась. В организованном ФОРА конгрессе приняли участие также представители Парагвая, Боливии, Мексики, Бразилии, Гватемалы, Уругвая и Коста–Рики. Была создана Американская континентальная ассоциация трудящихся в составе МАТ. Секретариат АКАТ разместился в Буэнос–Айресе; здесь же стал выходить журнал Ассоциации. Отношения между различными направлениями и течениями в Аргентине в 20–е гг. оставались крайне напряженными. ФОРА вела острую полемику не только с "анархо–большевиками", но и с небольшими группами, которые в разное время откололись от нее ("аргентинским либертарным альянсом", группой "Ла Анторча" и др.) и с анархо–индивидуалистами. В 1923 г. возник конфликт между редакциями газет "Ла Протеста" и "Ла Анторча" (последняя, издававшаяся Антильи и Пачеко, защищала анархо–большевиков» и индивидуалистов от критики). Взаимные нападки зашли так далеко, что ФОРА вынуждена была официально занять определенную позицию в этом споре и в сентябре 1924 г. призвала своих членов к бойкоту "Ла Анторча" и других изданий того же направления. Во второй половине 20–х гг. своей "пропагандой действием" прославился итальянский анархист–индивидуалист Северино Ди Джованни, приехавший в Аргентину в 1923 г. Он и его товарищи занимались подкладыванием бомб в "центрах капиталистической системы" в Буэнос–Айресе и вокруг него до тех пор, пока не были схвачены и казнены в 1931 г. Власти объявили Ди Джованни "врагом порядка №1". Однако его действия встречали резкую критику со стороны ФОРА и "Ла Протеста"...

Конец 20–х гг. в Аргентине снова оказался бурным. С11 по 16 августа 1928 г. ФОРА проводила свой 10–й конгресс – последний большой форум аргентинского рабочего анархизма. В 1929 г. страну охватила новая волна стачек. Докеры провели 24–хчасовую забастовку протестуя против действий "Патриотической лиги". В первые месяцы года бастовали пекари Буэнос–Айреса, затем – строительные рабочие Байя–Бланки, кирпичники в Ломас–де–Самора. Стачки захватили Авельянеду. 14 мая в Буэнос–Айресе во время забастовки строителей был убит член ФОРА Капутто. В июле забастовали портовые грузчики в Росарио; в течение недели стачка переросла во всеобщую. 400 человек были арестованы в это же время в ходе 10–месячной забастовки против "Дженерал моторс". 20 мая 1929г. ФОРА организовала 24–часовую всеобщую стачку с требованием освободить С. Радовицкого. В результате этот самый долгий конфликт с государством за всю историю аргентинского пролетариата закончился победой рабочих: в апреле 1930 г. Радовицкий был освобожден. Но реакция наносила ответные удары: 25 октября 1929 г. при таинственных обстоятельствах был убит ведущий теоретик ФОРА, член профсоюза булочников и редактор "Ла Протеста" Эмилио Лопес Аранго. В его убийстве власти попытались обвинить его же товарищей по профсоюзу.

6 сентября 1930 г. армия под командованием генерала Урибуру совершила переворот и установила военную диктатуру. Как и в предшествовавшие годы, ФОРА и другие анархисты были вынуждены уйти в подполье. Но на этот раз масштабы репрессий, очевидно, сломили рабочее движение. Многие активисты были убиты "эскадронами смерти", другие – государственными расстрельными командами. Распространителя "Ла Протеста" Пенину застрелили в Росарио за распространение «подрывной» литературы. "Ла Протеста" приостановила выход после того, как правительство запретило почте пересылать ее. ФОРА начала выпускать подпольную газету "Ребельон". В случае ареста любой распространитель анархистской прессы рисковал получить смертный приговор. Водители такси были приговорены к смерти за продажу своей газеты "Ла Вос дель шоффер", позднее приговор был смягчен до пожизненного заключения. Военный террор длился 18 месяцев – военное положение было отменепо только в 1932 г. От этой волны репрессий ФОРА так никогда до конца и не оправилась.

ФОРА – как анархистская рабочая организация

ФОРА предпочитала определять себя скорее как организацию рабочего сопротивления, нежели как профсоюз. Термин "синдикализм" означал для ее активистов идеологическую нейтральность, которую они отвергали. Члены ФОРА объединялись не по отраслям экономики, а по профессиям или видам работы. Они предпочитали местные, а не отраслевые федерации. Общенациональные федерации предусматривались уставом, но на практике создавались редко – их было только две – транспортников и докеров. ФОРА отвергала идею о том, что профсоюзы – даже анархистские – должны предвосхищать новое общество. Ее члены считали рабочие организации всего лишь продуктом проблем, порожденных капиталистическим

обществом. Подобно бакунистам, они провозглашали полное разрушение всей существующей системы, после чего должно было возникнуть общество на совершенно новой основе.

ФОРА определяла себя как анархистскую рабочую организацию. Входившие в нее объединения редко назывались профсоюзами. Они могли называться, например, "Общество сопротивления домашней прислуги" или "Союз рабочих-булочников". Они занимались главным образом, рабочей борьбой, повседневным сопротивлением эксплуатации, а также распространением анархистской идеи среди рабочих. В этом смысле ФОРА полностью выделялась из традиции либертарного движения, которая, следую Малатеста, разделяла профсоюзные (синдикалистские) организации и "специфические", анархистские группы. В 1907 году на конгрессе анархистов в Амстердаме Малатеста заявил: "Я не призываю к созданию анархистских профсоюзов, создание которых оправдывало бы и существование социал-демократических, роялистских и иных профсоюзов и более того, стало бы причиной усиления раскола рабочего класса. Я не желаю даже так называемых красных профсоюзов, потому что не хочу профсоюзов желтых. Я хочу, напротив, чтобы профсоюзы были широко открыты для всех трудящихся без различия взглядов, чтобы они были абсолютно нейтральными». Члены ФОРА отвечали на это: "В действительности ни в одной стране нет таких профсоюзов, которые были бы открыты для всех рабочих любых тенденций. Даже если они провозглашают себя политически нейтральными, они не являются независимыми от какой либо партии, системы идей или преобладающей тактики... Анархистам не разрешено пропагандировать свои идеи в профдвижении, которое связано с другими тенденциями, будь они реформистскими или революционными".

ФОРА не одобряла и создание анархистских философских групп, занимавшихся исключительно ведением пропаганды. По тем или иным причинам такие группы оказывались не в состоянии участвовать в общественных движениях. Там, где носителями анархизма были, в первую очередь философы, пусть даже таких масштабов, как Кропоткин, или пламенные пропагандисты вроде Эммы Гольдман или Иогана Моста, иными словами в Англии и в США, анархизм не получил большого развития. Напротив, в Испании и Аргентине было очень мало анархистских теоретиков, но сложилось мощное движение. ФОРА пришла к выводу, что анархизм сложно пропагандировать сверху вниз, от интеллигентов к народу. Лучше распространять его непосредственно в среде пролетариата, поскольку он соответствует его (пролетариата) глубинным устремлениям. "Для нас анархизм - это не лабораторное открытие, не плод размышлений гениальных мыслителей - это стихийное движение угнетенных и эксплуатируемых, которые пришли к пониманию... вреда привилегий и ненужности государства и хотят бороться за социальный строй, обеспечивающий человеку свободное развитие. Философия конкретизирует и формулирует эти скрытые чаянья бунтующих масс, но она не имеет права присваивать себе концепцию анархизма", писали Э. Лопес Аранго и Абад де Сантильян. Задача анархистов в том, чтобы пробудить в эксплуатируемых массах эти уже существующие тенденции. Если же либертарные активисты "отказываются от возможности действовать в сфере труда как автономная сила, довольствуясь монополизацией анархистского движения в маленьких пропагандистских группах, их будущее не обещает ничего хорошего". Поэтому для ФОРА теоретические разработки и рабочее сопротивление неразрывны.

Хотя отдельные члены ФОРА и участвовали в различных группах не связанных с массовым рабочим движением (например - в антимилитаристских группах), в целом такого рода деятельность организацией отвергалась. Предложенная ФОРА модель "интегральной" организации существенным образом отличалась от модели принятой после 1927 испанскими анархистами. В этой последней по словам историка ФОРА Х. Соломоноффа, поддерживалось "организованное разделение между идейно-политическими функциями анархического движения и его чисто профессиональными (корпоративными функциями); наболее характерным примером являются взаимоотношения между Иберийской Анархистской Федерацией (ФАИ) и испанской Национальной Конфедерацией труда (CNT). Другая позиция предполагает, что разработка идеологии и профсоюзное действие составляют неразрывное целое и что наличие специфической организации анархистов вне рабочего движения, неизбежно порождает авторитарные и аристократические отношения между этим "идеологическим ядром" и самим рабочим движением... ФОРА является наиболее законченным примером "слияния" между профсоюзной организацией и внешней идеологией". Специфические анархистские организации появились в Аргентине лишь в 20е годы ("Аргентинский либертарный альянс") и ФОРА боролась с этими организациями.

ФОРА и революционный синдикализм

(по материалам "Ль'Аффранши", №9, 1994)

Революционный синдикализм появился в конце 19 в. как реакция на парламентаризм и реформизм социал-демократии. Согласно его принципам, профсоюз является наилучшей организацией, а синдикализм самодостаточен. Революционные синдикалисты исходили из мысли, что борьба рабочих является тренировкой, "гимнастикой", которая подготовляет всеобщую революционную стачку. В ходе ее трудящимся предстоит блокировать нервные узлы системы (транспорт, связь и т. д.), захватить средства производства и наладить работу экономики. При этом профсоюзные организации станут основой нового общества.

Сформулированный французскими рабочими активистами, среди которых были и анархисты (Пуже, Пеллутье и другие), после принятия в 1906 г. Амьенской хартии революционный синдикализм стал официальной доктриной французской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). В хартии, в частности, говорилось: "ВКТ объединяет --- помимо любых политических школ - всех трудящихся, сознательно борющихся за ликвидацию патроната... В ходе борьбы за повседневные требования синдикализм добивается координации усилий рабочих, улучшения благосостояния трудящихся посредством осуществления таких немедленных улучшений, как сокращение рабочего дня, повышение зарплаты и т.д. Но эта задача - лишь одна сторона деятельности синдикализма; он подготовляет полное освобождение, которое может быть осуществлено только посредством экспроприации капиталистов. В качестве средства действия он отстаивает всеобщую стачку и заявляет, что профсоюз, который сейчас является ассоциацией сопротивления, в дальнейшем станет ассоциацией производства и распределения, основой реорганизации общества... Каждый член профсоюза вне профобъединения полностью свободен участвовать в любой форме борьбы в соответствии со своими философскими и политическими убеждениями, будучи ограничен требованием не привносить в профсоюз взгляды, которые он исповедует вне него... Организации ВКТ в качестве профобъединений не имеют никакого отношения к партиям и сектам, которые вне ВКТ и наряду с ней могут совершенно свободно вести борьбу за преобразование общества".

Настойчивое подчеркивание идеологической нейтральности профсоюзов в Амьенской хартии было связано с особой ситуацией, в которой оказалась ВКТ в 1906 г. Ее члены принадлежали к различным политическим течениям. Запрещая политическую пропаганду внутри ВКТ, революционно настроенные члены Конфедерального Бюро (среди них были и анархисты) получали поддержку реформистского крыла, которое стремилось ограничить роль профсоюзов чисто профессиональными вопросами. Таким образом революционные синдикалисты пытались преградить дорогу социалистам, выступавшим за сближение ВКТ с соцпартией.

По своему происхождению революционный, или "нейтральный" синдикализм не был продуманной доктриной. Он стал итогом повседневной деятельности группы профсоюзных активистов. Впоследствии его превратили в теорию марксистские интеллигенты, наиболее известным из них был Жорж Сорель. В отличие от активистов, возглавлявших ВКТ до 1909 г., Сорель не считал проект всеобщей стачки реалистическим. Для него он был полезным мифом, способным мобилизовать трудящихся на борьбу. Сорель разделял идею марксистов, что источником перемен, двигающих историю, являются конфликты, насилие, борьба классов. Сорель и его ученики считали парламентаристскую эволюцию социализма, идею завоевания власти у избирательных урн противоречащими учению Маркса. В первом десятилетии 20 века они видели в синдикализме средство спасения марксизма. Когда же ВКТ начала становиться всё более реформистской, сорельянцы сблизились с (профашистской) "Аксьон франсэз", надеясь заставить буржуазию преодолеть свою трусость и тем самым придать новый импульс классовой борьбе. В конце жизни Сорель объявил себя почитателем Ленина и русской революции. Часть его последователей эволюционировала к фашизму (так, Ю. Лагарделль стал министром труда при Пэтэне). В Аргентине, как и во многих других странах, под именем "революционного синдикализма" пропагандировались скорее идеи этих теоретиков, нежели рабочих активистов французской ВКТ. Именно против этих идей выступили члены ФОРА.

Аргентинские анархисты справедливо замечали, что "нейтральные" синдикалисты, отвергая любой компромисс с тем, что они именуют "догмами", разделяют фаталистическую концепцию марксизма. Они верят в индустриальный прогресс наций и в возрастающую способность капитализма формировать у народов и личностей свойства, необходимые для подготовки и осуществления революции. Члены ФОРА, напротив не верили в идею о том, что развитие капитализма порождает в его недрах смертельные для него противоречия. По их мнению, революция не является следствием развития капитализма. Наоборот, пролетариат "должен стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма. Только таким образом, формируя этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно прийти к закладыванию неколебимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции — революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых трестов, промышленников и коммерсантов".

Не доверяя дело переустройства мира какой-либо внешней силе, члены ФОРА рассчитывали, в первую очередь, на силу своих идей и на боевой и творческий потенциал сознательного пролетариата. ФОРА отвергала тезис о том, что профсоюз может быть зародышем нового общества будущего, идею о замене власти государства властью профсоюзов, считая, что этот противоречит антиавторитарным принципам. Ее члены выступали за свободную ассоциацию производителей и за свободную федерацию ассоциаций производителей и потребителей.

"Мы утверждаем, что подчинение рабочих организаций процессу капитализации и особенно индустриальному централизму отнюдь не предоставит пролетариату постоянного решения экономических вопросов, а приведет к превращению наемных тружеников в рабов режима, который, несмотря на всю свою абсурдность, предлагается как неизбежный... Невозможно достичь разрушения государства политического, передавая функции государству экономическому. Одно заменит другое...

Что произойдет, если ситуация революции передаст правительственную окраску пролетариату? Перед лицом свершившихся фактов поступят в соответствии с классовыми критериями и изберут новых администраторов для общественных дел, которые должны будут, в первую очередь, поддерживать работу экономической машины. Так, по-революционному, восстановится государство на капиталистической основе, поскольку синдикалистский менталитет не приемлет решений вне "естественного порядка вещей", только сеть условий, порожденных режимом наемного труда, широкомасштабной эксплуатации, экономики, регулируемой законом спроса и предложения, монополии и коммерции...

Возможно ли прийти к коммунизму посредством капитализма? Не найдется ни одного анархиста, который поддержал бы подобный абсурд".

Э. Лопес Аранго

"Согласно историческим материалистам, классовое сознание неминуемо вырастает из господствующих условий капиталистической экономики, императивов индустриализации и капитализации труда. Такой изначальный материал неспособен найти революционное решение социального вопроса (справедливость и равенство для всех, поверх всех каст и классов)...

Мы не считаем, что экономический фактор сам по себе определяет восстание пролетариата... Мы признаем важность этого фактора, но не подчиняем ему другие факторы, которые делают из человек мыслящее целое...

Если мы предпочитаем профсоюз идеологической группе и... отвергаем особую организацию анархистов, то не потому, что придаем особое значение экономическому вопросу. Точнее, мы хотели бы порвать с синдикалистской традицией и сделать анархизм нервом рабочего движения. Наше самое большое стремление состоит в том, чтобы покончить с расколом на два различных и всё более отдаляющихся друг от друга лагеря — профсоюзного экономизма и чистой доктрины".

Э. Лопес Аранго.

Члены ФОРА создавали рабочую организацию, но не идеализировали ее. Синдикализм был для них только средством, оружием, которое "не может обладать большим потенциалом созидания будущего, чем придадут ему люди, которые его используют. Помимо того, что синдикализм служит всем трудящимся для защиты от капиталистической эксплуатации, его организации служат анархистам средством для распространения их идеалов. Но анархисты не могут забывать о своем долге критиковать любые институты...". Эта критика распространялась и на саму ФОРА, в которой они отказывались играть организованную руководящую роль. Члены ФОРА заявляли даже, что в период революции рабочая организация может стать тормозом революции. И потому, стихийность действий угнетенных, если они разделяют либертарные ценности и закалены в повседневной социальной борьбе, — самая лучшая гарантия успеха.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

БЕНДЖАМЕН ТАККЕР. ***СВОБОДА, РАВНАЯ ДЛЯ ВСЕХ.*** (Составитель – А.Майшев). С.–Петербург. Ан–Пресс. 1997.

Еще одна брошюра, посвященная теории и истории анархизма, выпущена российскими анархистами. На этот раз издателем и составителем стал питерский анархист Александр Майшев, а издал он несколько отрывков из статей крупнейшего американского анархо–индивидуалиста Бенджамена Таккера.

Опубликованные работы: «Государственный социализм и анархизм», «Отношение государства к личности», «Наши цели», «Свобода и собственность», «Сила пассивного сопротивления», «Свобода и насилие», представляют исторический интерес, хотя, разумеется, далеко не со всеми высказанными в них мыслями согласятся современные анархисты разных толков. Прежде всего, следует иметь в виду, что это не теоретические работы, а, скорее, публицистически–популярные заметки «на злобу дня», и исторические реалии, о которых в них идет речь (равно как и в выпущенной недавно донбасскими анархистами брошюре Эррико Малатесты), во многом ушли в прошлое.

Кому–то из читателей, возможно, не понравятся либеральные нотки в статьях Таккера, кого–то отпугнет его резкая проповедь террористических методов борьбы, кому–то покажутся чересчур поверхностными и декларативными его общетеоретические высказывания. Но такое различное отношение к представленному в брошюре наследию Таккера естественно: анархизм никогда, к счастью, не был чем–то монолитным. На мой взгляд, наибольшую актуальность и интерес представляет первая статья сборника: «Государственный социализм и анархизм» (кстати, когда–то уже опубликованная в анархическом журнале «Община»). В этой статье ярко и лаконично раскрывается сущность анархического социалистического мировоззрения в противопоставлении государственному социализму и буржуазному либерализму.

В любом случае, отрадно, что российская анархическая публика, наряду с хорошо известными ей классиками либертарной мысли: Прудоном, Бакуниным, Толстым, Штирнером, Кропоткиным, Малатестой, сможет теперь ознакомиться и с таким, несомненно, выдающимся, анархическим автором, как Бенджамен Таккер.

По вопросам приобретения части тиража обращайтесь по адресу: 194021, Россия, С.–Петербург, пр.Пархоменко, 33–76, А.В.Майшеву.

ПЬЕР БАНС, ЭТЬЕН ДЕШАН. ***ЧТО ТАКОЕ АНАРХО–СИНДИКАЛИЗМ?*** (Вольный перевод с французского). Москва, 1996.

«Реформисты и партийные «коммунисты» потерпели крах в деле преобразования общества. Мы предлагаем иную альтернативу – анархо–синдикализм... Анархо–синдикализм не дискредитировал себя на практике. Он отвергает то, что порабощает людей – государства, партии, реформистские профсоюзы... Используемые им формы борьбы, методы прямого действия предполагают активность самих трудящихся. Анархо–синдикализм выступает за всемирное антиавторитарное общество без подавления человека человеком. Для борьбы против государственной машины и против политического истеблишмента партий и профсоюзов недостаточно тактических объединений. Для того чтобы стать сильными, людям необходимо самоорганизоваться. И анархо– синдикализм предлагает свою организацию как отражение будущего свободного общества» (Из предисловия к брошюре).

Во всем мире в анархо–синдикалистских профсоюзах состоят десятки тысяч человек. В нашей стране большинство людей пока не знакомы с анархо–синдикализмом. Эта брошюра может стать первым шагом к знакомству с его целями, средствами борьбы и опытом. Первоначальный вариант был подготовлен французской секцией Международной ассоциации трудящихся – анархо–синдикалистского Интернационала. Товарищи из секции М.А.Т. в СНГ перевели брошюру на русский язык и отредактировали ее так, чтобы она стала понятна нашему читателю.

Стоимость брошюры – 1000 рублей (при заказах больших партий – 700 рублей) плюс стоимость пересылки в ваш регион. Заказать ее можно по адресу:
117485 Москва, а/я 34

ЖЕНЩИНЫ–ТЕРРОРИСТКИ В РОССИИ. Составление, вступительная статья и примечания Олега Будницкого. — Ростов–на–Дону, изд–во "Феникс", 1996 г.

С первого взгляда эта книга может и не привлечь внимания революционно настроеного читателя –– слишком уж мажорно оформлена ее обложка, так что она напоминает какой–нибудь детективчик или любовный роман. Но это не должно смущать, ибо к счастью, содержание ее этому не соответствует.

М. Спиридонова и Ф.Радзиловская рассказывают о жизни революционеров на каторге, о постоянной, непрекращающейся ни на один день борьбе за право на более–менее сносное существование. Голодовки и самоубийства протеста были средствами в этой борьбе. Только так можно было заставить тюремную администрацию уважать человеческое достоинство. Книга "Женщины–террористки в России" не оставит равнодушным никого из интересующихся историей русского революционного движения.

В этой книге собраны воспоминания женщин –– членов Боевой организации эсеров. Среди них –– Прасковья Ивановская, Мария Спиридонова, Александра Измайлович, Анастасия Биценко и др. Живые свидетельства участников террористической практики подробно знакомят с обстановкой начала века в России, с условиями жизни революционеров, строжайшей конспирацией при подготовке покушений, внутренней кухней эсеровской партии. Близко знавшие руководителей Боевой организации –Савинкова, Азефа, Гершуни, женщины–террористики рисуют их портреты объективно и непредвзято. Ярко описываются повседневные революционные будни –– жизнь под чужим именем, постоянный уход от слежки, смена места жительства, тщательная подготовка каждого террористического акта. Валентина Попова –– химик, в своих воспоминаниях она описывает реальные трудности при обеспечении постоянной технической базы террористической работы. Химикиподпольщики, изготовлявшие бомбы, рисковали жизнью не меньше, чем исполнители покушений. Прочитав воспомимания Ивановской и Поповой, становится ясно, что удавшиеся покушения на Плеве и князя Сергея –– только вершина айсберга, и для успеха их многим товарищам пришлось проделать массу нудной и рутинной работы. Об этом следует помнить

ВИЛЬГЕЛЬМ РЕЙХ. ***ПСИХОЛОГИЯ МАСС И ФАШИЗМ*** Университетская книга. Санкт–Петербург.

Наконец появился перевод известной книги Райха. В ней он излагает свои теории об истоках рабской психологии масс и последствиях к которым приводит подобное положение вещей. Как и Фромм, Райх считал, что люди бегут от свободы, так как не хотят нести ответственность за свои поступки, следствием чего является возникновение тоталитарного строя (причем,по Райху – это даже более существенный фактор, чем социально–экономические отношения). Райх подчеркивает, что авторитарный характер существующего общества во многом обусловлен психоологическими причинами.

Книга в общем замечательная и затрагивает многие весьма важные аспекты человеческого существования. Особенно интересны заечания Райха об авторитарной семье и борьбе церкви против сексуальности. а так же о труде и национальных чувствах. Впрочем, у Райха есть и слабые места, в частности трудно согласится с его с ценкой Русской Революции. Кроме того, нам кажется, что он все таки придает сексу слишком уж большое значение (хотя, с другой стороны...).

Почта Наперекора

В последнее время мы получаем множество различных посланий и писем, порой довольно странного содержания. У нас, разумеется, нет возможности подробно ознакомить читателей со всей нашей корреспонденцией, но кое что мы попытаемся сделать.

«Привет Наперекор! Пишет тебе студент Леха из Питера. Я совсем даже не постоянный читатель тебя». – Так начинается одно из полученных нами писем. – «По своим взглядам я анархист. Интересуюсь и западными леворадикальными движениями, такими как Красные бригады, РАФ, Сендеро Луминосо». – И далее – «Я учусь на философском факультете. Просто тащусь от постмодернизма и деконструктивизма... А так же работаю в области византийского православия. Моя мечта совместить православие и ультрарадикальную теорию... Я, кстати, работаю в этой области». К письму прилагается манифестик (выражение автора) – довольно-таки объемное (около 5 страниц) и пространное сочинение под названием «Мистическая Анархия».

Уважаемый Леха! Приходится признать, что у вас странные представления об анархизме. Во-первых, ни Красные бригады, ни РАФ анархистами себя никогда не считали и таковыми безусловно не являлись и не являются. В основу этих движений положена тоталитарная марксистско-ленинская идеология, и имморализм. А уж Сендеро Луминосо – это по существу фашистская организация. Хотя сендеристы и пользуются левацкой фразеологией, на деле это обыкновенные фашисты, требующие изгнания неиндейского населения из Перу, убивающие мирных жителей не согласных с их политикой, терроризирующие левые организации (например, сендеристы ненавидят боевиков из движения Тупак Амару, и находятся с ними в состоянии войны).

Что же касается Вашей попытки скрестить то, что Вы называете ультрарадикальной теорией с православием, то она (попытка) не показалась нам убедительной. Впрочем, желаем успехов.

То ли ночь, то ли день
То ли явь, то ли сон.
Фонари. Чья то тень.
И откуда то – звон.
И с брезентовым верхом машины стоят
И колышется ветром
Брезент. И горит
То ли фары, то ли дьявола очи и снег
И доносится чей-то пронзительный смех...

Это уже начало другого письма, которое пришло к нам из Воронежа от члена ДС Дмитрия Воробьевского. К письму прилагается несколько статей о фальсификациях на президентских выборах и «О безумных поисках нового налога». Статьи эти мы опубликовать не можем из-за отсутствия пространства, у нас были большие трудности с размещением материалов в данном номере. Материал о фальсификациях уже был опубликован в «Новом Свете». В антиналоговой статье, предлагается отменить все налоги вообще, заменив их частной благотворительностью. Вообще, в этой статье чувствуется сильное влияние идеологии анархо-капитализма. Мы совершенно не согласны с таким взглядом на вещи, но не имеем сейчас возможности вступать в дискуссию по данному вопросу. О критике неолиберализма и анархо-капитализма с либертарных позиций см. например – «Критика экономического разума». Андре Горца. (кстати, в ближайших номерах Наперекора будет опубликована подробная стать об Андре Горце и его мировоззрении).

Из Казани мы получили статью под названием «Увертюра Анархиста» за подписью Леона Черного. Нам из нее понравились три фразы. Вот первая – «Исходя из картины мира, создаваемой синергетикой, именно такие открытые Среды присутствуют и определяют ход развития определенной системы или структуры бытия». И вот еще две – «Нет ну занудствует Дамье, ну краток Рауш, ну стонет Рябов, ну оскомина от Шевченко, ну бодяжничает Тюрин, ну ситуанистеет Цовма, ну вечно «зеленеет» Фомичев. Что этого не хватает, чтобы понять, что есть теория». В прилагаемой к материалу записке, говорится, что у этой статьи и материала П. Рябова («Анархические письма»), помещенного в 5ом номере Наперекора, много общего. Может быть и так, но мы этого не заметили.

Из Питера пришел очередной номер Нового Света, изобилующий различными материалами «террористического характера» – читателям предлагаются выдержки из хрестоматийного учебника городской герильи Карлоса Маригелы и обзор действий чеченских партизан, подготовленный анархистом Антошкой.

От Федерации анархистов Кубани (ФАК) и лично от Д. Рябинина пришло несколько весьма интересных материалов, в частности текст о студенческих волнениях в Краснодаре, помещенный в последнеми номере "Хранителей Радуги", и большая подборка материалов о фашистских и ультраправых организациях Краснодара. Судя по всему, фашистские настроения в этом регионе за последние годы существенно усилились, а фашистские организации существенно укрепили здесь свои позиции и все это при явном попустительстве властей. Население же в целом пассивно и ни как не реагирует на происходящее.

В редакцию так же пришло письмо и от известного московского анархиста Влада Тупикина (постоянного автора нашего катализатора). Письмо озаглавлено так: "Почему журнал "Наперекор" никогда не станет "Общиной" 90-ых годов ". В первой половине письма кратко пересказывается история журнала "Община", бывшего для движения (цитируем): "своим компасом, своим организатором, своим просветителем, своим внутренним голосом, своим боевым товарищем". Далее высказывается мысль о том, что "Наперекор" "с этой ролью не только не справился, но и безумно далек от нее". Влад пишет: "На всем облике "Наперекора" – начиная от чудовищной верстки, практически отсутствующих или передранных из других, всем в движении известных источников иллюстраций и до занудных заголовков и напыщенных псевдонимов авторов, стоит отчетливая печать слишком долгого существования в колбе, удушливый воздух который не позволяет развернуться полету фантазии". При этом он считает "большинство редакции "Нперекора" людьми глубоко косными и отставшими от жизни, либо боящимися ее", что выражается в занудном теоретизировании "на семинарах и собраниях", вместо участия в практических делах "Хранителей Радуги", которых Влад считает единственной действенной силой анархического движения, "моделью для воссоздания анархического движения в нашей стране, его новой инкарнацией". И последняя цитата из письма: "Меня, признаться, уже достал

продолжение на стр. 73

ТРОЦКИСТСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИИ

или:

Как лжет «Левый авангард»?

Бог-отец Карл Маркс однажды сказал, что история повторяется дважды - первый раз как трагедия, второй - как фарс. 76 лет назад основатель троцкистского движения и «рабочего государства» расстреливал «как куропаток» простых рабочих и матросов, анархистов, максималистов, левых эсеров, беспартийных. Так, в трагедии проявлялась классовая сущность большевизма. Сегодня идейные наследники палачей Кронштадта поучают жизни нас, анархистов, наследников своих жертв. Фарс, да и только. Правда, довольно гнусного пошиба.

Чует, чует кошка, чье сало съела! Стоило анархистам выразить несогласие со странной практикой объединения «левого антифашизма» на партийной основе с привлечением в него различных фашизоидных типов, как на них тут же обрушился шквал крикливых и бранчливых обвинений. Троцкистская газетка «Левый авангард» (тенденции «Милитант»), которая и затеяла сие действо, не нашла лучшего применения своим «антифашистским» страницам, кроме как заполнить три из них р-р-разоблачением гнусных происков КРАС, журнала «Наперекор» и анархистов вообще. Причем не особо стесняясь незнанием или сознательным искажением исторических фактов и лавиной грамматических ошибок (надо же додуматься назвать заводы «Рено» - «Ренайт»!).

На безграмотную чепуху обычно отвечать не следует. Но стало обидно за великого анархистского революционера Буэнавентуру Дуррути, которого в газете упорно именуют почему-то «Дуррати». Не иначе, как издеваются, решил я. Стыдно, товарищи троцкисты. Мы же не называем вашего отца-основателя ***Дроцким!***

Пришлось вступиться за память Дуррути и других жертв троцкистской фальсификации прошлого и настоящего. Так и родились вот эти небольшие заметки.

Прежде всего, скажу, что троцкофобией я не страдаю. Стоит ли, в самом деле, бояться небольших, разрозненных группок, которые вечно дерутся между собой на потеху всего остального мира? Один троцкист, как известно, это уже троцкистская партия, двое - целый интернационал, а трое - раскол этого интернационала. Все это скорее смешно, чем страшно. Но дело не в величине, а в злонамеренности. Троцкий для меня менее неприятен, чем Сталин, но иногда неизвестно, кто опаснее: ни во что не верящий циничный подонок или аморальный фанатик, пролагающий ему дорогу.

Могут ли анархисты и троцкисты состоять в одной организации, быть союзниками? Это, прежде всего, вопрос о том, можем ли мы этому союзнику доверять. И здесь история дает отрицательный ответ: нет, не можем; троцкистам (как и вообще большевикам) доверять нельзя, ибо они отрицают какую-либо этику в политических вопросах. Для них важна только целесообразность...

Как только революционная эмиграция в 1917 г. узнала о Февральской революции, она стала собираться домой, в Россию. Незадолго до отправки встретились два революционера: анархист Волин и социал-демократ Троцкий. В заключение разговора анархист сказал: все это прекрасно, но ведь если вы возьмете власть, вы будете нас расстреливать! Будущий большевик смертельно обиделся. Как вы могли такое подумать? - закричал он. Никогда мы, социалисты, не будем убивать других социалистов! Не прошло и полутора лет, как тюрьмы «коммунистической» России переполнились анархистами и левыми эсерами.

Лидер «Левого авангарда» Р.Д. в статье «Марксизм или анархизм?» (у Сталина это называлось почти также: «Анархизм или социализм?») без тени стыда утверждает, что анархисты в годы гражданской войны «оказались на стороне реакции», поскольку критиковали меры, принятые в защиту революции. Вы лжете, тов. Р.Д. Да, анархисты хотели продолжать и углублять революцию, в то время, как вы большевики тормозили ее и думали, как бы половчее заставить рабочего человека, эту «ленивую скотину», работать по системе Тейлора, которую ваш вождь Ленин еще недавно клеймил как потогонную. Да, анархисты понимали защиту революции иначе, чем вы - строители регулярной армии с иерархией, шагистикой и мертвящей дисциплиной. Мы были и остаемся сторонниками всеобщего вооружения народа, и превосходство рабочих милиций должны были в 1936 г. признать и ваши испанские товарищи. Все это так. Но аресты анархистов в России развернулись, по меньшей мере, за месяц до начала широкомасштабной гражданской войны. Разгромом анархистских клубов и отрядов нам была объявлена война, и тут уж оружия не выбирают. И если в ходе ее анархисты не пожелали искать меньшего зла между деспотом-комиссаром и белой сволочью, то они были тысячу раз правы! Грош цена вашему «рабочему государству», где платные функционеры воюют не столько с классовым врагом, сколько со своей собственной непокорной «социальной опорой».

Сегодня, десятилетия спустя, вряд ли можно доверять троцкистским «союзникам» из «Милитант». Известно, что в Англии в период борьбы против подушного налога («полл-тэкс») «милитантовцы» сдавали анархистских активистов полиции.

Но вернемся к истории. «Левый авангард» вслед за Троцким упрекает испанских анархистов 30-х годов за то, что они не взяли в свои руки политическую власть. Действительно, СНТ и ФАИ наделали уйму тяжелейших ошибок. Но главная из них состояла не в том, что они не взяли власть, а в том, что они не разрушили ее. У испанских анархо-синдикалистов была разработанная программа строительства нового безгосударственного общества - федерации свободных коммун и рабочих ассоциаций. Но они отказались от ее осуществления ради «антифашистского единства» (хороший урок нынешним «левым антитфашистам!»). И даже это не помешало им продвинуть дело социальной революции много дальше, чем это было в России. Сотни тысяч крестьян Арагона многие месяцы жили при (пусть неразвитом) безгосударственном коммунизме, без начальников, иерархии и неравенства. Удалось ли ленинистам всех мастей когда-нибудь и где-нибудь что-либо подобное?

История с «Друзьями Дуррути» искажена в «Левом авангарде» до неузнаваемости. Говорить о том, что Дуррути внедрял «дисциплину» - значит повторять сталинистские выдумки Кольцова и Эренбурга. Никто из анархистов так не сопротивлялся внедрению принципов регулярной армии, как Дуррути. А уж то, что его последователи стремились к «взятию власти рабочими, организованными в революционные хунты» - просто злобная чепуха. Речь шла всего лишь о создании органа координации действий восставших в Барселоне в мае 1937 г. От идеи безгосударственного коммунизма революционные анархисты никогда не отказывались. Не отказываются и сейчас.

Р.Д. приложил немалые усилия, чтобы представить современный западный и российский анархизм как экзотическое скопище ходячих недоразумений, не имеющее широкой организационной базы. При этом он предусмотрительно смолчал об анархо-синдикализме. В рядах синдикатов и инициативных групп Международной ассоциации трудящихся и ее союзников, а так же в других революционно-синдикалистских организациях состоят десятки тысяч членов (а не избирателей!). И они ведут реальную борьбу за права трудящихся, а не занимаются

интригами в Лейбористской партии и не дерутся за кресла и посты. Ничем иным, кроме как сознательным и наглым враньем, следует считать и упреки «Левого авангарда» в адрес «догматических анархистов» в России, то есть, надо понимать, в адрес К.Р.А.С. Они «поворачиваются спиной к классовой борьбе», - с пафосом восклицает автор. Снова лжете, тов. Р.Д. Члены К.Р.А.С. вместе с другими анархистами и антиавторитарными левыми, а не вы, троцкисты, вот уже не первый год не пропускают ни одного крупного протеста трудящихся, раздают революционные синдикалистские листовки на митингах, пикетах, у ворот фабрик, заводов, учреждений, призывая к классовой борьбе! Что-то мне не довелось там видеть ваших активистов. Чем вообще они занимаются? Вероятно, разговаривают о борьбе с фашизмом или организуют «анти-антифашистские» выставки.

Вот об этом стоит поговорить подробнее. Известный своими нацбольскими симпатиями «тов. Василий» поместил все в том же «Левом авангарде» ответ анархистскому журналу «Наперекор», уверяя, что его «милитантовская» тусовка «ЛАС» занимается «конкретной и насущной проблемой», нашла «реальные формы воплощения теоретических положений» (интересно, чьих? Троцкистских?) и «начала противодействие» фашистам. Напротив, члены К.Р.А.С. и другие анархисты заняли сектантскую позицию, ничего не делают, пописывают никому ненужные статьи и поплевывают в потолок. Спрашивается, правда, какую же реальную борьбу с фашизмом ведет это великое и могучее (в отличие от жалких и не на что не способных анархистов) «ЛАС»? Насколько мне известно, все пока что ограничивалось пикетами перед коммерческим радио (кого и в чем вы хотите убедить, о отважные «классовые борцы»?) да раздачей листовок в центре Москвы, в буржуйском районе, перед коммерческими киосками. Недавно, на совещании различных антифашистских групп в Москве лидеры «ЛАС» пришли в ужас, услышав предложение анархистов о прямой физической конфронтации с фашистскими подонками. Это бессмысленно, с фашизмом надо вести идеологическую борьбу! Понимают ли они, что на этом далеко не уедешь, что логика и рассуждения фашистов иррациональны, что фашистской гадине, по возможности, нельзя давать расползаться по нашим улицам, пока мы еще не имеем возможности свергнуть то, что порождает фашизм, то есть господство и капитализм? Неважно; зато эта «цивилизованная» политика вполне соответствует линии «Молодежи против расизма в Европе» - «антифашистскому» придатку «Милитант». В это время анархисты и автономисты пытаются физически остановить нациков и скинов на улицах Берлина, Лейпцига, Москвы, а член французского анархо-синдикалистского профсоюза СНТ отправлен на полтора года за решетку за то, что во время антифашистской демонстрации посмел защитить североафриканцев от нападения полиции. Но что до этого «тов. Василию» и его компании из троцкистов, псевдоанархистов и самарских «студзащитников» - рьяных «борцов с сионизмом»? Что до этого «ЛАС» - этому аналогу «Московского антифашистского центра» Прошечкина, только под красным флагом?

Излюбленным способом дискредитации противника у авторов «Левого авангарда» стало сеяние путаницы и приписывание одним группам и течениям грехов других. Потрясает упорство, с которым Р.Д. и «тов. Василий» пытаются, полемизируя с К.Р.А.С., ссылаться на одну из статей в журнале «Наперекор», который отнюдь не является органом К.Р.А.С. и за который Конфедерация не несет никакой ответственности. Статья П.Рябова в журнале «Наперекор» отражает его частное мнение и публикуется в дискуссионном порядке; в следующем номере печатается возражение члена К.Р.А.С. Еще больше потрясают ссылки на высказывания Д. Костенко из «Черной звезды», которые Р.Д. пытается выдать за взгляды анархистов вообще.

Вероятно, для вас все анархисты одинаковы? Ведь это примерно то же самое, что обвинить ваших идейных отцов - Ленина и Троцкого - в поддержке первой мировой войны, в убийстве Розы Люксембург или в предательской политике КПГ, приведшей к победе Гитлера, только на том основании, что те, кто это делал, тоже были марксистами, социал-демократами или большевиками, «истинными» или «неистинными» - это уже другой вопрос.

Позиция К.Р.А.С. и «Наперекора» по этим вопросам проста и ясна. Бывший «анархист», а ныне член сталинистской и антисемитской РКРП Костенко, как бы мил он ни был лично «тов. Василию», - профессиональный авантюрист, причем и сам этим гордится. Не скрывал он и свое желание «качать» деньги из западных левых. Летом прошлого года он чуть было не извлек несколько сотен долларов из фондов австрийского студенческого союза, но нескольким московским левым радикалам удалось остановить эту аферу. О Цветкове, который «не является членом ЛАС и никогда туда не «проникал»», и говорить нечего! Этого члена НБП и нынешнего редактора «Лимонки» московская секция «Милитант» активно приглашала на мероприятия и концерты, несмотря на все предупреждения московских анархистов. Неладно что-то в «левом антифашизме»!

И последнее. «Тов. Василий» напрасно волнуется. Нам совершенно все равно, откуда берет деньги российская секция «Милитант» и ее дочерняя структура «Молодежь против расизма в Европе». Но все-таки, просто так, любопытства ради, раз уж об этом зашла речь. Возможно, «ЛАС» не финансируется «Милитант». Тогда не поделится ли «тов. Василий» с нами, убогими сектантами, своим драгоценным опытом: где это ему удалось раздобыть такие средства на выпуск двухтысячным тиражем 12-страничной (формата А-3) газеты «Левый авангард»?

Нет, товарищи критики! Напрасно вы полезли с нами спорить. Вам это не по зубам! Привносите себе дальше «социалистическую идеологию в массы», создавайте «авангарды», играйте в игры с властью, пытайтесь установить диктатуру над пролетариатом и железной рукой «загнать его к счастью» - флаг вам в руки. Большой, красный, серпастый и молоткастый, с гербом сталинского режима, который вы призывали защищать во время войны. Только не удивляйтесь, когда на смену вам придут те, кого вы породите своей безумной политикой, и дадут вам ледорубом по голове!

В.ГРЕЙ, член К.Р.А.С.

(начало на стр. 71)

фирменный "наперекоровский" подход — после какой-нибудь очередной акции "Хранителей" тоном заботливоо доктора поставить диагноз и обобщить наш опыт".

Мы благодарим Влада Тупикина за высказанную критику, о справедливости которой предоставляем судить нашим читателям. Одно только нас удивило. Дело в том, что все без исключения статьи о "Хранителях Радуги", опубликованные в предыдущих номерах нашего журнала и критикуемые В.Тупикиным за "фирменный наперекоровский подход", написаны самим же В.Тупикиным. Желающие могут проверить! Что касается нас, то мы так и не поняли, то ли это саморазоблачение в духе маоистской компании по самокритике, то ли автор письма просто не читал "Наперекор".

Очень порадовало нас письмо, пришедшее из эко-коммуны — «Атши» (название, по-видимому, заимствовано из романа Урсулы Ле Гуин — «Слово для леса и мира одно»). Товарищи атишане являются, как следует из письма, — экологистами и коммунитаристами, а так же увлекаются восточной философией. Рыночных отношений они не признают и предлагают обмениваться разными вещами через «Перераспределитель», т.е. своего рода обменник, куда каждый желающий кладет то, что хочет и соответственно, откуда он берет то что хочет. Мы решили положить в обменник бой номер Наперекора и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество. Того же мы желаем и всем остальным нашим подписчикам и читателям. Всего наилучшего!

Левый терроризм в России уже не только теория!

Первый взрыв прогремел в Москве 8 октября 1996 г. около здания военкомата Северо-Восточного округа. Была взорвана бомба, начиненная примерно 350 граммами тротила. Пострадавших не было, но зданию был причинен ущерб. Тогда ответственность за взрыв взяла на себя организация под названием "Новая Революционная Альтернатива". Еще один теракт был совершен 27 февраля 1997 г., на этот раз бомба была заложена в здание военкомата Юго-Западного округа Москвы. Некоторое время назад рядом анархистских изданий было опубликовано "Заявление N 1" в котором и было заявлено о существовании НРА. Недавно редакция "Наперекора" получила по почте любопытный документ под названием "Заявление N 2". Ниже приводится полностью текст этого документа.

Заявление N 2

27 февраля в здании отделения N 3 военкомата Юго-Западного округа г.Москвы (бывшего Черемушкинского райвоенкомата) было обнаружено и обезврежено заложенное там взрывное устройство. Мы, "Новая Революционная Альтернатива" (НРА), принимаем на себя ответственность за минирование военкомата. Мы сами сообщили об этом в военкомат, предупредив о возможности взрыва.

Эту акцию мы считаем необходимой в данное время в условиях преступной деятельности законодательной и исполнительной властей по отношению к своим гражданам, в том числе по отношению к молодым людям призывного возраста. Большинство положений закона об альтернативной гражданской службе всегда обходится военными чинами. Например, служащие военкомата N 3 Юго-Западного округа незаконно привлекали к уголовной ответственности граждан, заявивших намерение пройти альтернативную службу. Известны случаи, когда мужчин призывного возраста, приписанных к этому военкомату, после задержания под предлогом проверки документов направляли на службу в армию.

В предыдущем заявлении, где мы приняли ответственность за взрыв устройства, установленного в хранилище списков призывников военкомата N 2 Северо-Восточного округа, было указано, что армия убивает граждан своей и чужой страны, является антинародной и преступной, армия - аппарат подавления на службе у государства.

Мы требуем:

1) От Министерства Обороны и Государственной Думы РФ - сохранить в полном объеме отсрочки от службы, полагающиеся в настоящее время призывникам в соответствии с существующей редакцией закона "О воинской обязанности и военной службе".

2) От правительства Москвы и префектур г. Москвы - прекратить мероприятия, направленные на призыв в армию офицеров запаса и выпускников ВУЗов.

В случае, если эти требования не будут выполнены в 10-тидневный срок со дня получения заявления N 2, мы предпримем ряд действий, которые будут означать войну антинародному государству.

Мы призываем всех честных людей повсеместно следовать нашему примеру.

Сопротивляйтесь государственному тоталитаризму!

Создавайте очаги народного самоуправления!

«Новая Революционная Альтернатива»

28 февраля 1997 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ГАЗЕТУ «ЛИМОНКА»

Здравствуйте, товарищи фашисты!

Чувствительно вам признателен за удовольствие, полученное от чтения № 55-56 вашей газеты. Других я, правда, не читал, да ведь они, наверное, все одинаковые. Хорошая газета. Лучше, пожалуй, только "НГ", хотя вы с этим не согласитесь. И не надо!

Хочу задать вам вопрос, возникший у меня по прочтении "Новогоднего обращения вождя..." (Э.Лимонова) в № 56. Вождь пишет: "*Обыватель преследует свои мечты о теплых тараканьих углах, квартирке, дачке, герой должен идти в НБП*". Обыватель - он да, он такой. Я не о нем. О герое. Дело вот в чем: я, как и вы, тоже очень люблю все героическое. Как-то: Леонида с его спартанцами, "Песнь о нибелунгах", Джордано Бруно, Бонапарта, Гумилева, Януша Корчака, Анатолия Марченко. И вот я хочу спросить: к какому из вышеперечисленных образцов героизма ближе стоите вы? И (хоть тут и будет покушение на свободу вашего ответа, но уж простите, рискну угадать сам, а если ошибусь - поправите) не ближе ли вам и в самом деле Муссолини - дутое ничтожество, посвятившее жизнь безуспешной борьбе с собственным комплексом неполноценности?

И вот еще. Это меня смущает, но факт. Почему-то ни один герой из тех, кого я знаю лично, до сих пор не пошел в НБП. И не собирается!

А пока я думал написать вам, у меня и еще вопросик появился. Так хорошо, что не поспешил, поспешность хороша при поносе, а при письмах в "Лимонку" отнюдь не уместна! Ну так вот. В уже поминавшейся мною добрым словом "НГ", за 1.02.97 прочел я другое слово Э.Лимонова. Отвечая на вопрос о "персоне/антиперсоне" прошедшей недели на ТВ, он сказал буквально следующее (кто не верит - пусть посмотрит!): "*Антиперсона - Владимир Высоцкий. Его герой - само упоенный слизняк, обыватель - вызывает у меня отвращение*". И вот я хочу спросить: не кажется ли товарищам фашистам, что их вождь помешался?

За сим не смею больше отнимать ваше время. Правильной дорогой идете, товарищи! АЛЛАХ вам АКБАР, что по-чеченски означает СЛАВА РОССИИ!

24.02.97, ночь после Дня Красной Армии.

П.К. Сципион-Африканский

Копию письма отдам в анархо-журнал "Наперекор" (107061, Москва, а/я 500). Не обижайтесь, если напечатают!

ПАМЯТИ Н.М.ПИРУМОВОЙ

Восьмого апреля 1997 года не стало Натальи Михайловны Пирумовой. Анархистам России, да и всем, интересующимся историей российского освободительного движения, хорошо известно это имя.

Ведь Наталья Михайловна, которую многие полушутя называли "бабушкой русского анархизма", была автором прекрасных книг о Бакунине, Кропоткине и Герцене, первооткрывательницей этой запрещенной темы - истории анархизма - в советской научной литературе,- после десятилетий сталинских запретов. Многие из нас пришли к анархизму, именно ознакомившись с этими книгами, сочетающими высокую научность, прекрасное изложение с огромной любовью автора к своим героям.

Наталья Михайловна Пирумова принадлежала к тем, чрезвычайно редким в советской исторической науке, людям, которые не боялись идти против течения, высказывать крамольные мысли и, не замыкаясь в узких академических кругах, популяризировали идеи освободительного движения в широкой аудитории. Ведь она не просто как бесстрастный ученый изучала эти идеи, но, как человек, глубоко сочувствовала им.

Помимо нескольких монографий о русских анархистах и революционерах, Н.М.Пирумовой написано множество статей. До последних лет она была вдохновительницей и активной участницей Комиссии по изучению творческого наследия П.А.Кропоткина, поддерживала тесные контакты со многими участниками современного анархического движения. Вновь и вновь бескомпромиссно, хотя и безо всякой надежды на успех, Наталья Михайловна обращалась к властям с требованием выполнить наконец посмертную волю Кропоткина и вновь передать его дом под музей анархизма. Бакунин, Кропоткин, Герцен были для Натальи Михайловны не просто объектами научного изучения, но, прежде всего, живыми людьми, воплотившими в жизнь те высокие идеалы свободы, которые они проповедовали в своих сочинениях. Так, Бакунина Пирумова с любовью называла: "Мишель", подробно тому, как его до самой старости называли близко знавшие его современники. И сама Наталья Михайловна была самоотверженной и бесконечно обаятельной натурой, идеалисткой старого закала. Многим из нас выпало счастье познакомиться с ней не только заочно - по ее книгам, но и непосредственно - во время научных конференций и празднований анархических юбилеев, во время поездок в Прямухино, на родину Бакунина, и походов в дом Кропоткина.

В годовщину смерти Петра Алексеевича в феврале 1995 года группа анархистов вместе с Пирумовой хотела сфотографироваться на фоне дома Кропоткина в Москве. И Наталья Михайловна спросила: "Где же н а ш е знамя ? Пусть его поднимут над нами". Она никогда не называла себя анархисткой, но анархисты России и все те, кому дорога история освободительного движения, будут с любовью и благодарностью помнить этого замечательного человека, выдающегося ученого, "бабушку русского анархизма"- Наталью Михайловну Пирумову.

РЕДАКЦИЯ "НАПЕРЕКОРа"

наперекор

катализатор умственного брожения

N 6 лето 1997

Связь с редакцией по адресу:
107061 МОСКВА, а/я 500
cube@glasnet.ru

Для подписки на наш журнал, достаточно отправить почтовый перевод по адресу:

125475 Москва, до востребования Рябову П.В.

В графе "для письменных сообщений" укажите, сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. Стоимость подписки: на 1 номер - 12000 руб., 2 номера - 24000 руб., 3 номера - 35000 руб. Цены даны с учетом почтовых расходов. Оптовым распространителям (от 5 экз.) журнал предоставляется со значительной скидкой. Перепечатку материалов журнала приветствуем, ссылки желательны, хотя и не обязательны. Мы просим присылать нам экземпляры изданий, где опубликованы наши материалы..

